

**Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Кафедра теории и истории государства и права

О. В. Андрусенко

**Очерки по истории систематизации
уголовного законодательства
Российской империи
первой половины XIX века**

Монография

**Екатеринбург
2010**

ББК 67.3(2)52
А654

Андрусенко О. В.

А654 **Очерки по истории систематизации уголовного законодательства Российской империи первой половины XIX века:** монография / О. В. Андрусенко. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2010. – 174 с.

ISBN 978-5-88437-222-1

Dàwáí cǎi òu: ***Ī. Ā. Āàǒǐéíǎi***, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УрЮИ МВД России;
Y. Ō. Ōàì ĩǐ íǎi, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права УрГЮА

В монографии на основе исследований юристов XIX–XX вв., законодательных актов, опубликованных и архивных материалов показывается процесс систематизации уголовного законодательства Российской империи в 1800–1850-е гг. Автор также анализирует содержание Свода законов уголовных.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов и широкому кругу читателей, интересующихся историей российского права.

Обсуждена на заседании кафедры теории и истории государства и права УрЮИ МВД России (протокол № 10 от 14 октября 2009 г.).

Печатается по решению редакционно-издательского совета УрЮИ МВД России.

ISBN 978-5-88437-222-1

ББК 67. 3(2)52

© О. В. Андрусенко, 2010

© Уральский юридический институт МВД России, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процессам развития современного российского законодательства нередко сопутствуют проблемы, являющиеся актуальными для правовой сферы деятельности Российского государства на протяжении нескольких столетий. На сегодняшний день особый интерес представляют исторические аспекты процесса систематизации законодательства страны и его места в становлении законодательства России. Обращение юристов к истории эволюции правовых традиций государства должно способствовать выработке правильных подходов к совершенствованию современного законодательства, поэтому изучение отечественного права с точки зрения тенденций его развития представляет научную и практическую ценность. В этом отношении уголовное право России являлось и является одной из основных отраслей права, определяющих лицо российской правовой системы как в прошлом, так и в настоящем.

В условиях экономических, социально-политических и правовых реформ необходимо и неизбежно обращение к их историческим предпосылкам, к правовому творчеству наших предшественников – реформаторов, систематизаторов, правоведов. Таким образом, историко-правовой анализ систематизации законодательства в различные периоды истории России (и в целом, и на уровне отдельных отраслей) имеет особую значимость для юридической науки.

В связи с этим настоящая работа посвящена систематизации уголовного законодательства в контексте исследования одного из самых интересных и противоречивых периодов истории развития российского государства и права – первой половины XIX в.

В этот отрезок времени отрабатывается механизм и процесс законодательной деятельности государства, проводится активная работа по систематизации законодательства, складывается его система, совершенствуется юридическое образование и правоправедение. Все это нашло отражение в развитии юридической сферы деятельности Российского государства. В этом отношении – как характеристика процесса систематизации законодательства России в первой половине XIX в. целом – показательно именно уголовное законодательство, которое в течение 50 лет прошло все основные стадии систематизации: инкорпорацию, консолидацию, кодификацию и путь от хаотичной массы уголовных законов до первого в истории России уголовного кодекса – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

В представленных очерках автор попытался:

- проанализировать факторы, определяющие необходимость систематизации уголовного законодательства, общие и специальные (юридические) предпосылки этой деятельности;
- выделить основные направления систематизации уголовного законодательства Российской империи в первой половине XIX в.;
- проследить историю создания и оформления актов систематизации уголовного законодательства Российской империи в первой половине XIX в.;

- проиллюстрировать преемственность нормативной источниковой базы при создании Проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.;

- дать сравнительную характеристику теоретических и содержательных основ Свода законов уголовных (1832 г. и 1842 г.) и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Работа опирается на исследования юристов XIX – начала XX вв. (С. И. Баршева, С. Будзинского, Г. Гордеенкова, О. И. Горегляда, П. Гуляев, П. И. Дегая, В. В. Есипова, А. Ф. Кистяковского, Н. В. Латкина, А. В. Лохвицкого, А. Павлова, С. В. Познышева, П. Редкого, В. Д. Спасовича, М. Ступина, Н. С. Таганцева, А. Г. Тимофеева, Г. С. Фельдштейна, О. А. Филиппова, И. Я. Фойницкого, Л. А. Цветаева, М. П. Чубинского и др.) и правоведов нынешнего столетия (В. А. Балыбина, С. Л. Гайдука, Ю. В. Мещерякова, М. Г. Миненка, Р. В. Нигматуллина, С. С. Остроумова, Б. С. Ошеровича, П. С. Ромашкина, Б. С. Утевского, М. Д. Шаргородского и др.). К вопросам систематизации российского законодательства также обращались В. М. Баранов, Г. Б. Гальперин, С. В. Кодан, А. И. Колесников, В. А. Сивицкий, М. В. Сидорчук, И. И. Солодкин, А. Ф. Шебанов и др.

При написании работы использован достаточно широкий круг источников. Привлеченные к исследованию источники включают законодательные акты и акты систематизации уголовного законодательства: Полное собрание законов Российской империи, Свод законов уголовных (Свод законов Российской империи 1832 г., 1842 г. и 1857 г. изд., т. 15), Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; материалы официального делопроизводства (документы по организации и деятельности кодификационных учреждений, в частности Комиссии составления законов и Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии), собранные в Российском государственном историческом архиве.

**ПРОЕКТ УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ПОИСКИ ПУТЕЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.**

1.1. Попытки систематизации уголовного законодательства

Попытки систематизации российского законодательства, включая и уголовное право, после издания Соборного уложения 1649 г. в течение ста пятидесяти лет предпринимались неоднократно, но успеха не имели. К началу XIX в. накопилось огромное количество законодательных актов. Изданные в разное время нормативные материалы руководствовались разными принципами и нередко регулировали уже отжившие области отношений. Тем не менее, все они считались формально действующими и использовались при рассмотрении административных и судебных дел. Большинство актов носило казуистический характер, вследствие чего трудно было найти какие-либо общие принципы для решения определенных категорий дел¹. Хаос в законодательстве усугублялся и тем, что подавляющая часть действующего нормативного материала была неизвестна государственным органам и чиновникам, а в некоторых случаях просто недоступна. Законы были собраны в многочисленных сборниках, книгах, журналах присутственных мест, а также в рукописях, не имевших достаточной полноты и достоверности.

Отставание развития законодательства от потребностей различных областей жизнедеятельности страны требовало резкого усиления внимания властей к юридической сфере деятельности государства. Это проявилось, прежде всего, в понимании необходимости наведения порядка в законодательном массиве страны и постоянном его обновлении. Систематизация уголовного законодательства не только вписывалась в этот процесс, но и была весьма актуальной, поскольку даже официальные документы подчеркивали, что «недостатки... узаконений... уголовных были известны и часто чувствуемы в судебной практике»².

В XVIII в., как известно, неоднократно создавались специальные кодификационные комиссии, однако ни одна из них не выполнила поставленных задач. Это было связано со многими факторами: неразвитостью юридической сферы деятельности государства, отсутствием юристов, начальной стадией формирования правоведения. Уголовное право, находясь в общем контексте проблем, оказалось в таком же запутанном положении, как и все остальные отрасли права и направления юриспруденции.

¹ См.: *Шебанов А. Ф.* Полное собрание законов Российской империи. (Из истории систематизации законодательства в России) // Труды ВЮЗИ. М., 1970. Т. XIV. С. 278.

² Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. СПб., 1846. С. 44.

В 1796 г. указом Павла I была возобновлено действие Уложенной комиссии¹, которую тот повелел называть Комиссией для составления законов. Комиссии предписывалось «...собрав все изданные доселе узаконения, извлечь из них три книги законов Российской империи: первую уголовных, вторую гражданских, третью казенных дел...»². Для исполнения данного распоряжения предлагалось «избрать искусных в законознании чиновников». Готовые части книг или отделения должны были вноситься на непосредственное рассмотрение и утверждение Сената.

В 1801 г. функции этой Комиссии, практически не приступившей к работе, были скорректированы рескриптом Александра I от 5 июня 1801 г.³, в котором он определил основные задачи Комиссии составления законов. Император подверг резкой критике существующее законодательство, осуждая «...мрак, облажающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении». Оценивая деятельность предыдущих комиссий, Александр отмечал: «...в течение почти одного века с половиною, законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями... не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их намерениях, ни постоянности в их действии». В рескрипте предлагалось приступить к систематизации собранного на тот момент законодательного материала и выбрать в члены Комиссии людей, «вполне способных и подготовленных».

Председателем Комиссии составления законов был назначен граф Заводовский, человек, «...который, сверх обширных по сей части сведений, имел и достаточные познания о действии бывших доселе комиссий, дабы тем скорее и успешнее мог он все привести в надлежащее движение»⁴. Членами Комиссии стали Ананьевский, Пшеничный, Пряшников, Радищев и Ильинский⁵. Работа Комиссии и ее председателя находились под неусыпным контролем императора, который предписывал «...вносить... (ему. – *Авт.*) о течении дел... ежемесячно записки»⁶. В 1803 г. при Министерстве юстиции была образована еще одна особая комиссия составления законов, перед которой была поставлена задача «законы утвердить на непоколебимых основаниях права»⁷.

Труды всех комиссий не принесли каких-либо ощутимых результатов. Сперанский, оценивая работу предшествующих кодификационных учреждений, выделял ряд причин этих неудач. Основная проблема состояла в кадрах:

¹ См.: Труды комиссии составления законов. СПб., 1822. Ч. 1. С. 16–17.

² Там же.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. (Далее – ПСЗ-1). Т. XXVI. № 19 904.

⁴ Там же.

⁵ См. об этом: *Сухомлинов М.* Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 615; *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 312.

⁶ ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19 904.

⁷ Труды комиссии составления законов. С. 22.

«...правительство по необходимости употребляло к сему делу людей, большею частью занятых, обремененных другими делами». Кроме того, среди чиновников, непосредственно назначенных для кодификации, «соединение теории с опытностью случалось очень редко». Одной из причин неудач он называл недооценку всей сложности проблемы («все почти комиссии представляли себе дело, им подлежащее, не только настоящим, но и в исполнении легким») и отсутствие четкой программы работ («...происходило, что все почти приступали прямо к концу его, не приготовив ни начала, ни середины. ... Поэтому они то печатали манифесты о сочинении Уложения, не сочинив его, то приступали к составлению свода законов или даже Уложения, не сделав предварительно собрания законов, на которых должно основываться само Уложение»¹).

В 1804 г. Александром I была образована новая, десятая по счету, начиная с 1700 г., комиссия. Ее название было оставлено почти прежним – Комиссия составления законов. Главной задачей вновь созданной комиссии было «составление свода существующих законов и подготовка кодекса новых законов». Комиссия находилась в ведении министра юстиции в составе трех экспедиций, каждая из которых состояла из одного референтария, нескольких редакторов и других чиновников. Министр юстиции, непосредственно управляющий комиссией, и товарищ министра составляли «присутствие комиссии»².

В этой последней комиссии и проходила работа над новым Уголовным уложением. Ее возглавлял барон Густав Розенкампф, лифляндец по происхождению, которому «...нельзя было отказать ни в остром уме, ни в обширных теоретических сведениях; но знания его в русском языке были крайне скудны, а о России еще скуднее»³. Кроме того, как отмечал русский юрист Е. П. Карнович, Розенкампф «...не выяснил вполне предстоявшей ему задачи... он то хотел сделать издание законов каким-то историко-археографическим трудом, то... принимался за сличение русского законодательства с иностранными законодательствами»⁴.

В 1809 г. последовала реорганизация Комиссии составления законов. Планирование мероприятий по систематизации должно было осуществлять правление, состоявшее из председателя Комиссии и двух ее членов, одним из которых стал М. М. Сперанский, определенный в Комиссию в 1808 г.). При Комиссии создавался также совет (председатель Комиссии, два ее члена и сенаторы, назначенные императором), которому было предписано обсуждать

¹ Сперанский. М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1837. С. 55–59.

² См.: Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). СПб. Ф. 1260, оп. 1. Предисловие.

³ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 146.

⁴ Карнович Е. Л. О новом издании Полного собрания законов // Русская старина. 1874. Т. X. С. 416.

подготовленные Комиссией итоговые документы. Непосредственная работа по систематизации узаконений и подготовке законопроектов должна была проходить в шести отделениях (гражданского уложения, уголовного уложения, коммерческого уложения, публичного права и государственной экономии, Свода законов остзейских, Свода законов малороссийских и польских). При отделениях следовало находиться так называемому «сословию юрисконсультов» – составу чиновников, занятых подготовительными работами. Обсуждение вопросов происходило следующим образом: материалы обрабатывались юрисконсультами в отделениях, затем поступали в правление и далее – в совет.

Деятельность Комиссии пошла значительно успешнее, когда членом ее совета в 1808 г. был назначен М. М. Сперанский. Направление деятельности осталось прежним, дополнительно предполагалось лишь создание проектов уложений при помощи иностранных ученых, «в особенности французских ученых-законоведцев». Во многом этому способствовало несовершенство правовой науки России, находящейся на стадии развития. При этом нельзя не учитывать определенную западную ориентацию самого Сперанского. Его биограф М. А. Корф, хотя и несколько утрированно, отмечал: «Напитанный наполеоновскими идеями, он не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию»¹. Во время поездки Сперанского в свите государя в Эрфрут сам Наполеон рекомендовал французских правоведов Локре и Легра, которые впоследствии стали членами Комиссии. Сперанский вел переписку с Талейраном и Дюпоном по вопросу создания Уголовного уложения. В 1806 г. началась переписка с Фейербахом, известным «...отличными сведениями своими в юриспруденции и выдержавшим испытания в Высшее училище правоведения»². Он был принят в члены-корреспонденты Комиссии 24 февраля 1806 г., и ему поручили заниматься составлением сравнительных таблиц для проекта Уголовного уложения под руководством Розенкампа³.

Комиссия привлекала к сотрудничеству и русских юристов, но, как правило, для второстепенной работы, и только единицы из них зачислялись членами-корреспондентами⁴. Так, в 1810–1812 гг. при составлении Уголовного уложения помощником Якоба⁵ работал Осип Горегляд. 11 апреля 1810 г. в качестве члена-корреспондента комиссии был определен «профессор юриспруденции Цветаев»⁶. В Комиссии (до приглашения в нее в 1808 г. Якоба)

¹ Корф М. А. Указ. соч. С. 156.

² РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 4, л. 78.

³ Там же.

⁴ См.: Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 9.

⁵ См.: РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 19, л. 20.

⁶ РГИА, д. 8, л. 29.

над проектом Уголовного уложения работали «начальник Дружинин, помощники Зальфельд, Цветков, Вронченко, Анненский, Яценков, Тургенев»¹. В таком составе Комиссия за последующие шесть лет (1809–1815) завершила составление Уложения гражданского, Уложения уголовного, двух частей Уложения торгового, первой части устава гражданского судопроизводства, тома 1 Свода законов.

Начиная с 1804 г., Комиссия составления законов разработала три различных плана, по которым следовало подготовить и издать Уголовное Уложение Российской Империи (первый план в 1804 г., второй в 1809 г. и третий в 1815 г.). В архивных материалах имеется краткое сравнение плана уголовных законов, утвержденного императором в 1804 г., с планом, представленным в 1809 г.², проведенное Розенкампом. Он писал, что в плане 1809 г. наблюдалась масса недостатков: во многих подразделениях предметы перемешаны, нет целой главы о личных обидах и нарушениях чести, ничего не сказано об особых отношениях между супругами, между детьми и родителями, господами и крепостными прислугами и проч. Розенкамп не утвердил данный план и поручил начальнику отделения коллежскому советнику Якобу составление проекта Уголовного уложения по старому (1804 г.) плану с некоторыми изменениями, что и было выполнено³.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть план кодификации основных отраслей законодательства, включая создание Уголовного уложения, представленный Александру I в докладе министра юстиции 28 февраля 1804 г. Им предусматривалось создание именно «Книги законов» как комплекса согласованных между собой уложений, кодифицирующих основные отрасли права.

В «Главном расположении книги законов» Комиссией указывалось, что первая часть содержит в себе «государственные постановления» – собственно законы, а «вторая часть – Основания права (*principia juris*) – основные начала (принципы) права и комментарии к ним, на коих утверждаются законы гражданские, уголовные и судебные обряды. Они будут изложены в таком же порядке, как и законы общие»⁴. «Основания права» должны были применяться ко всем случаям, «в общежитии встречающимся». Они представлялись кодификаторам как «...первые простые чистейшие истины, утвержденные на здравых заключениях человеческого разума, на долговременных опытах и наблюдениях строго исследованных»⁵. «Основаниям права» предавалась, таким образом, практическая направленность своеобразного

¹ РГИА, Д. 6, л. 40.

² Там же. Д. 264, л. 56, 179–188.

³ Там же.

⁴ Труды комиссии составления законов. С. 23.

⁵ Там же.

ориентира для правоприменительных органов государства. Они должны были одновременно носить нагрузку и интерпретационного характера, помогать в толковании законодательных норм.

Доклад о преобразовании Комиссии составления законов, утвержденный императором 28 февраля 1804 г., предусматривал план разработки как Уголовного уложения, так и изложение общих начал «права уголовного». Законы уголовные, в соответствии с указанным докладом (утвержденным Александром I), должны были составить самостоятельную (четвертую часть) «книги законов», в которую, в свою очередь, предписывалось включить два отдела: первый – «Устав уголовный», второй – «Устав благочиния и все, до полиции относящееся»¹.

«Устав уголовный» предполагалось разбить на два отделения, соответствующие Общей и Особенной частям.

Первое отделение в качестве Общей части уложения должно было затрагивать вопросы: «1) о преступлении и наказании вообще; 2) об отличительных свойствах разных злодеяний и преступлений; 3) нравственного и законного исследования всех степеней преступления: явного намерения, виновности, неосторожности...», а остальные девять рубрик – вопросы «покушения, соучастия, наказания, стечения преступлений и проч.»².

Второе отделение мыслилось уже как часть Особенная и предусматривало «распорядок преступлений и наказаний». Все преступления разбивались на две категории: «1) против благосостояния государства и 2) против благосостояния частного лица».

При этом первая категория делилась на три степени: первая – «преступления против веры, против особы государя и злоупотребление против государства и императорской фамилии»; вторая – «преступления против внешней безопасности государства, против внутренней тишины, сопротивление властям»; третья – против частных прав государства, против государственных чиновников и вины чиновников в отпавлении должностей, на них возложенных»³.

Вторая категория преступлений «против благосостояния частного лица» разделялась на деяния «общеопасные» и такие, «когда нарушаются оными права частных людей, без возмущения общей тишины»⁴. «Общеопасные деяния» разделялись на три степени: первая – «зажигательство, разбой, ночное воровство, воровство со взломом и похищением и смертоубийство»; вторая – «подлог или злоумышленный обман в отношении к обществу», «угрозы, подвергающие опасности жизнь многих» и «возмутительные слова, порицание

¹ Труды комиссии составления законов. С. 50.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 33–63.

⁴ Там же.

мер правительства, с оскорбительными выражениями для государя императора и власти»; третья – «всякие недозволенные деяния, производящие в обществе смятение», «нарушение общей тишины при отправлении богослужения», «сопротивление полиции» и «умышленное банкротство».

Деяния, когда нарушаются «права частных людей без возмущения общей тишины», также делились на три степени: первая – «повреждение физических и нравственных качеств, насильствование, бой и увечье, поношение...»; вторая – «злоупотребление домашней властью, многоженство, прелюбодеяние, подлог или лживые поступки, лишение собственности плутовством или коварством» и третья – «мошенничество и преступления, стремящиеся к развращению нравов»¹.

Наказание следовало определять «по соображению со степенями преступления», при соответствующих статьях проектировалось указывать не только содержание санкции, но и излагать «судебные обряды»². Как видно из данных положений, Уголовное уложение должно было включать и нормы уголовно-процессуального законодательства.

План Уголовного уложения 1804 г. был первой попыткой систематизации уголовного законодательства России на основе предполагаемой системы изложения основных положений уголовного закона. Однако по своей сути план 1804 г. был оторван от реальности и не осуществим. На первый план были выдвинуты государственные и религиозные преступления, остальные же не получили дальнейшей разработки и были сгруппированы не только без достаточного основания, но и даже без приведения каких-либо объяснений.

Необходимо обратить внимание и на то, что в период до 1810 г. Комиссия составления законов старалась не использовать опыт западноевропейского законодательства, хотя в распоряжении Комиссии имелся труд немецкого юриста Ф. Глобига, а также проект Баварского уголовного уложения, подготовленный Фейербахом. Основные усилия чиновников Комиссии были направлены на создание базы законодательного массива России и собрание узаконений, систематизированных по определенным рубрикам. В рамках этой деятельности приводились в определенный порядок и акты уголовно-правового характера, но эта работа не носила планомерный характер и не представляла отдельного этапа систематизаторской деятельности (как это было сделано позднее Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии при подготовке Полного собрания законов Российской империи), поэтому законодательный массив, находившийся в распоряжении Комиссии составления законов, был недостаточен.

И все-таки процесс создания уголовного кодекса продолжался. Как уже отмечалось, начальнику отделения по подготовке уголовного уложения профессору Якобу было поручено подготовить на основе имеющихся и дополнительно

¹ См.: Труды комиссии составления законов. С. 33–63.

² См.: *Фельдштейн Г. С.* Указ. соч. С. 313.

собранных материалов новый проект уголовного кодекса. Этот документ стал важным этапом в развитии русского уголовного права. Проект Уголовного уложения Якоба, далее рассматриваемый как проект 1813 г., стал наиболее успешной попыткой систематического изложения русского уголовного законодательства в первой четверти XIX в.

В архивных материалах хранятся несколько отличающиеся друг от друга редакции проекта Уголовного уложения, составленного Якобом: «Проект Уголовного уложения, составленный Якобом с приложением (французский и немецкий языки) 1812 г.»¹ и «Проект Уголовного уложения. Части I, II, III. Редакция 1813 г.»². В этом же деле хранятся «Основания уголовного права». С этого текста и был отпечатан в типографии в 1813 г. проект Уголовного уложения.

Проект Уголовного уложения 1813 г. состоял из трех частей: первая часть – Основания уголовного права – имела 5 глав и 111 параграфов общих положений; вторая часть рассматривала наказания за государственные и общественные преступления; третья часть описывала наказания за частные преступления.

Профессор И. И. Солодкин, сравнивая различные редакции проекта Уголовного уложения 1813 г., пришел к выводу, что проекты, составленные Якобом, были написаны под сильным влиянием Баварского уголовного уложения. Кроме того, сам Якоб указывал, что его работа над проектом была значительно облегчена тем, что в Комиссии существовал именно данный проект, составленный Фейербахом³.

Проект Якоба подвергся значительным изменениям в самой Комиссии при исправлении и обсуждении его в различных инстанциях. Комиссия составления законов направила написанный Якобом и исправленный в Комиссии проект Уголовного уложения в департамент Государственного совета вместе с объяснительной запиской в виде примечаний редакторов Комиссии на I, II, III части проекта Уголовного уложения и его краткого сравнения с существовавшими российскими и иностранными законами⁴.

В объяснительной записке к проекту подчеркивалось, что постановления проекта Уголовного уложения «...суть токмо извлечения из отечественных узаконений, как то: Уложения, Воинских Артикулов, Морского устава...» и других в разное время изданных указов⁵. Во введении к Основаниям уголовного права указывалось, что «при составлении Уголовного уложения для России должно весьма остерегаться вводить новые или заимствовать иностранные законы, которые по своему вероятно не будут приличествовать

¹ См.: РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 268.

² Там же. Д. 262.

³ См.: Солодкин И. И. Указ соч. С. 15.

⁴ См.: РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 264.

⁵ Там же.

правам, обычаям и характеру Российского народа, основанным на долговременных привычках, зависящих от климата и других местных отношений»¹.

При составлении проекта Уголовного уложения из собрания существующих узаконений Комиссия руководствовалась следующими принципами: «1) исправить те из присутствующих ныне узаконений... которые не сходны с настоящим положением Российского народа; 2) пополнить те, которые по неясности или неопределенности того требуют; 3) согласить разноречия...; 4) и, наконец, из всех исправленных, пополненных, очищенных и взаимно согласованных узаконений, составить одну книгу Уголовных законов или Уголовное уложение в естественном и ясном порядке»².

В 1824 г. М. М. Сперанский, вернувшийся из ссылки и сибирского генерал-губернаторства, представил в Государственный совет замечания и поправки к проекту 1813 г., касающиеся в основном Общей части (замечания относительно определения неосторожной вины, соучастия и видов соучастников и т. п.). В журнале Государственного совета указано, что на заседании 20 августа 1824 г. при рассмотрении проекта Уголовного уложения обсуждались «...точные пределы сего проекта и роды преступлений»³. В своих рассуждениях Государственный совет пришел к выводу, что, во-первых, Уложение должно объединять «все роды общих уголовных преступлений, исключая военных, горных и прочих, к особенным уставам принадлежащим»; во-вторых, уголовные преступления следует отличать от полицейских; в-третьих, «государственные преступления должны быть различены от частных», и к ним необходимо присоединить «общественные» преступления; в-четвертых, «...проект будет представлять первую часть целого Уложения об уголовных преступлениях и наказаниях, вторая должна будет содержать тяжкие полицейские преступления, третья – судопроизводство уголовное, четвертая – судопроизводство о тяжких телесных преступлениях»⁴. Согласно заключению Департамента законов Государственного совета предлагалось дополнить определение преступления «...тем, чтобы оно обнимало не только одни противузаконные действия, но и противузаконные упущения»⁵. Были сделаны замечания относительно «прикосновенности», «обстоятельств, увеличивающих преступление», «смягчающих обстоятельств»⁶.

Из замечаний на проект «относительно обстоятельств, смягчающих вину», представляет интерес вопрос «о крайней нужде и бедности». Характерно, что составители указали данное обстоятельство как смягчающее вину, но Государственный совет, опасаясь широкого толкования и применения данной статьи,

¹ РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 264, л. 64.

² РГИА, д. 264, л. 64.

³ РГИА, ф. 1251, оп. 1, д. 64, л. 2–3, 7–9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

сделал специальную оговорку: «Есть случаи, когда крайняя бедность и нужда может несколько смягчить; но их должно ограничить одними маловажными похищениями»¹.

Департамент законов также дополнил проект нормой, что «даровать преступнику прощение или изменить род и степень наказания никакой суд не может. Прерогатива прощения и помилования принадлежала исключительно монарху»².

Общая часть проекта Уголовного уложения 1813 г. имела большое значение для последующего развития законодательства. Все поправки к проекту 1813 г., внесенные Сперанским в Государственный совет в 1824 г., были учтены при работе над Сводом законов 1832 г. Первый раздел Свода законов уголовных 1832 г. был составлен в соответствии с основными положениями проекта 1813 г.

* * *

Итак, в конце XVIII – первой четверти XIX вв. проблема систематизации уголовного законодательства, наряду с упорядочением законодательства в целом, выдвинулась в число первоочередных проблем развития юридической сферы деятельности Российского государства. Царившая в законодательстве неразбериха создавала препятствия для юрисдикционной деятельности, не способствовала нормальной работе государственного аппарата. Эти общие проблемы были характерны и для уголовного законодательства.

Работа законодательных комиссий не имела реального практического выхода, но их деятельность не была напрасной: она позволила накопить столь необходимый опыт для последующей работы. Именно благодаря этому периоду «проб и ошибок» в последующие годы были выработаны общие и частные подходы к систематизации российского законодательства, определены необходимые уровни актов систематизации.

Думается, что важной вехой и составной частью этого процесса был проект Уголовного уложения 1813 г. Он не стал действующим законом, но с точки зрения развития уголовного законодательства России является весьма важным и интересным памятником. Его положения свидетельствовали о стремлении кодификаторов создать именно уголовный кодекс, отвечающий современному уровню развития европейской уголовно-правовой мысли и законодательства. Данный проект Уголовного уложения – важный шаг в развитии российского уголовного права.

1.2. Проект Уголовного уложения 1813 г.

Проект Уголовного уложения 1813 г. в истории русского уголовного права стал прообразом будущего (но так и не принятого) уголовного кодекса Российской империи. Следует отметить, что это была успешная для своего

¹ РГИА, ф. 1251, оп. 1, д. 64, л. 2, л. 2об, 5, л. 7–7об, 8–9.

² Там же.

времени попытка кодификации уголовного законодательства. Проект достаточно четко формулировал в разделе «Основания уголовного права» отдельные определения и содержательные характеристики норм уголовного права.

В § 1 проекта 1813 г. преступление рассматривалось как «всякое законом запрещенное и зловерное деяние, произвольно учиненное». Остальные деяния – менее важные – подлежали полицейскому наказанию или же «гражданскому удовлетворению»¹.

Все преступления в Проекте классифицировались на три группы: 1) «по роду и предмету»; 2) «по свойству»; 3) «по мере участия и совершения».

Первая группа преступлений – «по роду и предмету» – определяла, против кого они направлены, и включала деление на «государственные», «общественные» и «частные» (§ 2). Под государственным преступлением понималось такое преступление, которым «...нарушаются права и оскорбляется величество государя и его дома, или нарушаются права и спокойствие государства» (§ 3). Характер общественных и частных преступлений раскрывался в § 4–5.

Вторая группа преступлений – «по свойству» – основывалась на выделении намерений, или форме умысла, с которым деяние производилось. В этом отношении проект предусматривал деление преступлений на умышленные и неумышленные (§ 6). Проект различал две формы вины: умысел и неосторожность (§ 7, 10). Деяние признавалось умышленным, если оно было «учиненным с волею и намерением», и считалось таковым до тех пор, пока из обстоятельств дела не усматривалось, что не было умысла учинить именно то преступление, каковое произошло (§ 7). Ответственность за умышленные деяния предполагала ответственность обвиненного и «за все вредные последствия» совершенного преступления.

Неосторожность как форма вины была отражена в Проекте 1813 г. в общем виде, но еще четко не разграничивались ее виды. Наряду с неосторожностью определялись небрежность, оплошность и легкомыслие (§ 10). Ответственность за неумышленные деяния целиком возлагалась на виновного, причем вина усугублялась, если «в том деле осторожность законами предписана», или «когда по свойству и роду самого дела всякому очевидно, что от небрежения в оном... могут произойти вредные последствия». Таким образом, Проект не только не предусматривал более мягкого наказания за неумышленные деяния, но и усиливал ответственность за небрежность и легкомыслие.

Третья группа преступлений – «по мере участия и совершения» – подразделялась в зависимости от «меры совершения преступного дела» и «от степени участия в оном преступников».

В зависимости от меры совершенного преступного дела «преступление бывает содеянное или несодеянное» (§ 11). «Содеянное, то есть оконченное преступление, это «когда противузаконное деяние самим делом исполнено

¹ См.: РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 264, л. 6.

и довершено» (§ 12). Совершивший преступление «должен подвергаться полному наказанию, в законе определенному». Но и начавший «преступное дело, хотя и не совсем его завершивший», не мог быть освобожден от уголовной ответственности. Недовершение преступного деяния по Проекту имело две степени: покушение и начатое, но собственной ли волею действовавшего или от посторонних обстоятельств, остановленное совершение (§ 13).

Авторами Проекта в § 15 была сделана попытка сформировать, пользуясь современной терминологией, институт добровольного отказа от совершения преступления: «...ежели доказано будет, что преступник, умыслив учинить противузаконное деяние и после раскаявшись или убоясь наказания, или по другим каким-либо причинам, сам собою оставил свое злодейственное намерение без исполнения, или начав уже оное самим делом, оставил его недовершенным по собственной воле». Но если в современном уголовном праве добровольный отказ от совершения преступления является основанием для освобождения преступника от уголовной ответственности полностью¹, то по Проекту 1813 г. за добровольный отказ виновный подлежал меньшей уголовной ответственности. При этом степень уменьшения ответственности не была определена, что предоставляло некоторую степень усмотрения или произвола судам. Если же покушение было прекращено не вследствие добровольного отказа, а преступник «воспрепятствован будет посторонними и от него не зависящими причинами», то уголовная ответственность и наказание увеличивались (§ 16).

Проект не давал общего определения соучастия, а сразу предписывал «кого почитать участниками» (§ 17). Выделялось три группы участников. К первой группе относились «зачинщики, производители и укрыватели», а также те, «кои других к тому принуждали, или уговаривали, или подкупали». Вторую группу составляли «вспомогатели», которые советом или «подущением» способствовали совершению преступления, а также те, кому стало известно о совершившемся преступлении, но они скрыли его для своей пользы, полученной или ожидаемой. В третью группу соучастников входили знающие о преступлении, но не донесшие о нем, «хотя должны были и могли это сделать».

Следует особо отметить, что упомянутая обязанность к доносу была одинакова не для всех лиц и не по всем преступлениям. Например, существовал «общий долг всех подданных доносить о злоумышлениях против императорского величества или против благосостояния государства» (§ 134). «Общий долг» повелевал также служащим доносить о злоупотреблениях по тем делам, которые им вверены. Граждане по частным преступлениям были обязаны доносить только в случаях, когда «им то именно законом повелено». Из этих правил Проект делал изъятия: не должны были свидетельствовать дети против родителей и супруги друг против друга. В статьях данного документа

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Екатеринбург, 2004. Ч. 2. Ст. 31.

не рассматривались пределы ответственности каждого из соучастников, не были регламентированы формы соучастия. Таким образом, институт соучастия здесь детально разработан не был.

Проект устанавливал определенные обстоятельства, «когда преступление не вменяется в вину». К ним относились следующие: «1) что какое-либо деяние, хотя и противозаконное, но учинено в совершенном безумии или сумасшествии, которое должно быть доказано законным образом; 2) что оно учинено младенцем еще бессмысленным, которому не исполнилось семи лет; 3) что вредное деяние во время произведения его не было запрещено законом; 4) что оно учинено несчастным или внезапным случаем и при совершенном незнании вредных последствий, которые могли произойти из одного без малейшей вины учинившего; 5) что оно учинено в законной и правильной обороне».

Состояния безумия и сумасшествия наряду с младенчеством до семи лет в русском уголовном праве всегда являлись обстоятельствами¹, освобождающими от уголовной ответственности. В пункте 1 § 18 фактически было сформулировано состояние невменяемости. Проект оговаривал возраст уголовной ответственности, которая наступала с 7 лет; соответственно, преступление не вменялось в вину, если было совершено в младенчестве, то есть в возрасте до 7 лет (п. 2 § 18).

Достаточно точно был определен случай (п. 3 § 18). Обстоятельство, исключающее наказуемость деяния, сформулированное в конце приведенного перечня (п. 5 § 18), представляло собой необходимую оборону (естественно, сам термин «необходимая оборона» не употреблялся).

Институт необходимой обороны был известен российскому уголовному законодательству еще со времен Соборного уложения и Артикула воинского. Оборона считалась законной и правильной, а следовательно правомерной, и не влекла уголовной ответственности при наличии следующих условий: 1) «законная оборона» направлялась против «явного насилия и покушения»; 2) объектами защиты при обороне могли выступать жизнь, честь, имущество; при этом защищать разрешалось не только себя, но и других, «а наипаче ближних». Проект определял пределы обороны, которые считались законными, если оборонявшийся мог доказать: 1) «что опасность была настоящая и действительная; 2) что он не упустил искать помощи у правительства...; 3) что он нападающему токмо доколе вредил, доколе достаточная помощь или защита не воспоследовала». В случае «выступления из оных», то есть превышения пределов «законной и правильной» обороны, когда обороняющийся «учинил нападающему более вреда, нежели надлежало для отвращения опасности», то и тогда преступление считалось неумышленным, «разве умысел его явно доказан». Даже в случае превышения пределов необходимой

¹ Данные положения были включены в Проект 1813 г. на основании Кормчей книги (гл. 48, § 721). См.: РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 264, л. 15.

обороны предусматривалось освобождение оборонявшегося от уголовной ответственности.

Проект устанавливал перечни обстоятельств, уменьшающих и увеличивающих вину и наказание.

К увеличивающим вину и наказание обстоятельствам Уложение относило случаи, когда «чем более вреда и опасности от оно́го (преступления – *Авт.*) произошло»; «чем более преступник оказал злобы, хитрости, жестокости»; «чем более преступник имел причин по званию, состоянию и воспитанию... уклониться от преступления» (в данном случае вина и наказание ставились в зависимость от происхождения); «чем развратнее было поведение преступника»; «чем чаще он... был под судом и обличаем в других преступлениях»; «чем более заpiresательства оказал преступник при допросе...» (§ 89). Выделялись и особые причины к увеличению наказания, (§ 90): повторность преступлений – «ежели он вторично или в третий раз и более, учинил то же самое преступление»; подстрекательство к преступлению – «ежели он, как производитель и зачинщик, подговаривал или принуждал других к учинению преступлений»; совокупность преступлений – «ежели преступник учинил несколько преступлений вместе». Наказание в последнем случае назначалось по принципу поглощения (§ 93): следовало «налагать то наказание, которое следует за важнейшее из оных преступлений».

К уменьшавшим вину обстоятельствам относились те, при которых «меньше вреда и опасности... произошло», «чем меньше злой воли и жестокости оказал преступник», «чем менее развратно было поведение преступника», «чем меньше (он. – *Авт.*) оказал упорства и заpiresательства».

Смягчающими обстоятельствами при совершении преступления являлись: преступления, совершенные по «природному слабоумию и невежеству», «по крайней бедности и нужде... и для спасения себя от неизбежной гибели», вовлечение в преступление «хитрыми подушениями другого или угрозами и приказанием», и «ежели преступник сам вознаградил обиженного так, что сей удовольствие свое предъявил и в суде» (§ 91).

В Проекте были выделены причины, по которым уголовное судопроизводство и наказание подлежало прекращению – это смерть обвиненного, помилование, обыкновенная давность, прощение обиженного. Срок давности по уголовным преступлениям вне зависимости от тяжести совершенного устанавливался в 10 лет, при этом, если «...преступник во все сие время не учинил другого, то таковой по уважению давности освобождается от всякого наказания». Начало срока давности считалось со дня совершения преступления (§ 103), а не со дня следствия, то есть закон давал преступнику возможность исправиться. Однако срок давности не действовал, если преступник покидал государство, и предполагалось, что он тем самым «скрылся от действия отечественных законов и скрыл свое поведение» (§ 104).

Для частных преступлений, «по свойству своему» не сопровождающихся «опасностью или вредом для других, и где позволено прекращать следствие частным примирением или прощением, допускалась двухлетняя давность», которая предполагалась, если обиженный все это время молчал и не предъявил жалобы или доноса.

Впервые в русском уголовном праве Проект в Общей части представил систему наказаний в виде лестницы наказаний. Эта идея была заимствована из Баварского уголовного уложения 1813 г., а на уровне закона реализована в Своде законов уголовных (1832 и 1842 гг.) и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Лестница наказаний состояла из семи родов (видов), которые делились на степени и были выстроены по сравнительной тяжести от смертной казни до церковных покаяний (§ 23). Отдельно предусматривались наказания «для тех, которые по состоянию своему исключаются от телесного наказания» и «для простолюдинов».

Самый суровый вид уголовного наказания – смертная казнь – назначался за наиболее тяжкие уголовные преступления: «умышленное богохуление» (§ 112), «оскорбление величества (§ 131–134), «измену» (§ 143–145), «бунт» (§ 155–156), «умышленное убийство родителей» (§ 339) и «разбой с зажигательством, соединенным с лишением жизни» (§ 495, 516). Проект устанавливал виды простой смертной казни без квалифицирующих признаков: виселица и отсечение головы. Создатели подчеркивали, что Уложение не преследовало целей ужесточения наказаний: наказания «...ныне токмо те, кои немучительны и не приводят человечество в содрогание...»¹. Приговор к смертной казни в отношении женщин приводился в исполнение только отсечением головы (§ 29). Гражданские последствия смертной казни состояли в совершенном уничтожении гражданской и физической жизни человека, следовательно, все его завещания становились недействительными.

Второе по тяжести наказание состояло в лишении дворянства и всех прав политических и гражданских. Фактически в § 31 была определена казнь в виде политической смерти, хотя Проект и не употреблял данного термина. Этот вид наказания содержал две степени. По первой «преступник лишался всех прав, выставлялся на эшафот, где всенародно прочитывался приговор», и «более не принадлежал своей фамилии, родительская власть и брак сами по себе и по силе закона прекращались, наследники получали его имение, а для общества он признавался умершим». Простолюдины подвергались наказанию кнутом от 5 до 100 ударов с наложением на лицо клейма и вырезанием ноздрей (§ 32). Наказание кнутом нередко было замаскированным видом

¹ РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 264, л. 22.

смертной казни¹. Женщины освобождались от вырезания ноздрей (§ 33). Вольным и немощным каторжные работы могли быть заменены другими, менее тяжкими. Вторая степень наказания заключалась «в лишении чинов и дворянства, а также вечной ссылке на поселение». Простолюдины присуждались к меньшему числу ударов кнутом и менее тяжелой работе (§ 34). Число ударов кнутом определялось от 5 до 100 (§ 35).

Наказание третьего рода в системе наказаний представляло собой частичное поражение политических и гражданских прав, лишение свободы или телесное наказание. Оно соединялось со ссылкой для дворян и телесными наказаниями для лиц, которые не имели дворянства и чинов. Проект выделял так называемые «позорные наказания», то есть лишение преступника лишь части политических и гражданских прав с высылкой на вечное поселение. Наказание лишением свободы (крепость, монастырь и т. п.) применялось только к дворянам, чиновникам, духовенству и купцам I и II гильдий. Простолюдины присуждались к телесным наказаниям (§ 57–65).

В качестве дополнительных наказаний назначались денежные штрафы двух видов: в пользу богоугодных учреждений и для удовлетворения потерпевшего, причем конфискация имений «ни за какое преступление» не полагалась. Если же виновный был не в состоянии заплатить в определенный судом срок наложенного на него денежного взыскания, то «присуждался таковой к временному лишению свободы» (§ 74). Сравнение размера денежных пеней со сроком лишения свободы и цена каждого проработанного дня определялась Уставом судопроизводства.

Последним родом наказания были церковные наказания, которые могли назначаться и в качестве дополнительных санкций. Это были заключение в монастырь и публичное покаяние в церкви.

Как известно, Проект уголовного уложения 1813 г. так и не стал законом. Это было вполне объективным следствием деятельности законодательных комиссий конца XVIII – начала XIX вв. Такая же участь постигла Гражданское и Торговое уложения.

Проект Уголовного уложения 1813 г. подвел своеобразную черту поисков путей систематизации уголовного законодательства в первой четверти XIX в. Несмотря на недостаточную разработанность системы наказаний, многих институтов уголовного права (соучастия, стадий совершения преступлений и др.), Проект имел прогрессивное значение для своего времени. Так, впервые в отечественном законодательстве была сделана попытка разработки общих положений уголовного права именно применительно к России, обобщения

¹ См. об этом: *Нигматуллин Р. В.* Институт смертной казни в уголовном праве России XIX в. Уфа, 1997. С. 94; *Миненок М. Г.* Наказание в русском уголовном праве. Историко-правовой очерк. Калининград, 1985. С. 11; *Ступин М.* История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 56; *Филлипов А.* О наказании по законодательству Петра I в связи с реформами. М., 1891. С. 341.

и подчинения общим началам положений, выработанных практикой и закрепленных в законодательстве. Определенные в проекте положения относительно преступления впервые представили Общую часть уголовного права. Проект содержал формулировку преступления, определял объекты преступных деяний, формы вины, затрагивал вопросы стадий совершения преступления, соучастия, освобождения от уголовной ответственности (включая необходимую оборону), отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, системы и видов (лестницы) наказания.

Проект Уголовного уложения 1813 г. был первым реальным результатом Комиссии составления законов в систематизации уголовного законодательства. Он стал определенной исходной теоретической и практической базой для создания будущего Свода законов уголовных. Проект свидетельствовал о желании государства создать стройную кодифицированную отрасль уголовного законодательства Российской империи, перейти от неразберихи и хаоса в законодательстве к его стройной системе, обеспечить реализацию политики государства и определенный уровень законности при рассмотрении уголовных дел.

* * *

Подводя итог сложному и весьма противоречивому периоду поиска путей систематизации уголовного законодательства в первой четверти XIX в., необходимо выделить ряд аспектов, которые имели важное значение для последующих этапов проведения упорядочения уголовных законов в Российской империи.

1. В конце XVIII – первой четверти XIX вв. систематизация уголовного законодательства проводилась в контексте общих подходов к упорядочению законодательства в целом. В основу деятельности законодательных комиссий в 1790–1820 гг. была поставлена идея «радикального» решения проблемы – создание системы кодифицированных актов гражданского, торгового и уголовного уложений. Однако отсутствие достаточных теоретических проработок основ уголовного права, ясности в российском уголовном законодательстве, а также четкой программы и опыта практической работы не позволили успешно решить поставленную проблему.

2. Вместе с тем деятельность указанных комиссий позволила разобраться в проблемах, стоящих перед систематизаторами законодательства, дала необходимый теоретический и практический материал для выработки программы и организационных основ деятельности по упорядочению законов.

3. Важной вехой периода поиска путей систематизации законодательства в конце XVIII – начале XIX вв. было создание ряда Проектов уложений Российской империи (гражданского, торгового, уголовного), в которых просматриваются первые попытки кодификации законодательного массива основных

отраслей российского права. В частности, был разработан ряд теоретических и практических положений, определены контуры необходимых для страны законов. Важное место среди Проектов уложений, подготовленных Комиссией составления законов, занимает Проект Уголовного уложения 1813 г. Данный документ не стал действующим законом, но он обеспечил определенную теоретическую базу для развития уголовного законодательства, рельефно обозначил множество нерешенных вопросов. Проект послужил практической базой для последующего хода систематизации уголовного законодательства России, обозначив основные направления развития не только самого уголовного законодательства, но и науки уголовного права.

Î × Æ Æ Æ Æ Æ Æ Æ

**СВОД ЗАКОНОВ УГОЛОВНЫХ:
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ
СВОДА ЗАКОНОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832–1842 ГГ.**

2.1. Подготовка и издание свода законов уголовных 1832 г.

В первой четверти XIX в. деятельность Комиссии составления законов завершилась созданием первых в истории России проектов кодексов основных отраслей законодательства – проектов гражданского, уголовного и торгового уложений. Однако эти документы не прошли законодательный процесс утверждения и вызвали широкую волну критики в правительственных кругах. Члены Государственного Совета больше всего опасались, что радикальные предложения М. М. Сперанского, которые они связывали с французской революцией, могли проникнуть в законодательство России¹. Тем не менее проблема наведения порядка в законодательстве страны оставалась, и ее необходимо было решать. Осознавая сложившееся положение, Николай I, вступив 12 декабря 1825 г. на престол, специальным указом от 31 января 1826 г. объявил о том, что «...принимает дело составления свода законов в непосредственное ведение».

По поручению императора М. М. Сперанский в январе 1826 г. составил несколько записок с вариантами предложения работы по систематизации российского законодательства. В одной из них – «Кратком историческом обозрении комиссии составления законов» – он проанализировал причины неудачной деятельности предыдущих законодательных комиссий. По мнению Сперанского, основных проблем было две. Во-первых, недостаток опытных юристов-«законоведцев», способных провести на необходимом уровне упорядочение законов. Во-вторых, отсутствие программы и теоретической

¹ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), ф. 731, д. 946, л. 1–4.

проработки основных этапов систематизации законодательства, по причине чего работы проводились «...без всяких понятий об истинной системе уложений». Сперанский обращал внимание на то, что «состав комиссии слаб и весьма недостаточен», поэтому «все произведения бывших комиссий состояли... в Сводах недостаточных» и «...составляли... начатки уложений, а не самые уложения, начатки весьма несовершенные, далеко отстоящие от практической их пользы».

Сперанский подготовил для Николая I «Предположения к окончательному составлению законов», в которых изложил развернутую программу систематизации российского законодательства. В первую очередь им предлагалось «определить в точности пространство предприятия, назначить соразмерные способы, установить постепенность работ и исчислить время их окончания», то есть определить объем работ, их последовательность и ограничить конкретные сроки завершения отдельных этапов систематизации законодательства. На основе опыта работы предшествующих кодификационных учреждений (и собственного опыта в том числе) он отказался от идеи начать систематизацию законодательства с уложений и пришел к выводу о необходимости создания полного собрания и свода законов как определенной промежуточной базы на пути к кодификации отраслевого законодательства.

Программа систематизации законодательства, сложившаяся окончательно и «отточенная» Сперанским в процессе работы, предполагала движение к кодификации через последовательную реализацию первых двух обязательных этапов – хронологической инкорпорации всех и тематической инкорпорации действующих узаконений с их консолидацией по отраслям. «Усовершенствовать законы дополнительным их начертанием невозможно без точных и достоверных Сводов, а Сводов нельзя не составлять без полного и исправленного их текстов. Следовательно, Полное собрание законов есть... основной камень во всем составе их усовершенствования», – писал Сперанский¹.

Итак, первый этап систематизации законодательства должен был заключаться в Полном собрании законов Российской империи. Сперанский считал, что прежде всего необходимо было разобраться со всем законодательным массивом страны и провести хронологическую инкорпорацию российских узаконений независимо от того, действовали они или утратили юридическую силу. Таким образом, полному собранию законов следовало представлять собой акт официальной публикации всех узаконений, «начиная с Соборного уложения, соединенных вместе, в хронологическом порядке без всякого изменения»². Он прекрасно понимал, что «издание Полного собрания законов

¹ См.: ПСЗ-1. Т. 1. Предисловие.

² Там же.

по хронологическому порядку – предприятие огромное и могущее составить памятник в истории всех законодательств»¹.

Откладывать погружение в этот крайне запутанный и беспорядочный массив Сперанский считал весьма опасным. «Не излишне будет заметить, что если издание Полного собрания наших законов в настоящее время представляло уже немаловажные затруднения, то по истечении еще нескольких лет дело это было бы еще многосложнее, а наконец, оно могло бы сделаться почти неприступным», – так обозначил проблему автор плана систематизации. Кроме этого, Полное собрание законов должно было стать фундаментом изучения русской истории и правоведения: «...законы изображают... внутреннюю жизнь государства. В них видно, как нравственные и политические его силы слагались, образовывались, возрастали, изменялись. Следовательно, история государства без познания законов не может иметь ни ясности, ни достоверности...». Кроме того, Полному собранию законов Сперанский отводил и определенную роль в процессе правоприменительной деятельности. Собрание было необходимо как носитель законодательной информации для разрешения дел, относящихся к временам прошедшим, которые должны быть «разрешаемы не по законам настоящим, в Своде изложенным, но по законам того времени, когда происшествия сии возникали». Собрание было также полезно и для исторического толкования действующих узаконений: для «...точного определения смысла законов настоящих, должно восходить к законам прежним, хотя уже и потерявшим свою силу, но сохраняющим в себе начало и причины законов последующих»².

Полное собрание могло выступать и в качестве определенного «связующего звена» между собранием и сводом законов, а также было необходимо для уяснения смысла действующих законов, помещенных в Своде законов. Это позволяло дать систематическое толкование имеющих юридическую силу узаконений. «Свод – как закон буквальный, как основание решений, а текст Собрания как руководство к лучшему и полнейшему закону разумению», – замечал Сперанский³.

Следующим этапом должна была стать тематическая инкорпорация действующего законодательства в рамках Свода законов Российской империи. При этом в свод нужно было провести внутреннюю консолидацию узаконений по разделам, соответствующим отраслям законодательства.

При этом Сперанский определил возможные варианты подготовки Свода законов. «Свод есть соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке, – писал он. – Порядок... бывает или хронологический, когда законы слагаются по порядку их издания... или азбучный,

¹ Цит. по: *Кодан С. В.* М. М. Сперанский и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1989. № 6. С. 106.

² ПСЗ-1. Т. 1. Предисловие.

³ См.: *Сперанский М. М.* Указ. соч. 1837. С. 154–157.

когда они располагаются по порядку слов; или... систематический, когда они расположены по предметам...»¹.

Сперанский выбрал последний вариант – составление Свода законов по отраслевому принципу. В процессе работы над ним следовало консолидировать и внешне обработать действующее законодательство, изложив его по определенной системе без особых и принципиальных изменений.

Говоря о задачах, решаемых изданием этого документа, Сперанский указывал не только на его значение для правоприменительной деятельности государства, но и считал важной составляющей формирования правопорядка и правосознания населения – «юридического быта». Свод законов должен был выступать как весьма важный источник информации для населения, способствовать развитию законопослушного поведения.

Сперанский вполне справедливо подчеркивал и необходимость издания Свода законов в связи с «особенностями нашего юридического быта». В качестве главной такой особенности он выделял тот фактор, что законодательная система России, в отличие от западноевропейских стран, не заимствовала римское право и его стройную систему, которую составляли «законы высоким знанием придуманные, долголетним опытом испытанные и веками утвержденные»².

Одна из задач Свода законов, по мнению Сперанского, состояла в дальнейшем совершенствовании законодательства, восполнении в нем пробелов. При этом необходимость составления Свода обосновывалась и отсутствием в России «права самостоятельного судебного толкования законов»³, поэтому немало действующих законоположений в России представляли собой решения по конкретным делам.

Следующим этапом устранения систематизации законодательства должна была стать кодификация – подготовка уложений по основным отраслям законодательства (государственное, гражданское, уголовное уложения и т. д.).

«Уложение (Code), – писал Сперанский, – есть систематическое изложение законов по их предметам, так устроенное, чтобы 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приуготовляли бы точный смысл и разумение последующих; 2) чтобы все законы, по своду недостающие, дополнены были в уложении и обнимали бы сколь можно более случаев, не нисходя, однако же, к весьма редким и чрезвычайным подробностям». Сперанский определил пределы кодификации: «Судебные законы... должны быть составлены в виде свода, в виде уложения, учебной книги и изъяснений». «Судебные законы» он делил на гражданские (законы собственности) и уголовные

¹ Сперанский М. М. Предположения к окончательному составлению законов // Русская старина. 1876. № 2. С. 435.

² Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. 84.

³ Коркунов Н. Значение Свода законов // Сборник статей 1877–1897. СПб., 1898. С. 95–117.

(законы о преступлениях и наказаниях). «Нет примера, да и невозможно почти составить уложение законов полицейских и хозяйственных. Само существо сих законов по непрерывности их подвижности, изменениям и непрерывному приращению не допускает систематического их изложения». Административно-полицейское и хозяйственное законодательство подлежало тематической инкорпорации в виде сводов, которые «составив раз, должно продолжать тем же порядком ежегодно»¹.

Непосредственно к систематизации законодательства М. М. Сперанский предполагал «привязать» создание «учебных книг». Эти практические руководства должны были способствовать уяснению смысла законов и единообразию в применении законодательства на территории империи. К необходимой части кодификации, «принадлежащей к уложению», Сперанский относил и «изъяснения (commentaires)», в которых «излагается разум или основание законов, дается отчет в причинах и необходимости дополнений или перемен, в уложении введенных, и устанавливается связь их с законами существующими».

Разработанная Сперанским программа систематизации законодательства затрагивала и организационную сторону дела. Он предложил провести существенные преобразования в структуре, составе и порядке деятельности Комиссии составления законов. По мнению Сперанского, следовало с большей точностью определить компетенцию этого учреждения, пересмотреть состав, предусмотреть последовательность работ и установить сроки завершения подготовки собраний, сводов, уложений, учебных книг и комментариев.

Николай I нашел доводы Сперанского убедительными, хотя и отклонил мысль о составлении уложения, «которая казалась ему чем-то отвлеченным, слишком теоретическим. Император остановил свой выбор на «Своде законов существующих с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в существе их»². Одновременно он решил ввести вопросы систематизации законодательства в компетенцию лично подчиненного ему учреждения – Собственной его императорского величества канцелярии.

31 января 1826 г. Николай I издал указ о создании Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии (далее – Второе отделение). Комиссия составления законов упраздняялась. Начальником вновь образованного Второго отделения был назначен действительный статский советник Балугьянский. Старшими чиновниками определены Цейер, Циммерман, Арсеньев, Клоков, Куницын, барон Корф. Старшими помощниками – Цеймерн, Илличевский, князь Эристов, Замятин, Келлер, Мартынов, Капгер. Младшими помощниками – Теубель, Терентьев, Старцов, Мерц, в архив

¹ Сперанский М. М. Предположения к окончательному составлению законов. С. 436.

² К 50-летию Второго отделения с.е.и.в. канцелярии // Русская старина. 1876. № 2. С. 431.

и библиотеку – Майер, Хавский, Геннинг, Репинский¹. Сперанский, на которого были возложены управление всеми делами и доклады императору, не получил никакого официального титула. Его талант и знания были использованы, но сам он оказался под надзором поставленного над ним Балугьянского.

В соответствии с планом, представленным Сперанским, было начато составление Полного собрания законов². Методика составления Собраний определялась рядом принципов.

1. Все книги разделили на две «главные эпохи». Первая начиналась с 1649 г. Соборным уложением и продолжалась до 12 декабря 1825 г., то есть до дня издания манифеста о вступлении на престол Николая I. Этот период включал 176 лет и представлял собой первое собрание. Вторая начиналась с окончанием первой и являлась вторым собранием, которое предполагалось продолжать ежегодным изданием законов каждого минувшего года.

2. В составе Собрания должны были быть «...под именем законов вменены, по порядку времени, все постановления, к всегдашнему исполнению от верховной власти или именем ее от учрежденных ею мест и правительств происшедшие, по всем частям государственного управления, без всякого изъятия. Причем не было допускаемо различия между законами, ныне действующими, и законами отмененными»³.

Работу по составлению Полного собрания планировалось провести в три этапа. Прежде всего надлежало составить реестры узаконений; по этим реестрам собрать сами узаконения, провести точную их поверку. Указов по реестрам Санкт-Петербургского Сенатского архива, бывшей Комиссии составления законов, Военной коллегии и разных министерств насчитывалось более 53 тыс. Далее при собрании самих узаконений во Второе отделение было доставлено и, соответственно, просмотрено около 5,5 тыс. книг, содержащих узаконения. Третий этап включал поверку всех узаконений путем сличения списков с подлинными указами, ревизии их специальными чиновниками и окончательной ревизией другими чиновниками «при составлении связок, для отправления в типографию». При поверке оказалось, что многие указы имели двойные заглавия и числа, некоторые не относились к законодательным актам и не подлежали изданию. Составление Полного собрания началось в 1826 г. И продолжалось непрерывно по 1 марта 1830 г.

Для печати Собрания законов императорским указом от 22 сентября 1827 г. при Втором отделении была создана типография, которая осуществляла свою деятельность под надзором особого комитета. Работы по изданию первого собрания начались 1 мая 1828 г. и были окончены к 1 апреля 1830 г.

¹ См.: Филиппов А. Н. К вопросу о составе Первого Полного собрания законов Российской империи. М., 1916. С. 96.

² См.: ПСЗ-1. Т. 1. Предисловие.

³ Цит. по: Шебанов А. Ф. Из опыта создания Полного собрания законов в дореволюционной России // Правоведение. 1967. № 2. С. 98.

К началу 1830 г. было отпечатано 40 томов Полного собрания законов Российской империи (первое собрание, 1649–1825 гг.), которое содержало 30 920 актов и 6 томов приложений к нему¹. Собрание состояло из текста законов, указателей (хронологического и предметного), книги штатов и тарифов, а также из книги чертежей и рисунков.

В Полное собрание законов наряду с законодательными актами, исходящими от монарха, были включены нормативные акты, издаваемые Сенатом, министерствами, Святейшим синодом, а также временные и частные распоряжения. Весь этот материал располагался по томам в хронологическом порядке по времени утверждения актов. Все вошедшие в Собрание акты печатались полностью так, как они были изданы первоначально. Полное собрание имело сквозную нумерацию помещенных в нем актов. Число и месяц были проставлены в начале каждого акта, а год напечатан вверху каждой станицы. Для облегчения пользования Собранием, как уже отмечалось, издали хронологические и алфавитные (по предмету) указатели.

Составление свода законов Российской империи проводилось параллельно с подготовкой первого Полного собрания законов. Система распределения законодательного материала в своде была основана на мысли, что «в государстве действуют два союза – союз государственный и гражданский... отсюда два порядка законов: законы государства и законы гражданские»². Законы уголовные М. М. Сперанский относил к категории государственных законов.

План свода законов предусматривал разделение всех законов на восемь «главных книг или разрядов». «Законы уголовные» включала восьмая книга свода, в которую вошли законы о преступлениях и наказаниях и уголовном судопроизводстве. Помещение «законов уголовных» в последней книге обосновывалось тем, что они «имели задачу охранять все законы предыдущих семи книг».

Подготовительные к созданию и изданию свода законов работы, по мнению Сперанского, должны были состоять в собрании законов и подробных обзорах посредством сводов исторических³. Исторические обзоры являлись необходимым этапом в процессе создания свода законов. Они способствовали обнаружению официально отмененных или утративших свою силу законов⁴, а также всех внесенных законодательством изменений.

При составлении сводов исторических сначала законы «приискивались без различия действующих от недействующих»⁵. Затем проводилось сравнение законов, изданных в разное время, и выявлялись акты и нормы, утратившие юридическую силу (отмененные и измененные). Отмененные законодательные

¹ См.: Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. С. 117, 128.

² Там же.

³ См.: РГИА, ф. 1251, оп. 1, д. 158, л. 339.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Майков П. М. О своде законов Российской империи. СПб., 1905. С. 40–41.

положения исключались из Свода, пояснения и дополнения были «прилагаемы к первоначальному узаконению». Так составлялась «история изменений закона по каждому отделению».

В течение 1826–1827 гг. шла работа только над историческими обзорами гражданских и некоторых частей уголовных законов. Создание исторических сводов по другим областям законодательства было приостановлено. В 1832–1833 гг. чиновникам Второго отделения была вновь поручена подготовка исторических сводов. Эти обзоры группировали правовой материал по царствованиям, но эта работа так и не была завершена.

Исторические обзоры уголовных законов выделяли в законодательном массиве уголовно-правового характера законы материальные и процессуальные. В свою очередь, материальные законы распределялись по разделам: «О преступлениях и наказаниях вообще», «О преступлениях государственных», «О преступлениях против тишины и благосостояния государства», «О преступлениях против прав личных», «О преступлениях против собственности»¹. Деятельность по составлению исторических сводов явилась важным этапом, непосредственно предшествующим созданию Свода законов. По мере завершения исторических сводов начались работы над систематическим Сводом законов².

Правила, по которым должны были редактироваться отдельные части Свода, были заимствованы Сперанским у английского философа и юриста Ф. Бэкона. Они сводились к следующему.

Прежде всего, из «... Свода исключались как все законы, отмененные силою позднейших постановлений, так и все повторения, причем, если законы содержали несколько постановлений на один и тот же случай, в Свод вводилось полнейшее». Законы входили в состав Свода буквально из тех источников, на которых они основывались, так как (по Бэкону) «в законе не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность – драгоценны. Без сего Свод был бы книгою учебною или ученою, а не составом законов положительных»³. Выполняя это правило, Сперанский размещал «без малейшего изменения» (содержания, а не текстуального изложения) статьи Свода, которые были составлены на основании одного какого-нибудь действующего закона. Если же статья составлялась, исходя из текста нескольких узаконений, то ее содержание излагалось «текстом главного указа», его дополнений, или «по тому смыслу, какой они представляли в их совокупности»⁴. Законы «многословные и обширные» сокращались в тех частях,

¹ См. об этом: *Колесников А. И.* Систематизация законодательства в России в начале XIX в., проведенная М. М. Сперанским // *Ученые записки ВНИИСЗ.* М., 1966. Вып. 8. С. 34; *Кодан С. В.* Указ. соч. С. 107.

² См.: *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. 106–107, 109.

³ Там же. С. 106–107.

⁴ Там же. С. 109.

в которых излагалось само дело (или случай) и которые касались мотивов, имевшихся в виду при создании законов.

Из законов, противоречащих друг другу, должно было «избирать тот, который лучше других». Однако, как считал Сперанский, в этом случае Свод преступил бы свои границы, если бы сочинители его приняли на себя судить, который из двух противоречащих законов лучше»¹. По этой причине, не входя в оценку содержания узаконений, было решено придерживаться правила, что из двух «несходных вопросов (положений узаконений. – *Авт.*) подлежит следовать «позднейшему», как отменяющему предыдущий», а чтобы «под видом законов старых не вкрались законы новые», решено было учредить особые ревизионные комитеты.

По предложению Сперанского были созданы семь ревизионных комитетов в министерствах и главных управлениях. Цель работы ревизионных комитетов состояла в выяснении полноты собранных актов.

Работа по составлению свода законов была начата в 1826 г. и завершена к концу 1832 г. В него вошли действующие в России узаконения по состоянию на 1 января 1832 г.

Непосредственно составлением свода законов уголовных занимались чиновники Второго отделения. Так, А. Куницын «составил большую часть свода уголовных уложений, а именно 3 раздела из 5». Под его руководством был составлен свод исторический – 247 параграфов и остальная часть догматического свода – 170 параграфов. Долгорукий Ю. в 1829 г. «составил по своду и историческому изложению уголовных законов разделы VI и VII, в коих 79 параграфов». Елпатьевский В. разработал «историческое изложение 1 книги раздела 1 о преступлениях и наказаниях вообще – 249 параграфов, тоже догматических – 148 параграфов». Младший помощник Н. Кутузов «сперва собирал материалы для сводов уголовных, затем составил свод материалов бывшей Комиссии по составлению законов»².

Текст пятнадцати томов свода законов Российской империи был отпечатан тиражом 1200 экземпляров и 19 января 1833 г. представлен Государственному совету и рассмотрен на заседании, происходившем под личным председательством Николая I.

Составляющие свод отдельные статьи (их число в первом издании было 36 000, а с приложениями – 42 198) расположены в систематическом, а не

¹ РГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 157, л. 33–35об.

² См. об этом: *Бабичев А.* О редакционном исправлении свода законов // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865, декабрь. С. 232; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 102; *Рыбаков Ю. А.* Своды законов Российской империи первой половины XIX в. (к источниковедческой характеристике) // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 64; *Шебанов А. Ф.* О роли систематических собраний законодательства (на примере свода законов 1832 г.) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1969. Вып. 16. С. 33.

хронологическом порядке. Свод законов издания 1832 г. делился на восемь главных разделов, размещенных в 15 томах; законы уголовные вошли в том 15.

В целях своевременного отражения состояния законодательства в определенный момент времени предполагалось выпускать Продолжения к Своду законов, а также переиздавать весь Свод через каждые десять лет. Продолжения к Своду были призваны отражать все изменения в законодательстве, следовавшие за известный период времени. В течение 8 лет (с 1832 по 1840 гг.) вышло 6 Продолжений к Своду законов.

В 1840 г. граф Д. Н. Блудов представил императору предложения о новом издании Свода. Он считал необходимым сохранить прежними план Свода (1832 г.) в новом издании. При этом все статьи, вошедшие в Продолжения, внести в состав нового издания, проверить еще раз содержание и исключить все повторения, ввести для каждого устава (тома делились на уставы по институтам той или иной отрасли законодательства) свою нумерацию статей, приложения поместить непосредственно после статей, а не в конце тома¹. Одновременно Блудов обозначил вопрос о форме переиздания Свода – в форме Уложения или Свода.

Император утвердил предложения Блудова 11 января 1840 г. и наложил резолюцию: «Необходимо издать по-прежнему». Однако при издании нового Свода законов оказалось, что план Свода 1832 г. невозможно сохранить вследствие перенесения приложений в текст закона, включения в Свод новых постановлений, изданных после 1832 г., исключения повторений. Это сказалось на нумерации статей Свода.

Произошли также и изменения и в самом тексте Свода 1832 г. По мнению М. А. Балугьянского, при подготовке нового издания Свода от первоначального текста отступали в следующих случаях: «1) когда статья неопределенностью своею могла породить недоразумение в практике; 2) когда первоначальный текст оказывался несогласным с указами, из коих он составлен, и в продолжении неправильно был изменен; 3) когда новейшее узаконение не было принято в соображение при составлении продолжения; 4) когда по возникшему в министерствах или главных управлениях вопросу оказывалась необходимость в изменении текста статей»².

Второе издание Свода законов Российской империи увидело свет через 10 лет после первого – в 1842 г. Свод законов был обнародован указом императора от 4 марта 1843 г., которым повелевалось: «Отныне впредь, то есть со времени обнародования сего указа и получения книг нового издания общего свода законов империи... ссылаться в делах вместо статей первого издания Свода законов и продолжений его на статьи издания 1842 г.»³. Рост числа издаваемых в 1930-е гг. законов привел к тому, что общий объем Свода законов

¹ См.: РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 6а. Л. 147–148.

² ПСЗ-2. Т. 18. № 16584.

³ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 70.

значительно увеличился, число статей в нем в полтора раза превысило их количество в первом издании. Теперь в Своде законов Российской империи имелось 52 328 статей в тексте и около 7 040 в приложениях (всего до 59 400 статей), но число томов осталось прежним – пятнадцать.

Создававшееся в соответствии с указанием Николая I – «составить Свод законов без всяких изменений»¹, – новое издание и его 15 том (Свод законов уголовных) сохранили ряд недостатков прежнего. Свод законов 1832 г. формально не отменил старых законов, так как он не реформировал, а лишь консолидировал старое уголовное законодательство. При этом составители Свода не ставили задачу преобразования законов и создания новых норм и институтов права. Эта консолидация способствовала созданию систематического изложения уголовного законодательства, определенному (пусть и не полному) устранению противоречий, согласованию статей Свода законов уголовных, не говоря уже об удобстве использования узаконений как в силу их объединения в одном томе, так и наличия различного рода указателей. Характерно, что инкорпорация осуществлялась на основе определенной классификации нормативно-правового материала².

Существующее мнение о том, что и Полное собрание законодательства, и Своды законов – лишь разные формы инкорпорации, а не результат кодификационной деятельности, является неточным. Действительно, это не была кодификация, но и объединять в одну форму эти этапы, на наш взгляд, некорректно. Полное собрание законов Российской империи мыслилось и явилось актом систематизации в виде хронологической инкорпорации. В процессе создания систематического Свода применялся более высокий уровень обработки законодательного материала, чем при составлении хронологического Полного собрания законодательства, но при изложении положений Свода законов уже использовались приемы, характерные для кодификации.

* * *

Таким образом в 1826 – начале 1830 гг. Российское государство привело к определенному логическому и практическому завершению более чем вековую деятельность по упорядочиванию законодательного массива страны. На основе программы систематизации М. М. Сперанского была проделана огромная работа по созданию базы для тематической инкорпорации и консолидации законодательства России в рамках подготовки и издания акта хронологической

¹ См.: *Сидорчук М. В.* Систематизация законодательства в России в 1862–1832 гг. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1983.

² См. об этом: ПСЗ-2. Т. 8. № 5947; *Шебанов А. Ф.* Из опыта Полного собрания законов и Свода законов в дореволюционной России. С. 104; *Казанцев С. М., Сидорчук М. В.* О юридической силе Свода законов Российской империи // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1988. Вып. 2. С. 55–60; *Каминка А. И.* Сила Свода законов // Право. 1908. № 1. С. 1.

инкорпорации законов – Полного собрания законов Российской империи (первое собрание и новые тома второго).

Впервые в истории России законодательные акты (в том числе и уголовно-правового характера) стали доступны для оценки с точки зрения их применения, выявления пробелов и противоречий, создания и развития системы законодательства. Был открыт путь к реализации следующего этапа – консолидации законодательства по отраслям, к Своду законов Российской империи, важнейшей составной частью которого явился Свод законов уголовных 1832 г.

Свод законов уголовных, вошедший в том 15 Свода законов Российской империи, объединил действующее в России уголовное законодательство и стал действующим источником уголовного права. Он впервые в истории страны представил для правоприменительных органов государства (суда, следствия, полиции) свод уголовных законов, имеющий достаточно четкую и продуманную теоретическую и практическую основу, снабженный указателями и вспомогательными материалами и т. п. Переход от бессистемности и противоречивости уголовного законодательства к четкой системе изложения уголовных законов следует рассматривать как важнейший этап и существенный прорыв в истории развития отечественного уголовного права.

2.2. Свод законов уголовных 1832–1842 гг.

Итак, уголовное законодательство России к началу 1830-х гг. было систематизировано. Свод законов уголовных, вошедший в качестве составной части в Свод законов Российской империи (том 15), в 765 статьях консолидировал нормы уголовно-правового характера. В истории страны появился уголовный закон, который по своей структуре и изложению статей приблизился к уголовным кодексам западноевропейских государств. Однако Свод законов уголовных представлял собой не уголовное уложение в собственном смысле слова, а лишь сводный официальный акт «прежних разнообразных постановлений и приговоров, которым была придана внешняя система и стройность». Цель Свода состояла в том, чтобы собрать воедино действующее законодательство. Это была новая форма прежних законов, не потерявших силы с изданием Свода. Своду законов придавалась сила официального источника права, и только в случае противоречия или сомнения необходимо было обращаться к «самому тексту закона», то есть Полному собранию законов¹.

Свод законов уголовных 1832 г. был составлен по определенной системе, впервые были выделены своеобразные Общая и Особенная части. Остановимся более подробно на содержании основных институтов данного акта.

Итак, в **Своде законов уголовных 1832 г. в Общей части** давались понятия преступления, форм вины, видов соучастия и некоторых других институтов.

¹ См. об этом: *Жбанков Д. Н., Яковенко В. И.* Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899. С. 111–113; *Миненок М. Г.* Наказание в русском уголовном праве. Историко-правовой очерк. Тула, 1985. С. 26.

Свод законов содержал более точные формулировки, более точные определения по сравнению с ранее действовавшими законами. Однако некоторые уголовно-правовые институты не получили должного развития. Например, не были четко решены вопросы о возрасте наступления уголовной ответственности, об обстоятельствах, устранявших наступление уголовной ответственности и др.

Впервые Сводом были выделены понятия преступления и проступка, различающиеся степенью тяжести наказания: преступление – это «всякое деяние, запрещенное законом под страхом наказания» (ст. 1), а проступки – это «деяния, запрещенные под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления» (ст. 2).

При этом впервые был определен и важнейший принцип уголовного права – принцип законности: «Все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы силою закона» (ст. 102).

Основаниями уголовной ответственности по Своду законов являлись виновность (ст. 3–8) и доказанность (ст. 107, 108) преступного деяния. Российское уголовное законодательство со времен Соборного уложения 1649 г. и Артикула воинского выделяло такие формы вины как умысел и неосторожность, но Свод в ст. 3–8 определил это наиболее полно.

При рассмотрении каждого преступления и проступка необходимо было учитывать, «с умыслом оно учинено или без умысла». При этом под умыслом закон понимал «...обнаруженное каким-либо действием намерение учинить оное (преступление. – *Авт.*), хотя бы при том и не было произведено ни самого преступного действия, ни покушения к оному» (ст. 8). Свод не различал видов умысла. Наличие умысла в преступлении являлось отягчающим обстоятельством, при этом вина преступника увеличивалась: «Чем более было в преступлении злого умысла... тем более вина преступника» (ст. 121).

В ст. 4 Свод довольно четко формулировал определение неосторожной вины, характеризуя ее как «нарушение закона или неисполнение оно», в случае, «когда кто без умысла учинит то, что закон запрещает, или того не исполнит, что законом предписано». Вина неосторожная была представлена двумя видами (ст. 5): а) «когда виновный легко мог предвидеть, что действие его может повлечь противозаконные последствия...» и б) «когда виновный совершал действие, законом не воспрещенное, не думая, чтобы из оногo смогло произойти противозаконное последствие, однако же, при надлежащей осмотрительности мог бы избежать противозаконного последствия».

Ответственность за неосторожные деяния определялась либо на основании особых постановлений закона, либо «если в законе наказание в точности не означено», то по усмотрению суда, исходя из обстоятельств дела и состояния виновного (ст. 114). Нельзя не отметить, что данная формулировка закона давала судам определенный простор при рассмотрении дел. Вместе с тем вина неосторожная влекла более мягкое наказание, чем вина умышленная. Например: «Главный виновник умышленного смертоубийства подлежит

лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и каторжной работе» (ст. 332), тогда как неосторожное убийство «подвергает виновного или тюремному заключению, или денежному штрафу, или телесному наказанию, во всех же случаях церковному покаянию» (ст. 336).

Достаточно ясно Свод определял «деяния случайные, происходящие от обстоятельств и случаев непредвиденных» (ст. 6). Случайность преступления являлась обстоятельством, освобождающим от наказания: «Ежели доказано и судом признано будет, что деяние, от коего произошло преступление... сделалось таковым случайно, без всякого умысла и намерения и даже без видимой неосторожности, тогда деяние не вменяется подсудимому в преступление...», и только в некоторых случаях по приговору суда для очищения совести он предавался церковному покаянию (ст. 132). В случае «смертоубийства», совершенного без намерения, непредвиденно, без малейшей с его стороны неосторожности, случайно, подсудимый не подлежал уголовной ответственности, а лишь предавался церковному покаянию (ст. 340). В *Своде законов уголовных 1842 г.* статья о случайном смертоубийстве освобождала виновного не только от наказания, но и от церковного покаяния.

Итак, понятия умысла, неосторожности, случайности были определены в Своде для своего времени довольно точно.

Вопрос о возрасте наступления уголовной ответственности Сводом 1832 г. не был решен однозначно. Закон выделял возрастной период – малолетство, то есть «возраст не более 17 лет от рождения» (ст. 125), – как обстоятельство, уменьшающее вину и наказание. При совершении тяжких преступлений, которые подлежали наказанию кнутом и каторжными работам, дела малолетних передавались в Правительствующий сенат, рассматривающий их «по своему благоусмотрению». По преступлениям «менее важным» малолетние присуждались совестными или уголовными судами к наказанию: в возрасте 15–17 лет – плетью, 10–15 лет – розгами, 10 лет и ниже – малолетние отдавались для наказания их родителям (ст. 126).

Свод законов уголовных 1842 г. уже более детально разработал понятие малолетства. При совершении преступления малолетними, суд прежде всего определял, совершено данное деяние без разумения или с разумением (то есть способен ли малолетний осознать, понять совершенное). В первом случае малолетние наказанию не подлежали. Во втором – ответственность смягчалась, причем они не подвергались наказанию кнутом и публичному наказанию плетью, а малолетние 10–14 лет и каторжным работам. Малолетние до 10 лет не подвергались суду и наказанию, а отдавались на исправление родителям, родственникам и опекунам (ст. 138).

Свод 1832 г. в пятой главе определял обстоятельства, освобождающие от наказания: случайность преступления (ст. 132), необходимая оборона (ст. 133, 134), насильственное принуждение (ст. 135), безумие и сумасшествие (ст. 136, 137), благовременное открытие соумышленников (ст. 138), принятие христианской веры (ст. 139, 140).

Оборона признавалась необходимой (законной и правомерной), если соблюдались следующие условия: 1) оборона могла применяться только при наличии нападения; 2) оборона должна была быть равна нападению («посему защититься оружием дозволено токмо против насилия вооруженного»); 3) оборона должна быть своевременной («оборона чинится своевременно, то есть в минуту опасности»), поэтому случай, когда противник обратился в бегство, но был убит, считался нарушением правил законной обороны; 4) оборона должна быть вынужденная, а поэтому «...обиженному надлежит, сколько может дозволить собственная его безопасность, уступать противнику и стараться не причинить ему вреда»; 5) объектом защиты при необходимой обороне могли быть жизнь, здоровье, «целомудрие женского пола», имущество, при этом разрешалось защищать не только себя, но и других; 6) на обороняющегося возлагались обязанности объявить «окольным людям и местному начальству о последствиях обороны».

Насильственное принуждение (крайняя необходимость) также была отнесена Сводом к обстоятельствам, освобождающим от наказания. Постановления Свода о насильственном принуждении были крайне неопределенны. «Преступление, учиненное кем-либо по насильству или обману, не вменяется в вину, когда будет доказано и судом признано, что принуждение точно было насильственно и непреодолимо, и обман неизбежен» (ст. 135). Таким образом, чтобы вред, причиненный при крайней необходимости, был правомерным, необходимо наличие опасности, которая была бы непреодолимой и насильственной в данный момент. При этом Свод в своих статьях не упоминал о благах (жизнь, здоровье, свобода, целомудрие, личное имущественное благо), защищаемых в состоянии крайней необходимости.

Свод в ст. 136 определял невменяемость, относя к ней лишь случаи «безумия и сумасшествия». Преступления, совершенные в безумии или сумасшествии, не вменялись в вину, причем действительность безумия или сумасшествия следовало доказать «порядком, для сего в законах установленным». Учинившие смертоубийство в припадке сумасшествия отсылались в дом сумасшедших для содержания и лечения и должны были быть изолированы от общества (ст. 137). Если же больной исцелялся и в течение пяти лет (позднее – двух лет *по Своду 1842 г.*) за ним не было замечено никаких припадков сумасшествия, то он поручался его семье или посторонним, но с разрешения Министерства внутренних дел.

Свод законов уголовных 1842 г. дополнил и расширил понятие невменяемости. В ст. 149 к обстоятельствам, освобождавшим от наказания в случаях безумия или сумасшествия, добавились пункты, касающиеся лунатиков и «сонноходящих», а также болезней, сопровождаемых умоисступлением. Если лунатики или «сонноходящие» во время своих приступов совершали убийство либо посягали на жизнь другого или свою собственную, то закон указывал поступать с ними как с сумасшедшими, на основании правил. Таким же образом

предписывалось действовать и с учинившими смертоубийство либо посягнувшими на жизнь другого или свою собственную в припадке болезней, сопровождаемых умоисступлением. В случаях полного выздоровления, их оставляли в доме умалишенных для испытания не на два года, как безумных и сумасшедших, а на шесть недель. Если за это время не замечалось никаких признаков болезни, то испрашивалось установленным порядком разрешение для освобождения их из дома умалишенных.

К последним двум обстоятельствам, освобождавшим от уголовной ответственности, относилось благовременное открытие соумышленников (ст. 138) и принятие христианской веры (ст. 139, 140).

Свод выделял три стадии совершения преступления: умысел, покушение и совершение преступления (ст. 7–10).

Умыслом к преступлению считалось «обнаруженное каким-либо действием намерение учинить оное», при этом не было совершено ни самого преступления, ни покушения к нему. Среди стадий предварительной преступной деятельности Свод выделял лишь покушение; ни о приготовлении, ни о приискании не упоминалось. Под покушением к преступлению Свод понимал «намерение учинить оное». Это намерение должно было быть обнаружено действием, необходимым следствием которого было бы совершение преступления, причем «если бы сие совершение или не было остановлено собственной волею умышлявшего, или не было отвращено каким-либо внешним препятствием» (ст. 9).

Ответственность за покушение на преступление Сводом законов устанавливалась двух видов:

1) когда «покушение на преступление само по себе составляет особое преступление». В этом случае виновный подлежал наказанию, «за то особое преступление определенному»;

2) когда «покушение на преступление состоит в деянии, которое само по себе... не составляет преступления». В этом случае виновный подлежал наказанию, но «с уменьшением в виде его и степени по усмотрению суда, особенно, если он добровольно отказался от совершения преступления или был остановлен внешним обстоятельством» (ст. 116, 117). Если же виновный не совершил преступления «по собственному произволению, а не по одним только внешним препятствиям, то за покушение к преступлению он подвергался меньшему наказанию, чем за само преступление» (ст. 115).

Институт соучастия Сводом определялся недостаточно полно. Понятие соучастия не давалось и определялись сразу различия четырех категорий соучастников преступных деяний (ст. 11–14): 1) соучастники, «кои в совокупности привели преступление в действие»; 2) зачинщики, «кои действовали вместе с другими, но прежде их первые положили умысел и согласили к тому других или первые подали пример к совершению преступления». Свод разъяснял, что эти лица называются законом «пущими, первыми заводчиками

и подговорщиками»; 3) помощники и участники (таких Свод насчитывал 6 категорий. – *Авт.*), «кои делом, словом или письмом содействовали или благоприятствовали совершению преступления»; 4) укрыватели, «кои укрывали преступника или виновны в его отпуске или послаблении при поимке оного».

Пределы ответственности соучастников регламентировались Сводом в ст. 118–119. Наиболее строгому наказанию подлежали зачинщики или главные виновники и «так называемые в законе пущие». Из этого изымались лишь те составы преступлений, в которых закон указывал, что все участвующие в них подлежали равному наказанию. Если же в преступлении, совершенном многими лицами, не было найдено главного виновника или зачинщика, то все соучастники присуждались к одинаковому наказанию, но «с уменьшением против того, что положено зачинщику, если бы он был найден».

Свод устанавливал обстоятельства, увеличивающие и уменьшающие вину и наказание. На увеличение вины и меры наказания влияли: количество и важность причиненного вреда – «чем более... произошло вреда или опасности, тем более вина преступника»; чем более в преступлении было злого умысла, насилия, жестокости, а в признании упорства и ожесточения; «чем более чин и важнее состояние преступника» (ст. 120–124). К отягчающим обстоятельствам относились: повторение преступления (рецидив), то есть «повторение одного и того же преступления», когда преступник, будучи наказан за противозаконное деяние, учинил то же самое в другой или третий раз; и стечение преступлений – «когда преступник учинил несколько раз одно и то же преступление, не быв за оное наказан...».

Смягчающими обстоятельствами при совершении преступления признавались малолетство (ст. 125–126), престарелость (ст. 127), явка преступника с повинной (ст. 128). Особенными случаями к смягчению наказания являлись преступления, совершенные «по глупости, простоте и легкомыслию», учиненные «по крайней нужде и бедности», «при необходимой обороне, с нарушением токмо пределов, в коих она дозволена» (ст. 129).

Свод законов во второй главе определил следующую систему наказаний: 1) смертная казнь; 2) смерть политическая; 3) лишение прав состояния; 4) телесные наказания; 5) работы; 6) ссылка; 7) отдача в солдаты; 8) лишение свободы; 9) денежные взыскания и опись движимых имуществ в казну в виде наказания; 10) церковные наказания. За наиболее тяжкие преступления предусматривались смертная казнь, смерть политическая и лишение всех прав состояния, в определенных случаях лишение некоторых прав состояния.

Смертная казнь предусматривалась за три вида преступлений: политические (государственные) преступления по приговорам Верховного уголовного суда; карантинные преступления по приговорам воинских судов; воинские преступления во время походов по полемому уголовному уложению (ст. 17). Виды смертной казни за преступления, подлежащие Верховному уголовному

суду, определялись тем же судом в приговорах. За воинские и карантинные преступления полагалось «расстреляние».

Лишение всех прав состояния означало лишение дворянства потомственного или личного, духовного сана, всех прав для почетных граждан и купцов первых двух гильдий и сопровождалось лишением всех чинов, чести, доброго имени и знаков отличия с отобранием грамот и аттестатов (ст. 20–22). Под лишением некоторых прав состояния Сводом подразумевалось лишение чинов и знаков отличия, исключение со службы вообще или же какого-либо особенного рода службы, лишение доброго имени без лишения всех прав состояния, отдача имения в опеку (ст. 24).

Одно из центральных мест в Своде отводилось болезненным телесным наказаниям, так как сама система устрашения не была удалена из уголовного законодательства. Хотя лица, изъятые от телесного наказания, пользовались привилегиями, к остальным широко применялись кнут, плети, шпицрутены, палки, розги и т. п.

Том 15 различал следующие виды телесного наказания: 1) наказание кнутом; 2) наказание плетью; 3) наказание шпицрутенами; 4) наказание производимое плеткою по одежде, а также веревкою, хлыстом, палками и розгами или лозами; 5) содержание на хлебе и воде. Характерно, что из числа телесных наказаний было исключено наказание батогами. В Манифесте 17 марта 1775 г. этот вид наказания был назван «сущей казнью», в последующих законах о нем не упоминалось (примеч. к ст. 25).

«Наказание кнутом и наказание плетью, производимые публично через палача, именуется в законах казнью», то есть уголовными наказаниями. Все прочие телесные наказания, не исключая и наказания плетью при полиции через полицейских служителей, считались исправительными (ст. 32). Заметим, что по Своду наказание кнутом предусматривалось в 50 статьях¹.

Характерной чертой карательной системы было то, что кнут и плети не являлись самостоятельным видом наказания. Наказание кнутом сопровождалось ссылкой в каторжную работу, а плетью «публично через палача» – ссылкой на поселение.

Исправительные телесные наказания сопровождались в зависимости от рода преступления отдачей в солдаты, а в случае неспособности к военной службе ссылкой на поселение; отдачей в арестантские роты и на казенные заведения и фабрики; содержанием в смиренном и рабочем доме; наконец, возвращением на прежнее место жительства (ст. 33).

Уголовные наказания назначались за наиболее важные преступления, а исправительные телесные наказания, производимые плеткою по одежде, веревкою, хлыстом, палками или розгами, и содержание на хлебе и воде – за маловажные преступления или проступки (ст. 31).

¹ См.: *Ступин М.* Указ. соч. С. 66.

Помимо видов телесных наказаний и степени их важности, Свод определял и их меру: он запрещал судебным местам употреблять в своих приговорах слова «нещадно и жестоко», а по приговору к наказанию кнутом предписывал означать число ударов (ст. 27). Назначение числа ударов кнутом обязательно утверждалось начальником губернии (ст. 28). Те же самые постановления относительно числа ударов имели место и при определении уголовного публичного наказания плетью через палача (ст. 29). Число ударов плетью назначалось также на основании ст. 28.

Кроме болезненных телесных наказаний существовало и клеймение, которое применялось при осуждении в каторжную работу и состояло в нанесении букв, натертых порошком (на лбу «В», на щеках «О» и «Р»), образующих слово «ВОР». Женщины и лица, изъятые от телесных наказаний, клеймению не подлежали.

Возрастными основаниями для освобождения от телесных наказаний по Своду законов были малолетство – возраст не более 17 лет от рождения (ст. 125) и престарелость – старики 70 лет и более (ст. 127).

Телесным наказаниям по Своду подлежали «люди нижнего состояния, также мещане и купцы третьей гильдии» (ст. 26). Заметим, что *Свод законов 1842 г.* сформулировал данное положение юридически более грамотно: «телесным наказаниям подлежат все те же люди, кои не изъятые от оных особыми постановлениями».

Изъятия от телесных наказаний определялись Сводом законов уголовных 1832 г. в ст. 81–101. *Свод законов 1842 г.* значительно расширил имеющийся список и определил сверх этого изъятия от телесных наказаний по особым постановлениям (ст. 99–113). Свод законов устанавливал особый порядок определения телесных наказаний для лиц, получивших знаки отличия. За маловажные преступления отставных нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, предписывалось вместо телесного наказания содержать виновного под арестом на хлебе и воде; за преступления, превышающие меру этого наказания, по лишении знаков отличия подвергать телесному наказанию еще строже тех, которые не имели знаков отличия (ст. 97).

Таким образом, уголовный закон делал снисхождение при совершении маловажных проступков людям, получившим отличие, но взыскивал с них строже в преступлениях более важных. Причем приговоры о телесных наказаниях подсудимых, имеющих знаки отличия, имели большую гарантию, чем приговоры обычных подсудимых. Они приводились в исполнение только «по воспоследовании Высочайшего разрешения о снятии оных», то есть знаков отличия (ст. 98). Кроме указанных изъятий устанавливалось, что женщинам, «питающим грудью младенца», телесное наказание откладывалось на полтора года, «считай с разрешения от бремени» (ст. 144).

Свод устанавливал и последствия наказаний. Политическая смерть, лишение всех прав состояния, сопровождаемое ссылкой в каторжную работу

или на поселение и наказанием кнутом или плетью «рукою палача», влекло за собой «прекращение родительской власти и разрушение брака» и прекращение права наследовать и завещать. Имущество преступника переходило к законным наследникам, «как если бы виновный умер» (ст. 155). Людям «нижнего состояния», наказанным плетью «при полиции», не запрещалось проживать в столицах и губернских городах; фабричные люди «столичных и губернских городов» оставались на тех же фабриках; сельские обыватели, наказанные за первую кражу (менее 100 рублей), оставались в их селениях (ст. 163). Крепостные люди возвращались на прежнее место жительства, но, если помещик не пожелал их принять, они могли быть сосланы в Сибирь на поселение не смотря на возраст старше 50 лет (ст. 164).

Такие последствия наказаний (дозволение «телесно наказанным оставаться на месте их жительства») должны были демонстрировать различия между исправительными и уголовно-публичными наказаниями, за которыми обязательно следовала ссылка¹.

Значительное место в системе наказаний Свода отводилось принудительным работам, которые подразделялись 1) на каторжную работу; 2) крепостную работу; 3) работу в портах, на казенных заведениях и фабриках; 4) работу в смиренном доме; 5) содержание в рабочем доме; 6) городские работы и работу у частных лиц вместо рабочих домов. *Свод законов 1842 г.* добавил к этому перечню работу в арестантских ротах гражданского ведомства (ст. 34, 42, 43, 45, 46). При этом порядок распределения арестантов и употребления в работы в крепостных арестантских ротах определялся в Своде военных постановлений (ст. 43, т. 15, 1842 г. изд.), а порядок содержания в арестантских ротах гражданского ведомства закреплялся в Уставе о содержащихся под стражей (ст. 46, т. 15, 1842 г. изд.).

Каторжные работы назначались за наиболее тяжкие преступления: возмущение, смертоубийство, разбой, грабеж, лихоимство и т. п. *Свод 1842 г.* сделал изъятия из этого постановления: не подлежали действию этой статьи татары из губерний Казанской, Симбирской, Оренбургской, отправляемые вместо ссылки в Сибирь в арестантские роты, в крепостях в Финляндии находящиеся (ст. 37, т. 15 Свода законов 1842 г.). Лица, изъятые от телесных наказаний, не освобождались от каторжной работы, а подвергались ей на том же основании, что и лица, подлежащие телесным наказаниям, за исключением клеймения (ст. 36). «Нижнее сословие препровождалось в каторгу по наказанию кнутом и клеймению» (ст. 41). Судам запрещалось в приговоре о ссылке в каторгу употреблять слово «вечно» (ст. 39).

¹ См. об этом: *Бартенев В.* О тюремном заключении // Журнал Министерства юстиции (далее – ЖМЮ). 1862. № 8. С. 230; *Брекнер А.* Вопрос о тюрьмах // ЖМЮ, 1865. № 1. С. 73; *Галкин М. Н.* Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868. С. 101; *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 284.

Крепостная работа назначалась двух видов: 1) крепостная работа в Сибири на Омской линии; 2) крепостная работа вне Сибири (ст. 42). Крепостная работа вне Сибири была срочная и бессрочная и присуждалась преступникам «из нижнего состояния за неважные преступления» (ст. 45, 46).

Примечательно, что священно- и церковнослужители за маловажные преступления подвергались не духовному суду и церковным наказаниям, а подлежали действию общих уголовных законов. Исключенные из духовного звания за маловажные преступления ссылались для работы на заводы (ст. 48). Если престарелые священно- и церковнослужители, исключенные из духовного звания, оказывались негодными к работам на фабриках и заводах «по дряхлости и болезни», то их отдавали на попечение родственникам либо (если таковых не имелось) по распоряжению губернского начальства помещали в заведения приказов общественного призрения (ст. 49). К содержанию в смиренных домах присуждались люди «всякого звания» (ст. 50), а в рабочих домах только люди «нижнего состояния» (ст. 53).

Свод устанавливал конкретные виды ссылки (ст. 58): 1) ссылка в Сибирь в каторжную и крепостную работы; 2) ссылка в Сибирь на поселение; 3) ссылка в Сибирь на житье; 4) ссылка в закавказские провинции; 5) ссылка в дальние города, деревни или в другие места. К этому же роду наказаний принадлежали высылка за границу и высылка из столиц с запрещением пребывания в оных.

Карательная система Свода была достаточно сложной, но несмотря на разнообразие наказаний самыми «популярными» были ссылка в различных ее видах и каторжные работы. Например, по *Своду законов уголовных 1842 г.* ссылка определялась в 124 статьях, и 82 статьи имели в виде санкции каторгу совместно с кнутом или без него, тогда как другие виды наказаний применялись в самом ничтожном количестве: смиренный и рабочий дома упоминались в 13 статьях, тюрьма – в 18, полицейский арест – в 5 и в том же числе статей – арестантские роты¹.

В ряде случаев свод связывал характер наказания с сословной принадлежностью или характером деятельности. Так, за мелкие кражи преступники из нижних сословий наказывались полицией, а дворяне, священнослужители и купцы за любую кражу подлежали наказанию по суду (ст. 695, 696 Свода законов 1832 г. изд.). В случае утайки металла заводчиком, он наказывался лишением завода. Если в этом же преступлении обвинялся приказчик, то он ссылался на каторгу (ст. 549). За поношение присутственного места оскорбительными словами «нарушители доброго порядка» подлежали лишению чести, а люди нижнего состояния телесному наказанию (ст. 229).

Свод законов уголовных 1832 г. в Особенной части определил конкретные составы преступлений, институционально выстроив их систему. На первое

¹ См.: Позднышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы // Учен. зап. Моск. ун-та. 1907. Вып. 28. С. 165.

место были поставлены преступления против веры, на второе – государственные преступления, на третье – преступления «против правительства». Далее шли преступления чиновников по службе; преступления против безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц; преступления против уставов о повинностях, уставов казенного управления и благоустройства, преступления против прав семейственного состояния. Последние три раздела определяли наказания «за противозаконное удовлетворение плотских страстей», преступления против прав на имущества, за лживые поступки.

За разделом первым (Общей частью свода законов уголовных) следовал второй раздел – «О преступлениях против веры», посвященный богохулению и порицанию веры. Умышленное богохуление, в котором виновный был «совершенно обличен», наказывалось лишением всех прав состояния, кнутом и ссылкой в каторжную работу; сверх того виновный подвергался публично-церковному покаянию¹. Свидетели, не донесшие о данном преступлении, подлежали наказанию по мере вины (ст. 184). Те, которые совершили богохуление по легкомыслию и в первый раз, наказывались тюремным заключением на 14 дней и вычетом из месячного жалования; совершение преступления в третий раз наказывалось как умышленное (ст. 185).

При определении наказаний за отступление и отвлечение от православной веры Свод применял достаточно неопределенные санкции: «подвергнуть наказанию по всей строгости духовных и гражданских законов» (ст. 186–191). Запрещался переход из одной веры в другую (кроме перехода в православие) под угрозой лишения всех прав состояния, наказания кнутом и ссылки в каторжные работы. Обращенный же в другую веру отсылался к духовному начальству для поступления с ним по правилам церковным (ст. 189).

В 50-х гг. XVII в. в русской православной церкви произошел раскол. В конце XVIII – начале XIX вв. правительство и православная церковь перешли к официальному признанию раскольников. Однако свобода богослужения сменилась периодом конфронтации при Николае I. Представители сект за призыв к ереси отдавались в солдаты на службу в Кавказский корпус (ст. 192), при этом, «если не обратятся они к православию, не давать ни временных отпусков, ни отставки» (ст. 196). Перешедший «из раскола в православную веру и вновь перешедший в раскол» отправлялись в ссылку «безвозвратно» (ст. 195).

Отдельно выделялась «жидовская ересь». Малолетние, участвовавшие в ереси, отсылались в военные кантонисты или на казенные фабрики (ст. 197–198). Все эти правила не распространялись на наставников и последователей

¹ См. об этом: *Белогриц-Котляровский Л. С.* О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Киев, 1860. С. 127; *Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права. Примеч., прил. и доп. Н. Неклюдова. СПб., 1865–1866. Т. 1. С. 123; Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 173; *Шайкевич С.* Учение о краже со взломом // Юридический вестник. 1867. № 1. С. 16.

изуверских сект: они наказывались «по законам смертоубийства или намерении к смертоубийству» (ст. 199).

Свод законов 1842 г. включил новые составы преступлений, касающихся раскольников и еретиков. Раскольники из Закавказья и Кавказского края призывались к отдаче в военную службу и отсылались в войска в Сибирь. Неспособные к военной службе и женщины отсылались туда же на поселение (ст. 207). Жители Сибири, уличенные в распространении ереси, присуждались к военной службе в отдаленнейшие места Сибирского края. Те жители Сибири, которые после обращения в православную веру возвращались в раскол, ссылались в отдаленный край Сибири безвозвратно (ст. 208). Раскольникам при обращении их в православие «прощение может быть единожды только даруемо» (ст. 211). Если при этом обращение подтверждалось местным духовным начальством, раскольники возвращались в губернии с правом «избрать род жизни податного состояния» и приписывались к городскому и сельскому обществу по их и общества согласию. Раскольникам изуверских сект закон запрещал записываться в городские общества. Виновные отдавались в военную службу в Кавказский округ, женщины и неспособные к военной службе ссылались (ст. 213).

К числу преступлений смешанного характера относились нарушения благочиния в церквях мирянами и духовными. Нарушившие благочиние в церквях (хохотом, криками, шумом, хождением по церкви во время службы) подвергались штрафу, или временному аресту, или тюремному заключению, или телесному наказанию. Более сурово закон обходился с тем, кто мешал совершению литургии: виновный подвергался лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу (ст. 204–206). Духовные, нарушившие благочиние в церквях, отдавались на суд их духовного начальства (ст. 207–209).

До Свода законов святотатство (церковные кражи) рассматривалось русским уголовным правом не только как квалифицированный вид кражи, но и как совокупность богохульных и имущественных видов преступлений¹. Сперанский М. М. при составлении Свода законов предложил включить церковные кражи в группу религиозных преступлений. За святотатство и разрытие могил виновным полагалось лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылка в каторжные работы. Святотатством не считалась кража не церковного имущества или кража не из церкви (ст. 210–213).

Раздел третий тома 15 Свода «О преступлениях государственных» по первым двум пунктами предусматривал в качестве преступных посягательств «злоумышление против священной особы императорского величества и членов императорского дома, поношение императорского величества злыми

¹ См. об этом: *Литинский М. К.* К истории уголовного права XVIII в. // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 12. С. 38; Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992. С. 169; *Филиппов А.* Указ. соч. М., 1891. С. 421.

и вредительными словами» и «бунт и измену противу государя и государства». Лица, совершившие указанные преступления, рассматривались как государственные преступники. В главе «О наказаниях за преступления противу священной особы государя императора и членов императорского дома» устанавливалась ответственность за умышленные деяния, объектом посягательства которых были жизнь, честь, «здравие» императора, его положение в государстве как неограниченного монарха. Кроме того, посягательству могла подвергнуться «свобода государя». Наказывался умысел свергнуть императора с престола, лишить его власти или совершить над ним «какое-либо насилие».

По указанным составам преступлений наказание устанавливалось за все стадии совершения преступного деяния: умысел, приготовление, покушение. В случаях «особенной важности» в качестве наказания определялась смертная казнь (ст. 217), в остальных – к виновным применялось лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылка в каторжные работы. Наравне с главными виновными карались все соучастники совершения государственного преступления (ст. 218). К такому же наказанию приговаривались злоумышленники за деяния против наследника престола, супруги императора и членов императорского дома. Словесное оскорбление императора или издание письменных или печатных сочинений с дерзкими словами против государя известные российскому законодательству из Артикула воинского, арт. 20, рассматривались в качестве государственного преступления и преследовались на основании ст. 217.

Глава третья устанавливала наказания за «бунт и государственную измену». Свод под бунтом против власти понимал восстание «скопом», (то есть выступление многих людей, подданных государства), сопряженное с насильственными действиями (ст. 223). За бунт и участие в нем полагалась конфискация имущества в казну (ст. 225).

Ответственность за государственную измену также была известна российскому уголовному законодательству. Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский Петра I под изменой понимали в основном оказание помощи неприятелю в условиях военных действий и разглашение военной тайны¹. Свод в ст. 226 определял государственную измену значительно более подробно, но тоже как изменнические действия, совершенные во время войны. Наказание назначалось в случаях: 1) «когда кто умыслит предать государство или какую-либо часть оному внешнему неприятелю»; 2) провоцирования войны; 3) сообщения неприятелю сведений о состоянии армии, внутреннем положении государства; 4) «тайной переписки с неприятелем, контактов с неприятельскими

¹ См. об этом: *Гайдук С. П.* Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 58; *Орлов Н.* О тюремном заключении // ЖМЮ. 1866. № 7. С. 53.

шпионами»; (5) сдачи неприятелю города, крепости, порта, корабля, команды людей, запасов и снарядов; 6) перехода на сторону неприятеля; 7) распространения манифестов и объявлений неприятеля. В этой статье Свод ссылался на Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1716 г., Полевое уложение 1812 г.

Свод относил государственные преступления к наиболее тяжким. За их совершение предусматривались самые суровые наказания – смертная казнь, лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылка в каторжные работы.

Раздел четвертый «О преступлениях против правительства» содержал главы: «О наказаниях за поношение присутственных мест и должностных лиц», «О наказаниях за препятствие в обнародовании законов», «О наказаниях за сочинение и распространение подложных указов, за распространение вредных слухов, за пасквили и подметные письма», «О запрещенных сходбищах и незаконных и тайных обществах», «Об оставлении отечества и преслушании вызова, правительством учиненного», «О взломе тюрем, выпуске преступников и возмущении противу законом установленных властей».

Свод не совсем четко формулировал составы преступлений против порядка управления. Система расположения составов преступлений не соответствовала тяжести и значимости самих преступлений. На первом месте стояли «поношение присутственных мест и должностных лиц», «препятствия в обнародовании законов». И только на последнем месте находились наиболее опасные преступления – непослушание и сопротивление властям, запрещенные сходбища, незаконное оставление отечества, взлом тюрем, незаконное освобождение преступников и возмущение против законом установленных властей.

Глава первая предписывала ответственность за оскорбления, нанесенные государственным чиновникам или правительственным учреждениям. По Своду «за поношение присутственного места оскорбительными словами» виновные подвергались лишению чести, люди нижнего состояния – телесному наказанию. Оскорбление в устной форме чиновников наказывалось тюремным заключением, лишением чести или же лишением всех прав состояния, плетью и ссылкой на поселение (ст. 229–231).

В главе «О наказаниях за препятствия в обнародовании законов» закреплялась ответственность за умышленное уничтожение, изменение содержания указов, «присланных для объявления или выставленных для сего в определенном месте», за которую предусматривалось лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылка в каторжную работу. Это же преступление, совершенное по небрежности, наказывалось значительно мягче (ст. 232–234).

Глава третья «О наказаниях за сочинение и распространение подложных указов, за распространение вредных слухов, за пасквили и подметные письма» устанавливала ответственность за составление, а также разглашение «подложных указов, ко вреду государственному клонящихся». К вредным

«разглашениям» закон относил пасквилы и подметные письма против правительства (ст. 235–238). Чиновники, состоявшие под надзором полиции и исключенные со службы за распространение вредных слухов, подлежали отдаче под строгий надзор полиции на время не более двух лет. Чиновники, изобличенные в этом вторично, приговаривались к лишению чинов и всех прав состояния и отдаче в военную службу либо в Сибирь на поселение (ст. 240–241).

Глава «О запрещенных сходбищах и незаконных и тайных обществах» была связана с ответственностью за создание тайных обществ, товариществ, братств и других собраний, созданных без ведома полиции и имеющих цель «государству вредную». Наказывались и «участвовавшие», и «управляющие» незаконными тайными обществами. Деяния же основателей и членов обществ, созданных с целью подрыва политического и общественного строя, квалифицировались как государственные преступления (ст. 247–249).

В главе «Об оставлении отечества и преслушании вызова, правительством учиненного», определялось наказание за нарушение порядка выезда из страны. Лица, покинувшие страну и поступившие на службу «к иностранному правительству», преследовались как за измену. Подобному наказанию подвергался и тот, кто отлучился за границу по разрешению, но не вернулся в Россию по вызову правительства, то есть нарушил сроки разрешенного пребывания за границей.

Свод законов 1842 г. дополнил главу «Об оставлении отечества и преслушании вызова, правительством учиненного». Выехавший за границу по разрешению, но оставшийся там больше положенного срока, считался «без вести отсутствующим». Его имение изымалось в опекуновское управление по гражданским законам (ст. 272).

Глава «О взломе тюрем, выпуске преступников и возмущении противу законом установленных властей» предусматривала ответственность за насильственное освобождение преступников. Виновные лишались всех прав состояния, наказывались кнутом и ссылались в каторжные работы¹. Начальники тюрем, тюремные надзиратели, которые умышленно допустили побег заключенных, подвергались тому же наказанию, что и бежавшие преступники (ст. 253).

В 1842 г. для этого состава преступления установили более мягкое наказание: «по мере вины», «смотря по обстоятельствам дела» (ст. 275). За принятие иностранными шкиперами беглых преступников на борт своего судна карались сами преступники, а корабль и груз на нем подлежали конфискации.

Раздел пятый Свода определял составы преступлений чиновников по службе: нарушение порядка службы и подчиненности; неисполнение должности и злоупотребление властью; ущерб казенному имуществу через небрежение,

¹ См. об этом: *Гайдук С. П.* Указ. соч. С. 58; *Орлов Н.* О тюремном заключении // ЖМЮ. 1866. № 7. С. 53.

незаконное пользование, похищение, расточение и утрату; противозаконные поступки при заключении подрядов и приеме вещей, поставляемых в казну; лихоимство. Приговор выносился в зависимости от тяжести совершенного преступления и степени вины. Это могли быть взыскания, определенные без производства уголовного суда: замечание, выговор, опубликование, временный арест, устранение на время от должности; либо уголовные наказания по суду: лишение чинов, лишение некоторых или всех прав состояния, отдача в военную службу и ссылка на поселение или в каторжную работу (ст. 257). Если чиновник был причиной казенного или частного убытка, то сверх наказания он был обязан возместить его. В случае, когда виновный не мог заплатить наложенного по службе штрафа, с ним поступали по правилам о несостоятельных должниках, но это взыскание не распространялось на наследников виновного (ст. 260–262).

Свод закреплял уголовную ответственность за нарушение порядка службы и подчиненности. Определялись наказания за нарушение порядка службы начальниками, которые лишались чинов или ссылались на поселение за принятие на службу по протекции (ст. 263). Начальник, злоупотреблявший властью в отношении подчиненных, наказывался по мере вины, а уличенный в этом неоднократно, исключался со службы (ст. 265). *Свод законов 1842 г.* дополнительно устанавливал уголовную ответственность начальникам, которые налагали на подчиненного взыскание за свою вину (ст. 289).

За ослушание подчиненными своего начальства виновные наказывались «по степени вины и званию лица»: публичным испрашиванием прощения, денежным штрафом, тюремным заключением или лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение. Канцелярские служители отдавались в солдаты, а люди нижнего состояния подвергались телесному наказанию. Подчиненный, ударивший начальника, лишался всех прав состояния и ссылался на поселение (ст. 266–270).

В Своде имелся специальный раздел об ответственности должностных лиц – «О превышении власти и бездействии ее». Понятие «превышения власти» впервые в российском законодательстве было сформулировано именно Сводом законов уголовных, хотя случаи установления уголовной ответственности за это преступление встречались еще в судебниках, а затем в Артикуле воинском. О превышении власти шла речь, когда чиновник «выступал из пределов власти, назначенных ему в отправлении должности, и совершал что-либо в отмену существующих законов». Преступившие пределы власти, определенной законом в отправлении должности, либо допустившие государственный ущерб оставлением власти в бездействии подвергались наказанию «по важности дел» (ст. 278–280). Должностные лица, избалованные в подделке, подчистке, исправлении документов или подлогах наказывались лишением всех прав состояния и отдачей в солдаты или ссылкой на поселение. Лица, не изъятые от телесных наказаний, подвергались сверх того наказанию

плетьюми (ст. 284). Свод также устанавливал ответственность за разглашение должностными лицами государственных тайн. При этом преступник подлежал наказанию, определенному за государственную измену (ст. 281–283).

К тяжким преступлениям относилось и неправосудие. По Своду различалось неправосудие умышленное и неумышленное. Умышленная неправильность в решении дела влекла лишение всех прав состояния и отдачу в солдаты (либо ссылку на поселение или в каторжную работу). При этом не имело значение (не принимались во внимание побудительные причины), «из взяток ли он учинил умышленное неправосудие» или «из угождения», или «по дружбе и родству», или «по ненависти и вражде» (ст. 286–289).

Глава четвертая «Об ущербе казенному имуществу от лиц, управляющих и охраняющих оное» устанавливала ответственность за небрежение в сохранении казенных сумм и вещей, незаконное пользование казенною собственностью, похищение, расточение (промотание) и утрату казенного имущества. Должностные лица, виновные в растрате казенных денег, отрешались от должности, подлежали «взысканию употребленного вдвое» и сверх того наказанию по мере злоупотребления (ст. 292).

Свод законов 1842 г. в разделе «О незаконном пользовании казенным имуществом» дополнительно определял уголовную ответственность за задержку отсылки казенных либо частных денег и вещей и употребления тех денег и вещей в свою пользу. Виновный подвергался взысканию двойных казенных процентов за все время передержания (ст. 319).

За похищение, расточение (промотание) или утрату казенных денег, вещей, имения виновный приговаривался к взысканию похищенного и наказанию за «воровство-кражу» по разделу третьему Свода. В случае смерти виновного двойное взыскание налагалось на наследников, либо одинарное – на начальников, если они были виновны в упущении обязанности, на них по закону возложенной (ст. 293–296).

Свод законов 1842 г. включил дополнительный состав преступления, ответственность по которому возлагалась на сельских старост, волостное начальство, писарей, виновных в растрате общественных сумм. Они отрешались от должности и отдавались в военную службу либо в крепостные рабочие команды. Растроченные суммы взыскивались с них самих или с обществ, которые их избрали (ст. 324).

Также был определен состав преступления в виде «лихоимства», (как «незаконные поборы под видом государственных податей, вымогательство вещами, деньгами или припасами, а также взятки с просителей по делам исполнительным и судебным»). При этом незаконными поборами закон считал «всякий сбор деньгами и вещами, всякий излишек в казенной подати или повинности, наряд уездных обывателей на работу для частной выгоды». Взятками как разновидностью лихоимства признавались «всякого рода подарки, делаемые чиновниками для ослабления силы закона» (ст. 311). Высшей

степенью лихоимства являлось вымогательство как «выгода, вынужденная по делам службы страхом притеснения в деле» (ст. 310).

Изобличенные в лихоимстве наказывались (несмотря ни на чины и достоинства, ни на прежние заслуги) лишением всех прав состояния, отдачей в солдаты, или ссылкой на поселение, или в каторжную работу. Лица, подлежащие телесному наказанию, сверх того наказывались кнутом или плетью (ст. 313–314). Статья 316 определяла перечень соучастников в лихоимстве.

По Своду законов уголовных 1842 г. лихоимством также считалось взятие заемных обязательств чиновниками земского суда или полиции с преступников. С виновных взыскивалась сумма, которая вдвое превышала обозначенную в обязательствах. Она шла в пользу приказа общественного призрения (ст. 341). На основании рапорта Правительствующего Сената от 10 июня 1825 г. *Свод 1842 г.* включил новые составы преступлений. Так, было постановлено, что «действия волостных голов, старост, сборщиков, виновных в незаконных поборах на подарки и угощение чиновникам, следует расценивать как воровство-мошенничество». Виновные отрешались от своих должностей и отдавались в военную службу либо в крепостные рабочие команды (ст. 345, 346).

Раздел шестой «О преступлении против безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц» содержал различные составы преступлений и проступков, распределенные по главам и от делениям.

Тяжкие наказания по Своду предусматривались за нарушения постановлений против моровой язвы. Смертной казнью наказывались такие наиболее опасные деяния, как сопротивление силой, насильственными мерами против устанавливаемого во время эпидемии порядка необходимого для предупреждения распространения чумы; нарушение карантинных правил и мер предосторожности, насильственное нарушение карантинных границ, подделка документов для сокращения карантинного обряда, а также действия чиновников и служителей, способствовавших нарушениям карантинных правил (ст. 317–319). Лишению всех прав состояния, телесным наказаниям и ссылке в Сибирь на поселение подвергались лица, сокрывшие больных чумой. Это же наказание следовало и за тайный вынос умерших на улицу, вынос, утайку или передачу вещей через карантинную черту, тайное общение с лицами, состоящими под карантинным надзором. Карантинные чиновники, виновные в преступлениях, отрешались от должности и подвергались шестимесячному аресту; нижние карантинные чины приговаривались к шпицрутенам с отдачей в солдаты либо отсылкой в поселение. Значительно мягче наказывались маловажные карантинные преступления, когда в карантинной черте не было зараженных. В таком случае применялись меры полицейского исправления – денежный штраф от 10 до 100 рублей, арест с содержанием на хлебе и воде (ст. 322). Освобождались от штрафа и наказания те, кто донес о преступлении до его исполнения.

Глава вторая раздела была посвящена наказаниям за «смертоубийство». Свод различал умышленное, неосторожное и случайное смертоубийства.

Самым тяжким считалось умышленное убийство, за которое виновный лишался всех прав состояния, наказывался кнутом и подлежал каторжной работе. Явка с повинной являлась смягчающим обстоятельством. В этом случае наказание кнутом заменялось на публичное наказание плетьюми (ст. 333). Соучастники несли ответственность наравне с «главными виновниками» или меньше, «смотря по степени вины». Тот, кто знал о смертоубийстве, но не донес об этом, подлежал меньшему наказанию, чем соучастники преступления (ст. 334–335).

Свод выделял в особую категорию: убийство отца и матери, «чадоубийство», убийство детей в утробе матери, братоубийство, убийство жены мужем и мужа женой, убийство родственников, которые карались наиболее тяжкими видами смертной казни: закопанием живого в землю, колесование и т. п. (примеч. к ст. 342). К особым убийствам Свод относил и умышленное умерщвление и изгнание плода, причинение смерти от непозволительного лечения людьми, не имеющими на это права. В соответствии с примеч. к ст. 343, иностранцы, выдающие себя за врачей, высылались за границу с объявлением их шарлатанами и извещением о том их правительств. Наказание кнутом и каторжную работу влекло умышленное умерщвление младенца, «хотя бы он родился и уродом» (ст. 343–346).

За неосторожное убийство виновный приговаривался к тюремному заключению, или денежному штрафу, или телесному наказанию; во всех случаях церковному покаянию (ст. 336–337).

Случайное причинение смерти, даже при отсутствии со стороны лица какой-либо неосторожности, не подлежало никакому наказанию; для успокоения же совести виновный подвергался церковному покаянию.

Самоубийство было отнесено Сводом в раздел «О преступлениях против безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц». Самоубийцы лишались церковного погребения. Покушение на самоубийство, если оно не было вызвано мучениями, большими налогами, досадой, стыдом, меланхолией, наказывалось как покушение на убийство (ст. 347–348). Наказанию не подвергались те, кто лишил себя жизни в безумии или беспамятстве.

Свод законов в главе третьей устанавливал уголовную ответственность за поединки-дуэли. Вышедший на поединок «лишался удовлетворения и судился как ослушник законов», кроме того, он подвергался «взысканию судейского бесчестья». Вышедший на поединок во второй раз лишался всех прав состояния и подвергался ссылке в Сибирь на вечное поселение. При нанесении ран, увечий или совершении убийства во время дуэли виновные наказывались как за умышленное преступление. Посредники и секунданты должны были предаваться суду как участники поединка (ст. 349–356).

Свод признавал два вида телесных повреждений: раны и увечья. Увечье различалось двух степеней: более и менее тяжкое. Более тяжкое состояло в отсечении руки, ноги, уха, губы, «выколотии» глаз. Нанесение увечья влекло за собой лишение всех прав состояния, наказание плетьюми и ссылку на поселение. Нанесение ран и увечий с обдуманном намерением или умыслом рассматривалось как покушение на смертоубийство. Если же были нанесены повреждения не смертельные, но вследствие чего последовала смерть, то данное преступление признавалось неосторожным убийством (ст. 357–364).

Закон также устанавливал ответственность за нанесение себе телесных повреждений с целью избежания военной службы. Умышленное членовредительство наказывалось плетьюми от 25 до 50 ударов и отдачей в солдаты. При негодности к строевой военной службе виновные отдавались в арестантские роты либо ссылались в Сибирь на поселение (ст. 365–366).

Свод законов 1842 г. значительно расширил перечень составов преступлений о членовредительстве. При этом «членовредители», которые умышленно растравляли свои раны, наказывались как умышленные членовредители (ст. 399). Статья 400 закрепляла ответственность для мещан, крестьян государственных, удельных, помещичьих, свободных хлебопашцев и их родственников, если они были виновны в умышленном изувечении подлежащего рекрутству. Они наказывались плетьюми через полицейского служителя. Если членовредительство было нанесено кем-то из еврейского семейства, то он, несмотря на повреждение, отдавался в рекруты. Сверх этого из семейства брался еще один способный рекрут.

Состав преступлений «о нарушении чести» имел следующие разновидности: личные обиды и клевета. Свод признавал обиду трех родов – словами, письмом и действием, а также двух степеней – более и менее тяжкая. Обида считалась тяжкой, если была «учинена: в общенародном месте, в храме Божьем, во дворце императорского величества, в присутственном месте, во время отправления должности, при лицах, власть имеющих, в многолюдном собрании, на бирже или в обществе, от детей родителям, от служителей господам, от подчиненных начальникам». К тяжким обидам причислялись удары рукой или орудием в опасное место, по лицу или головой (ст. 367–374).

По выбору потерпевшего лица предусматривалась возможность двух родов исков: гражданского (право требовать денежного вознаграждения) и уголовного (ст. 376). Если же за обиду словом, письмом или действием оскорбленный нанес оскорбившему такую же обиду, то он терял право приносить на него жалобу (ст. 380). В качестве наказания за тяжкую обиду закон закреплял испрашивание прощения у обиженного, арест, денежный штраф, «отставление» от службы, тюремное заключение или телесное наказание (ст. 383).

Клевета выражалась только в словах. «Тот, кто поклепает на другого, в намерении обругать честное его имя, должен пред судом и... обиженным

обличить свои слова и сказать, что он содеял, сверх того подлежит он заключению в тюрьму на полгода» (ст. 388).

Свод законов уголовных 1842 г. ввел новые составы преступлений – обиды, причиняемых лицами духовного звания православного вероисповедания. В случае, если обида нанесена духовным лицом, то дело не прекращалось духовным начальством до вынесения взыскания. Если обида была соединена с уголовным преступлением, дело передавалось в уголовный суд (ст. 426–427).

Глава шестая раздела шестого Свода законов устанавливала ответственность за нарушение прав свободного состояния. Тяжкому наказанию подлежали лица за похищение и продажу человека свободного состояния. Они лишались всех прав состояния, подвергались наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу. Так же наказывали лиц, виновных в краже младенцев. Тот, кто умышленно обращал с помощью подложного документа свободного человека или беглого солдата в крепостное состояние, лишался всех прав состояния, подлежал наказанию плетью и ссылке на поселение (ст. 389–391).

Свод законов уголовных 1842 г. ввел новый состав преступления на основании Трактата «Об уничтожении торга африканскими неграми», заключенного в Лондоне в декабре 1841 г. Уголовная ответственность предусматривалась для тех, кто был «изобличен в торге неграми». Виновные наказывались как за разбой и грабительство на морях (ст. 431).

Свод закреплял уголовную ответственность «за нарушение пределов помещичьей власти». Помещики, которые были изобличены в жестоком обращении со своими крепостными, могли предаваться «по особому высочайшему усмотрению» уголовному суду. С другой стороны, выделялись и преступления крепостных против своих господ. Крепостные «за вины против помещика» подлежали домашнему исправлению и наказанию по усмотрению помещика, либо подвергались полицейскому наказанию, либо заключались в смирительные и рабочие дома на срок, определенный самим владельцем. В случае «явного непокорства законным властям», возмущения против своих господ, сопротивления воинской команде, крепостные на месте предавались военному суду (ст. 392–397).

Сочинение подложных отпускных или документов, «дающих право на поступление в свободное состояние», наказывалось отдачей в рекруты; в случае неспособности к военной службе виновные отдавались в крепостную работу (ст. 398).

Свод законов уголовных 1842 г. также установил уголовную ответственность для крепостных, которые подавали недозволенные жалобы на своего помещика (ст. 438).

Раздел «О беглых, бродягах и укрывательстве их» предусматривал, что бродяги и беглые наказывались в случае, когда они не могли «представить ясных доказательств о состоянии и месте... жительства». При этом они

отдавались в работы или отсылались в арестантские исправительные роты, согласно правилам, изложенным в Уставе о паспортах и беглых. В случае заперательства бродягу наказывали плетью при полиции и ссылали в Сибирь на поселение, женщин-бродяг ссылали на поселение без телесного наказания (ст. 399).

За укрывательство беглых отвечали управители, выборные, старосты и крестьяне. Они подвергались телесному наказанию, их движимое имущество отдавалось тем, кому принадлежали беглые. Помещик, укрывший беглого, выплачивал за душу мужского пола 200 рублей в год, а за женскую – 100 рублей. (ст. 401–402). Давший ночлег заведомо беглому или укрывавший его в течение шести дней подвергался штрафу в 100 рублей (размер штрафа был снижен по *Своду законов уголовных 1842 г.*) за каждого. Укрывавшие беглых от шести дней до шести месяцев сверх штрафа подвергались телесному наказанию. Тот, кто был не в состоянии заплатить штраф, отдавался на заработки в рабочий дом. *Свод законов 1842 г.* расширил санкцию этой статьи: кто был не в силах заработать штраф, того заключали в тюрьму на три месяца. Если же беглый обзаводился домом, семьей, то это считалось «совершенным водворением беглого в селении», и с помещиков взыскивался штраф 2000 рублей ассигнациями (ст. 407–411).

Также *Свод законов уголовных 1842 г.* ввел ряд новых составов преступлений, касавшихся укрывательства беглых. Укрывательство беглых в казачьих станицах наказывалось штрафом «с этих станиц до 600 рублей за каждого», при этом треть штрафа возлагалась на станичных правителей (ст. 459). Подлежали наказанию цыгане, которых изобличили в бродяжничестве после их приписки к казенным селениям (ст. 460). Был определен и срок водворения цыган в казенные селения – 1 января 1841 г. (примеч. к ст. 460). Кроме того, *Свод 1842 г.* устанавливал особую ответственность за укрывательство беспаспортных «для обеих столиц»: 1) «те, кто принимал людей без паспорта или с просроченными паспортами, платили штраф по полтора рубля за каждого»; 2) «скрывшие у себя человека подозрительного, военного дезертира или беглого помимо штрафа содержались под арестом в полиции до суда»; 3) «дворник, который скрыв беглого или беспаспортного и не доложил домоправителю, отдавался в военную службу либо судился по общим уголовным законам»; 4) «беспаспортные нижнего состояния отсылались в рабочий дом на время, которое они прожили в столице с просроченным паспортом» (ст. 467).

Положения *Свода «О нарушении прав состояния развратным поведением»* предусматривали ответственность чиновников, канцелярских служащих, отставных военных и бездолжностных, «обвиненных в развратном поведении». Чиновники, состоящие на службе, исключались, а канцелярские служители отдавались в военную службу (ст. 423–424). Обвиняемые в пьянстве, буйстве и распутстве бездолжностные и отставные военные, задержанные полицией в публичном месте, в первый раз приговаривались к временному

заклучению в смирительном доме до 1 года, а задержанные повторно лишались чинов и дворянства и отдавались в военную службу или подлежали ссылке в Сибирь на поселение (ст. 425–429).

Раздел седьмой Свода «О преступлениях против уставов о повинностях, уставов казенного управления и благоустройства» объединял в тринадцати главах разные по степени значимости и силе наказаний составы преступлений: о подлоге в отправлении рекрутской повинности, о преступлениях против казенной собственности вообще и о подделке актов, печатей и штемпелей в ущерб казенного имущества; о нарушении уставов питейного сбора и акциза; о наказаниях за кормчество по питейному сбору и акцизу; о нарушении уставов таможенных, монетных, горных, о соли, лесных; о подделке ассигнаций, кредитных бумаг и гербовой бумаги; о подлоге по займам из государственных кредитных установлений и при «застраховании»; о наказаниях за причинение ущерба государственному доходу производством торговли без законных свидетельств; о наказаниях за нарушение особенных ремесленных постановлений.

Первая глава седьмого раздела предусматривала наказания за подлоги «в отправлении рекрутской повинности». Преступлением со стороны общества являлась отдача «беглых людей в рекруты подлогом за своих». За это следовало лишение всех прав состояния, наказание плетью и ссылка на поселение. Другим способом уклонения от рекрутства было бегство при наборе. Если при поимке виновные не поступали в рекруты по установленным правилам, то они наказывались по приговору уголовного суда плетью «при полиции». Лица, уличенные во взятии денег за освобождение от рекрутства, наказывались по суду как лихоимцы, то есть подвергались лишению всех прав состояния, отдаче в солдаты или ссылке на поселение, или каторжным работам. Удельные приказные головы и сельские старшины за взятки отдавались немедленно в рекруты, а по неспособности к военной службе – в крепостные рабочие команды (ст. 431–436).

Свод законов уголовных 1842 г. закрепил дополнительные составы преступлений о подлогах в отправлении рекрутской повинности, касающиеся, в основном, лиц еврейской национальности. Так, за подлог в свидетельстве, дающем право на свободу от рекрутской повинности или на льготу, евреи отдавались в военную службу без зачета (ст. 486). Если еврей, не будучи военным, подговаривал другого еврея – военнoслужашего – к уклонению от его обязанностей, то он отдавался в военную службу без зачета. В случае неспособности к ней, виновный ссылался в Сибирь на поселение или каторжным работам. Евреи, подговаривавшие военнoслужаших-евреев к побегу со службы, сами отдавались в рекруты по распоряжению губернского правления без приговора суда. Судебное разбирательство применялось в случае неспособности виновных к военной службе (ст. 489).

Свод устанавливал ответственность за преступление «против казенной собственности», а также «за подделку актов, печатей и штемпелей в ущерб казенного имущества». Похищение казенной собственности влекло, как правило, ту же ответственность, что и «за воровство частного имущества» (ст. 437–440). Подделка грамот и актов от имени императора рассматривалась Сводом как «тяжкое злоумышление» и наказывалась лишением всех прав состояния, кнутом и каторжной работой. Это же наказание следовало и за «подцепку» казенных печатей и штемпелей. «Если преступление не нанесло особого вреда государству», виновный подвергался лишению всех прав состояния, наказанию плетьюми и ссылке в Сибирь на поселение (ст. 441–444). В специальных главах седьмого раздела Свода была определена ответственность за нарушение уставов монетных, устава горного, таможенного, соляной и питейной государственных монополий.

Нарушение соляной и винной монополий рассматривалось в главе третьей «О нарушении уставов питейного сбора и акциза» и главе восьмой «О нарушении уставов о соли». Эти деяния расценивались как попытка нанести ущерб казне государства и как причинение материального вреда и влекли за собой денежные взыскания (ст. 446–454). В случае, когда ввоз таких товаров «производим был скопищем и вооруженно», то виновные по Своду наказывались ссылкой (ст. 511).

Глава пятая Свода предусматривала уголовную ответственность за нарушение таможенных уставов. Тот, «кто тайно ввез на территорию России иностранные товары и добровольно не признавшийся, но задержанный», в первый раз (кроме взыскания пени и конфискации товаров) подлежал легкому телесному наказанию с водворением на прежнее место жительства или содержанию в смирительных и работных домах; при повторном задержании – ссылке в Сибирь на поселение. Третье задержание уже грозило ссылкой в каторжные работы. В случае добровольного признания задержанный (в пределах пограничной черты) наказывался более мягко (ст. 508–509).

Свод законов уголовных 1842 г. в главе пятой ввел уголовную ответственность за новые составы преступлений «о нарушении табачной государственной монополии». Подделка бумаг на производство табака наказывалась как подделка государственных бумаг, при этом конфисковывался весь табак, инструменты и воспрещалось готовить и продавать табак навсегда (ст. 573). Такому же наказанию подлежал тот, кто после троекратного штрафования указывал уменьшенный или увеличенный вес табака на коробках или не указывал продажную цену табака на ящиках (ст. 577). Тот, «кто имел тайную табачную фабрику», наказывался конфискацией табака, инструментов и штрафом в 300 рублей; также ему запрещалось приготовление и продажа табака навсегда. Устав об акцизе с табака определил, какие заведения считать «тайными» (примеч. к ст. 576).

Подделка монеты (фальшивомонетничество) издавна считалось на Руси тяжким преступлением¹. «За подделку монеты как российского, так и иностранного чекана» виновные подлежали лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжные работы. Это же наказание предусматривалось в отношении тех, кто переплавлял государственную монету, а также тех, «...кои заведомо делают, продают или покупают для сего инструменты и кои знали о подделке монеты, но не доносили» (ст. 336–339). Тот, кто донес и представил доказательства о переливе монеты, получал 2/3 всего перелива (примеч. к ст. 339). За привоз русской фальшивой монеты из-за границы полагалась ее конфискация, и устанавливалось наказание такое же, как и за подделку монеты (ст. 541). Особым составом преступления было изменение у монеты надлежащего веса. Виновных ожидало лишение всех прав состояния, наказание плетьюми и ссылка на поселение. За ввоз низкопробной иностранной монеты закон устанавливал неопределенное наказание: виновные «предаются законному суждению» (ст. 544).

Строго наказывалось по Своду и нарушение горных уставов. Недра земли были собственностью государства. Заводчики должны были платить определенную подать с выплавляемых и промываемых металлов. За утайку выплавляемого металла заводчик лишался завода. Если же это произошло без ведома заводчика, то приказчик наказывался ссылкой на каторгу (ст. 549).

Наказанию в виде каторжной работы и телесному наказанию подвергались виновные за подделку клейм и знаков для сокрытия похищенного золота, а также за подделку червонцев (ст. 558). Ссылка в Сибирь на поселение для лиц, освобожденных от телесных наказаний, и ссылка на отдаленнейшие казенные заводы с телесными наказаниями для лиц низшего состояния следовала: за разработку на казенных землях золота без разрешения правительства, кражу золота при разработке руд, покупку золота у похитителей, утаивание самородков, найденных на казенных землях (ст. 559). Кроме означенных наказаний, лица высших сословий дополнительно наказывались уплатой пеней (ст. 561). Тот, кто без разрешения гранильной фабрики на казенных землях добыл цветные камни, выплачивал штраф в размере 100 рублей в пользу фабрики; уличенный в этом преступлении повторно предавался суду (ст. 569).

Свод законов уголовных 1842 г. ввел новые составы преступлений «по частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири». Подлежали наказанию те, кто получил разрешение на производство золотого промысла, скрыв причины, препятствующие этому. Виновные судились как за подлог, у них отбирались свидетельства, а золотые прииски поступали в казну (ст. 561).

¹ См. об этом: Гордеенков Г. Разбор основных начал науки уголовного права. Харьков, 1832. С. 35; Спектор А. А., Туманов Э. В. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. М., 1986. С. 171.

За порчу знаков, определяющих территорию другого золотопромышленника, виновные подвергались лишению всех прав состояния и ссылке (ст. 652).

Свод устанавливал наказания за нарушения лесных уставов. В 1802 г. был принят Устав о лесах, который передавал в распоряжение лесного департамента (приравненного к государственным коллегиям) охрану всего казенного леса¹. С этой целью были учреждены должности лесных чиновников, которым вменялось в обязанности не допускать: самовольной порубки казенных строевых и корабельных лесов (ст. 581, 595); выжигания в лесах травы, кореньев, суков (ст. 590); производства и добычи смолы, дегтя, поташа, углей (ст. 606–609); выпаса скота на лесосеках, не предназначенных к вырубке (ст. 610). В качестве наказания для лесных чиновников предусматривались в основном дисциплинарные и административные взыскания. Наиболее строгими были наказания за порубку корабельных лесов. Виновные отдавались в солдаты, а в случае негодности к военной службе ссылались на поселение. Если же при порубке корабельных лесов лесной страже оказывалось вооруженное сопротивление, то преступление приравнивалось к государственному и виновные судились военным судом так же, как бунтующие крестьяне (ст. 595–596).

Свод законов уголовных 1842 г. расширил постановления о наказаниях за нарушение лесных уставов. Это были преимущественно штрафные санкции (ст. 672–675, 677, 681, 683, 685, 699–702). Например, увеличили степень ответственности лесных чиновников: если были учинены порубка и похищение казенного леса, то лесной чиновник присуждался к уплате за похищенный лес; если же лес был оставлен, то чиновник платил только половину суммы. В случае, когда лесной чиновник не мог уплатить нужную сумму, она перекладывалась на общество, избравшее его (ст. 687).

К наиболее тяжким преступлениям Свод относил подделку ассигнаций, кредитных бумаг и гербовой бумаги. Соответственно, суровым было и наказание. За подделку ассигнаций и кредитных государственных бумаг виновные приговаривались к лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу (ст. 637). Это же наказание и денежный штраф назначались за привоз фальшивых российских ассигнаций (ст. 639). Подделка гербовой бумаги приравнивалась по значимости к подделке российской монеты. За это преступление следовало наказание, которое определялось за подделку монеты: виновные лишались всех прав состояния, наказывались кнутом и ссылались на каторгу (ст. 640). Такому же тяжкому наказанию подлежали и те, кто совершал подлоги и обманы по займам из банка. Тот же, кто умышленно и с намерением совершал подлог, чтобы обмануть страховое

¹ См. об этом: *Кистяковский А.* Главнейшие моменты развития науки уголовного права. Оттиск из университетских известий. Б. и. 1876. С. 39; *Есинов В. В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 312; Развитие русского уголовного права в первой половине XIX века. М., 1894. С. 189.

общество, лишался права получения страховых денег. Подобным образом наказывали тех, кто умышленно поджигал застрахованное имущество (ст. 641–642).

Торгующих без узаконенных свидетельств Свод законов приговаривал к денежным штрафами, а в третий раз виновные наказывались как за лживый поступок. Купец, способствовавший торговле под своим именем по фальшивым документам, в третий раз лишался доброго имени (ст. 643–646).

Особыми составами преступлений являлись нарушения ремесленных постановлений. Производство золотых и серебряных изделий без специального разрешения наказывалось конфискацией золота, серебра и всех инструментов в доход казны. Кто же золотил медь и серебро с целью обмана и продавал за золото, подвергался наказанию плетьюми и ссылке на поселение. Потерпевшим убытки от такой покупки виновные должны были выплатить втрое за счет своего имения (ст. 647–652).

В том 15 Свода законов 1842 г. было включено значительное количество новых составов преступлений о нарушении ремесленных постановлений на основании устава промышленного. За тайный выпуск неклеименых изделий мастера, фабриканты и ювелиры приговаривались к опечатыванию мастерской или фабрики, а также конфискации всего имеющегося золота, серебра и инструментов. Им запрещалось впредь производить ремесло (ст. 751). Те, кто для своих изделий из золота и серебра переплавлял российскую монету, наказывались как фальшивомонетчики, то есть виновные подлежали лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу (ст. 754); то же касалось и производителей фальшивых казенных клейм (ст. 757).

Раздел восьмой «О наказаниях за преступления против прав семейственного состояния» устанавливал наказания за превышение прав родительской власти, непослушание и оскорбление детьми родителей, многобрачие, прелюбодеяние. Глава «О превышении прав родительской власти» предусматривала наказания за принуждение родителями своих детей к браку без их желания или к пострижению в монашество. Однако наказание по Своду законов за эти преступления было неопределенным. Принуждение к браку и насильственное пострижение в монашество рассматривалось духовными судами, а наказание за вступление в брак против воли родителей или насильном обвенчании определялось по приговорам светского суда (ст. 653–654).

Вторая глава закрепляла ответственность за непослушание и оскорбление детьми родителей. За упорное неповиновение родительской власти и развратное поведение родители могли отдавать детей в смиренный дом на определенный срок. За дерзость, буйство, бесчиние, побои, нанесенные детьми родителям, виновные лишались всех прав состояния, ссылались на поселение или отдавались в солдаты. Лица, подлежащие телесным наказаниям, наказывались плетьюми. Если же от родителей поступала просьба о прощении, то в отношении детей прекращались всякие действия (ст. 655–659).

Глава четвертая определяла ответственность за многобрачие. В случае, когда один из супругов христианской веры при живом супруге вступал в другой брак, он подлежал ведомству духовных правительств (ст. 661–662). Одним из условий брака было отсутствие степеней родства, по которым «в супружество вступать между собой запрещено». Родственники первой и второй ступени, вступившие между собой в брак, наказывались за кровосмешение лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение. Лица, не освобожденные по закону от телесных наказаний, подвергались наказанию плетью (ст. 666–668). Выделялись такие составы преступлений, как мужеложство, скотоложство, влекшие за собой лишение всех прав состояния, наказание плетью и ссылку на поселение. Если мужеложство сопровождалось насилием, то виновный подвергался лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу.

Раздел десятый Свода законов был посвящен преступлениям и проступкам против прав на имущество. На первое место среди имущественных преступлений Свод законов поставил похищение, совершенное с насилием, или разбой. Разбой – это преступление, направленное против имущества и личности, это «нападение... для похищения имущества, произведенное открытою силой и с явной опасностью для самого лица, насилием угрожаемого». Виновные приговаривались к лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу (ст. 679–680). Степень наказания увеличивалась, если разбой был совершен с поджогом и убийством, не в первый раз или учинен в церкви, а также если разбойное нападение совершено на почту. При условии, что у виновных в разбое оказывалось какое-либо имущество, из него надлежало «удовлетворить потерпевших разбой» (ст. 681–684).

Вторым видом преступлений против имущества были преступления «о зажигательстве». Свод законов относил эту группу преступлений к наиболее тяжким. За умышленное зажигательство виновный подвергался лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу. Сурово каралась и те, кто помогал «зажигателям», а также те, кто вовремя не донес о готовящемся преступлении. Похвальба на «зажигательство» каралась телесным наказанием при полиции. Виновный в неосторожном поджоге обязывался возместить убытки владельцу сгоревшей собственности (ст. 685–689).

Свод законов в своих статьях устанавливал, что «всякое похищение чужой собственности есть воровство». Воровство определялось трех видов: мошенничество, кража и грабеж. Кража – это тайное похищение чужих денег или движимого имущества, совершенное без насилия и угроз. Кражей также считалось укрытие, утаивание вещей, взятых на сохранение. Кражей объявлялась и найденная чужая вещь, о которой вовремя не объявлялось. Мошенничеством называлось похищение чужих денег, вещей, движимого имущества посредством обмана или вымысла. Сюда относились обмер, обвес, карманные кражи и другие обманы. Мошенничество и кража наказывались

в зависимости от цены краденого или от степени повторности преступлений¹. Дела о маловажной краже или мелком мошенничестве, в случае их учинения людьми нижнего состояния, подлежали ведомству полиции (ст. 695). Подсудимые дворянского или духовного звания и купцы первых двух гильдий, обвиняемые в воровстве-краже, воровстве-мошенничестве, без всякого различия в цене похищенного и степени наказывались лишением всех прав состояния, отдачей в военную службу; негодные отсылались на поселение (ст. 696–697). Жены и вдовы священнослужителей за кражу в размере менее 100 рублей подвергались штрафу, превышающему вдвое цену похищенного. Если имела место кража большей суммы, а также повторная кража, они ссылались в Сибирь на поселение без телесного наказания. Мещане и купцы третьей гильдии наказывались так же, как люди нижнего состояния, но во всех случаях сверх телесного наказания лишались доброго имени (ст. 699).

Свод законов 1842 г. на основании постановления от 21 мая 1836 г. закрепил наказание за присвоение и утаивание спасенного имущества от крушения либо гибели или найденного на берегу. Этот состав преступления расценивался как воровство (ст. 843).

Грабеж был отнесен Сводом законов к тягчайшим преступлениям. «Грабеж есть, когда кто... на кого-либо нападет... страшая действием: орудием, рукою...» (ст. 726). За грабеж виновный приговаривался к лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и каторжным работам (ст. 727). Близкими к мошенничеству составами были подлоги в имуществах. За составление подложных крепостей, заочное совершение актов от имени отсутствующих лиц без доверенности, совершение актов задним числом, за переправки и подчистки актов, подделку печатей и частных писем виновный подлежал лишению всех прав состояния, наказанию плетьюми и ссылке на поселение. Такое же наказание предписывалось для того, кто продавал уже проданное или чужое имение, либо покупал заведомо чужое краденое имущество или чужого крепостного человека (ст. 728–733).

Составление подложных векселей, утайка залога, составление фальшивых духовных завещаний наказывалось не менее сурово (ст. 735, 740–741). Помимо присвоения или использования чужой недвижимости, устанавливались наказания за подлог в издании чужих сочинений под своим именем (ст. 742). Тот, кто издавал чужое сочинение под своим именем, продавал свою рукопись или право на издание книги нескольким лицам без их ведома, помимо взысканий, наложенных судом, лишался всех прав состояния, наказывался плетьюми и ссылался на поселение.

Также Сводом законов была зафиксирована ответственность за запрещенные еще в XVIII в. азартные игры. За картежную и азартную игру виновный без различия званий и чинов подвергался уголовному суду «для строгого по

¹ См.: *Фойницкий И. Я.* Мошенничество по русскому уголовному праву. СПб., 1871. С. 157.

законам наказания». Розыгрыш вещей в лотерею без предъявления полиции квитанции о пошлине подлежал наказанию, установленному относительно запрещенной торговли.

Раздел одиннадцатый Свода законов устанавливал наказания за лживые поступки. К лживым поступкам закон относил лжеприсягу, ложное свидетельство, лживые доносы, лживые обыски, ябеду и подлоги при переносе дела на апелляцию. За лжеприсягу виновный приговаривался к лишению всех прав состояния, наказанию плетьюми и ссылке на поселение (ст. 751). Наказание за лживую присягу могло быть увеличено, если при этом другому был причинен «ущерб в имени» или он подвергался телесному наказанию (ст. 752). Под определение лживой присяги попадали действия свидетелей, учинивших ложное показание. *Свод законов 1842 г.* в примечании к ст. 870 установил, что за склонение свидетеля к лживым показаниям виновному следовало наказание в виде тяжкого денежного штрафа или телесного наказания, церковного покаяния, и он никогда больше не допускался в свидетели. Несправедливые показания при повальных обысках наказывались плетьюми; священнослужители отсылались к своему начальству; сверх этого виновные обязывались вознаградить убытки, причиненные обиженному. Если посланный для повального обыска сам «сочинял» и писал, чего люди не говорили, то он подлежал содержанию в течение шести месяцев под караулом; если виновный не был освобожден от телесного наказания, то наказывался плетьюми и отдачей в солдаты либо в работу; также с виновного взыскивались все убытки. За лживые доносы, то есть заведомо ложное обвинение невинного лица в противозаконном деянии, определялось то наказание, «какому бы подлежал обвиняемый, если бы учиненный на него донос оказался справедливым» (ст. 758). Донос не считался лживым и не наказывался, если обвиняемый оставался в подозрении или в разных судах были вынесены по делу обвинительные и оправдательные приговоры (ст. 759).

Свод законов закреплял ответственность за ябеды и подлоги при переносе дела на апелляцию. Ябедниками признавались истцы, которые затевали тяжбы напрасно, и ответчики, желающие вымыслами избежать справедливых исков (ст. 760). Чиновники, состоящие под надзором полиции, замеченные в сочинении «ябеднических просьб», в первый раз заключались в смирительном доме не более чем на 1 год; во второй раз – лишались чинов и дворянства и отдавались в военную службу, либо ссылались в Сибирь на поселение (ст. 761–763). Подлог при переносе дела на апелляцию наказывался так же, как и лживый поступок (ст. 764).

Свод законов уголовных, включенный в том 15 Свода имел много существенных недостатков. В результате переработки исчез целый ряд казуистических постановлений, но общих принципов взамен не появилось. Не было достигнуто действительного разграничения процессуальных и материальных норм, тесно переплетенных в старом праве. Процессуальный характер носили,

например, статьи раздела первого главы четвертой «О мере наказаний по мере вины»¹. Кроме этого, Свод законов уголовных был неполон (всего в издании 1832 г. было 765 статей уголовных и 829 статей судопроизводственных), так как в него не вошли не только маловажные полицейские и финансовые нарушения, но даже значительные специальные преступления, например, постановления о морском разбое, помещенные в томе 11 Свода законов 1832 г.

Что касается видов наказаний (лестницы наказаний), то они не были согласованы между собой; отсутствовала характеристика отдельных видов наказаний; в Своде встречались неопределенные санкции, например, «поступать по законам», «наказать по всей строгости законов», «наказать по мере вины», «судить как ослушника законов» и т. п., что вело к судебному произволу; небрежно, нечетко формулировались положения и Общей, и Особенной части².

При составлении Свода законов была сделана попытка отделить уголовно-правовые нормы от уголовно-процессуальных. В значительной мере это удалось. Вместе с тем осталось много статей, содержащих нормы судопроизводства. Статьи 109–111 устанавливали порядок оставления подсудимого «в подозрении» при недостатке «полных доказательств» по результатам повального обыска. В случае, когда оговоренный в соучастии воровства или разбоя заперся и был одобрен в повальном обыске, то, оставляя его в подозрении, Свод устанавливал отдать его на поруки по месту жительства одобрявшим его обыскным людям (ст. 110). Когда же подсудимый, не уличенный в совершении преступления, был «не одобрен повальным обыском», тогда «смотря по важности обвинения и по силе подозрения» его можно было или сослать на поселение, или отдать в военную службу, или поручить надзору полиции (ст. 111). *При издании Свода законов 1842 г.* «правила, коими судебные места при недостаточности доказательств... должны руководствоваться в назначении наказания, оставлении в подозрении, отдаче на поруки и определении очистительной присяги...» были изъяты из текста закона и подробно изложены в книге II законов уголовных (раздел четвертый, глава третья «О силе доказательств и улик»).

Недостатки тома 15 Свода законов раньше всех оценили составители. Сперанский М. М. при его обсуждении в Государственном совете, лично составляя журнал, специально отметил, что недостатки по вопросам уголовного права происходят из самих указов, его составляющих³. Это привело к тому,

¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. 15: Свод законов уголовных. СПб., 1832. Кн. 1. Ст. 102, 103, 105, 107–111, 501, 763 и др.

² См. об этом: Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. СПб., 1846. С. 38–44; *Алексеева Р. С.* Организация кодификационных работ в России в первой половине XIX в. // *Актуальные проблемы общественных, естественных и технических наук.* Пермь, 1983. С. 55.

³ См.: ОР РНБ, ф. 731, д. 1018, л. 1об.

что сразу же после издания Свода законов возникла необходимость в исправлении и дополнении всего Свода и в первую очередь Свода уголовных законов.

Таким образом, Свод законов уголовных 1832 г. (том 15 Свода законов Российской империи) впервые собрал воедино действующее в Российской империи уголовное законодательство. Эта тематическая консолидация уголовных законов (как составная часть консолидации всего законодательства империи в рамках Свода законов) представляет собой значительный шаг в становлении системы одной из важнейших отраслей права. Переход от бессистемности и противоречивости уголовного законодательства к четкой системе изложения уголовных законов следует рассматривать как важнейший этап и существенный прорыв в истории развития отечественного уголовного права.

* * *

Подводя итог периоду создания Свода законов уголовных в середине 1820 – начале 1830-х гг., необходимо выделить ряд положений, которые имели ключевое значение для юрисдикционной деятельности и последующего проведения кодификации уголовного законодательства Российской империи.

1. Создание Свода законов явилось составной частью программы М. М. Сперанского по упорядочению российского законодательства. В рамках данного плана была проведена хронологическая инкорпорация законодательного массива Российской империи, которая позволила подготовить исходную базу для консолидации действующих уголовных законов. Полное собрание законов Российской империи, объединив действующие узаконения, создало возможность использовать их для консолидации и впервые предоставило достаточно выверенный по форме и содержанию нормативный материал.

2. Свод законов уголовных, в котором было консолидировано действующее уголовное законодательство страны, явился составной частью (т. 15) Свода законов Российской империи – общего акта тематической инкорпорации действующих узаконений с их внутренней консолидацией в рамках составных частей свода (основных законов, уставов, сводов законодательных актов по отдельным вопросам). При этом впервые в истории России государственные учреждения и подданные получили в свое распоряжение акт систематизации законодательства, достаточно полно и согласованно отразивший действующее в России позитивное право.

3. Свод законов уголовных 1832 г. свел в единый акт узаконения уголовно-правового характера, выстроив их по системе, включающей своеобразные Общую и Особенные части. Впервые уголовное право было институционально выстроено как с точки зрения общих положений, так и конкретных составов преступных деяний. В Своде достаточно четко были определены элементы конкретных преступлений, что должно было значительно облегчить квалификацию преступлений как на уровне полицейского дознания и следствия,

так и при рассмотрении уголовных дел в суде. Это, в свою очередь, должно было способствовать развитию законности в стране.

4. Создание Свода законов уголовных стало прогрессивным импульсом для преподавания российского уголовного права в юридических учебных заведениях, а также для исследований в сфере отраслевого правоведения. Кроме изучения содержания уголовного законодательства, потребовались издания по его разъяснению, уяснению и оценке теоретических начал – все это способствовало развитию в стране науки уголовного права.

5. По мере внесения изменений в уголовное законодательство вносились изменения и в Свод законов уголовных путем издания Продолжений Свода законов. В 1842 г. Свод законов Российской империи (а в его составе и Свод законов уголовных) был переиздан. Свод законов уголовных 1832–1842 гг. изданий показал существенные пробелы в уголовном законодательстве страны и еще раз наглядно подчеркнул необходимость перехода к следующему этапу упорядочения российского законодательства – кодификации. В дальнейшем на основе Сводов законов уголовных было создано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Г × АДЕ ОДА ОЕЕ

**УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ
УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ:
КОДИФИКАЦИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
1839–1845 ГГ.**

3.1. Подготовка проекта

Уложения о наказаниях уголовных и исправительных

Кодификация уголовного законодательства и подготовка проекта первого русского уголовного кодекса начались после издания в 1830-х гг. Полного собрания и Свода законов Российской империи. Планы М. М. Сперанского по дальнейшему развитию российского законодательства предусматривали в качестве следующего уровня создание отраслевых кодексов. Первым шагом в этом направлении явилась кодификация уголовного законодательства – создание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Разработка проекта Уложения началась после издания акта официальной инкорпорации действовавшего в России уголовного законодательства, затем Уложение вошло в том 15 Свода законов Российской империи издания 1832 г.¹

После выхода в свет Свода законов было принято решение о его ревизии для выяснения пропусков, противоречий и неясностей. Инициатором одновременной переработки уголовного законодательства выступил Сперанский,

¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. 15: Свод законов уголовных. СПб., 1833.

который еще в начале XIX в. ратовал за кодификацию русского законодательства. После завершения в 1832–1833 гг. издания Свода законов они с министром юстиции Д. В. Дашковым представили Николаю I докладную записку, в которой предложили провести исправление всех законов «систематическое» – кодифицировать отрасли права. Император распорядился «начать с исправления законов уголовных, коих недостатки в особенности ощутительны»¹.

Сначала работы были разделены между двумя учреждениями: Вторым отделением и Министерством юстиции. Первое занималось составлением сравнительного изложения разных систем и законов уголовных, второе – «приведением в систематический порядок материалов, собранных через практические наблюдения в производстве дел, и составлением свода сих на основании сделанных на законы уголовные замечаний»².

Второе отделение ведало усовершенствованием и систематизацией законодательства, и его внимание к уголовному праву было вполне естественным. Привлечение же к этой деятельности Министерства юстиции было связано с тем, что Департаментом законов Государственного совета в феврале 1833 г. были утверждены правила проверки Свода законов, по которым Министерство юстиции через канцелярии и обер-прокуроров Сената, а также губернских прокуроров должно было организовать выявление противоречий, неясностей или пропусков, «требующих изъяснения». По мере поступления данных для рассмотрения замечаний 1 февраля 1834 г. был учрежден Комитет для проверки Свода гражданских и уголовных законов, состоявший из членов Сената В. И. Болгарского, Н. А. Челищева, И. Ф. Журавлева, обер-прокурора первого департамента Сената И. А. Лобанова-Ростовского, директора департамента Министерства юстиции П. И. Дегая, статс-секретаря В. Н. Панина и «еще нескольких членов из опытных законоведов» под председательством министра юстиции Д. В. Дашкова. Министр юстиции мог привлекать тех чиновников, «коих он найдет в необходимости временно употребить на сие дело, избирая из людей опытных». В записке о деятельности Комитета (18 мая 1839 г.) Дашков докладывал Николаю I, что до 1837 г. поступило и рассмотрено 570 замечаний и с «постепенным исправлением замеченных в редакции Свода законов неверностей и пропусков... занятия комитета значительно уменьшились...». Для получения вящей пользы от трудов небольшой канцелярии при оном образовании я еще в 1837 г. условился с покойным графом Сперанским, чтобы некоторым из чиновников, употребленных по делам комитета, было поручено приготовление материалов для сочинения предположенного

¹ Краткое обозрение... С. 45–46.

² См. об этом: *Майков П. М.* Второе отделение с.е.и.в. канцелярии 1826–1882. СПб., 1906. С. 226; *Поленов Д. В.* Краткий очерк деятельности Второго отделения с.е.и.в. канцелярии. СПб., 1876. С. 154.

нового уголовного уложения. Сия работа дала уже им достаточный навык в нашем уголовном законоведении...», – писал он¹.

В феврале 1839 г. Д. В. Дашков, руководивший после смерти Сперанского Вторым отделением, возглавил систематизацию законодательства и решил объединить во Втором отделении все работы по усовершенствованию уголовных законов. Он внес предложения Николаю I о дальнейшей организации подготовки Уложения о наказаниях: «Признавая нужным сосредоточить в нем (Втором отделении. – *Авт.*) все занятия, касающиеся уголовного уложения... передать ко мне все производство канцелярии комитета, упразднив оный, и откомандировать... двух или трех чиновников из числа занимавшихся прежде по сей части, не увольняя их из ведомства Министерства юстиции ...»².

Новый министр юстиции Д. Н. Блудов согласился «...с тем, чтобы с сентября сего времени рассмотрение всех донесений от подведомственных Министерству юстиции мест касательно негласной проверки Свода входило в исключительную обязанность Второго отделения, равно как и рассмотрение всех замечаний, относящихся к исправлению уголовных законов». 18 мая 1839 г. последовало повеление Николая I: «1) Комитет, учрежденный 1 февраля 1834 г. при Министерстве юстиции для негласной проверки Свода законов, закрыть... 2) Занятия и дела Комитета передать во Второе отделение... равно и все работы, оконченные или начатые по исправлению Уголовного уложения, с тем чтобы впредь были также передаваемы в оное (Второе отделение. – *Авт.*) все донесения и бумаги, поступающие в Министерство юстиции от подведомственных мест и лиц...». С этого момента «бумаги комитета» поступили во Второе отделение и работы продолжались под руководством Д. В. Дашкова³.

Вступив в должность руководителя Второго отделения, Дашков направил Николаю I два «предположения», которые получили «высочайшее» утверждение: 1) «О порядке... начертания проектов новых Уложений о наказаниях... для империи... и для Царства Польского»; 2) «О порядке рассмотрения... проектов прежде внесения оных в Государственный совет и во время самого их составления». Первое «предположение» ставило вопрос об объединении действий по разработке уголовного кодекса и изданию единого закона для всей империи, теоретическому его обоснованию, составлению или изменению старых и введению новых норм, подготовке документа, который «может служить... важным пособием при окончательных суждениях о проектах...». Второе предусматривало создание особого комитета, координирующего ход работ над уголовным кодексом. «Комитет должен был... заняться рассмотрением плана проекта Уложения о наказаниях, сличая его с разделением других

¹ См.: РГИА, ф. 1148, оп. 1, д. 17, л. 89–101, ф. 1261, оп. 1; 1833, д. 41, л. 1–43.

² Там же.

³ Там же.

(иностраннх. – *Авт.*) кодексов и наблюдая, чтобы в нем было допускаемо сколь можно меньше отступлений от... порядка, который принят в 15 томе Свода законов (уголовнх. – *Авт.*) империи», а также определить точное содержание статей закона («к... означению в возможной постепенности как преступлений и проступков, так и соответствующих им наказаний»). Дальнейшая работа над Уложением о наказаниях была организована на указанных началах. Вскоре Дашков умер (1839 г.), и на его место был назначен Д. Н. Блудов¹.

С передачей работ по подготовке Уложения о наказаниях из Министерства юстиции во Второе отделение работа по составлению кодекса активизировалась. В составе Второго отделения было образовано новое подразделение – редакция Уголовного уложения, для размещения которой был приобретен бывший библейский дом. Возглавлял ее надворный советник барон О. Ф. Раден; в состав редакции вошли коллежский асессор И. Д. Делянов, титулярные советники князь А. М. Васильчиков, графы П. П. Шувалов и А. К. Толстой, а также губернский секретарь И. А. Рибопьер и коллежский секретарь В. Н. Карамзин. Для работы по составлению кодекса из Министерства юстиции были прикомандированы тайный советник П. И. Дегай, а «для составления уложения» чиновники В. Я. Можневский и В. В. Ленц. К подготовке кодекса привлекались и другие чиновники отделения. Редакция Уголовного уложения существовала до 1846 г. Деятельность редакции контролировал лично император. Еженедельно руководство отделения представляло ему доклады о ходе работ. В начале 1841 г. Николай I рассмотрел и одобрил подробный план Уголовного уложения Российской империи. Он постоянно проявлял интерес к тем или иным положениям готовящегося закона, направляя и торопя его подготовку².

Руководство Второго отделения и его редакция Уголовного уложения были основными, но не единственными органами, занимавшимися кодификацией уголовного законодательства. Для координации деятельности и «успеха рассмотрения проектов новых уголовных уложений по мере составления оных» в 1839 г. Николаем I был образован Особый комитет под председательством Д. Н. Блудова, в состав которого вошли управляющий Вторым отделением М. А. Балугьянский, старший чиновник того же отделения И. Х. Капгер, прикомандированный к отделению из Министерства юстиции тайный советник П. И. Дегай, министр юстиции В. Н. Панин, директор и вице-директор Министерства юстиции Б. К. Данзас и М. Я. Рюмин, а также министр и член кодификационной комиссии Царства Польского Р. М. Губе. На заседания Комитета «для основательного суждения о некоторых частях проекта»

¹ См.: Краткое обозрение... С. 47–52.

² См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1839, д. 29, л. 1, 98; 1840, д. 25, л. 23–25; 1841, д. 2а, д. 40, л. 16, 38; 1843, д. 11, оп. 4, д. 4, л. 99, 290–299.

приглашались также «люди, кои по званию своему или... по практическим... частям... могли сами сведениями или советами своими содействовать успеху дела». Комитетом контролировался ход работ, был одобрен проект плана Уложения, затем подвергнуты постатейному разбору весь проект, а также окончательная редакция кодекса накануне представления Николаю I¹.

Состав и деятельность комитета соответствовали установившейся при Николае I практике предварительного обсуждения наиболее важных правительственных мероприятий в специальных временных совещательных учреждениях. С этой целью Особый комитет 1839 г. выступил в качестве координационного учреждения по разработке уголовного кодекса. С завершением подготовки проекта уголовного закона и обсуждением его окончательной редакции Комитет прекратил свое существование.

В ходе подготовки проекта Уложения Второе отделение, редакция Уголовного уложения и Особый комитет сотрудничали с Синодом, Государственной коллегией иностранных дел, министерствами внутренних дел, финансов, императорского двора, государственных имуществ и народного просвещения, почтовым департаментом и ведомством путей сообщения. Министры и главноначальствующие выступали в качестве консультантов-кодификаторов, предоставляли необходимые сведения, ведомственные инструкции, давали указания и т. п. Предложения министерств и ведомств рассматривались на заседаниях Особого комитета и либо составляли основу вносимых в проект изменений, либо отклонялись. Вторым отделением, Особым комитетом по подготовке уголовного кодекса работа проводилась во взаимодействии с образованной в 1842 г. кодификационной комиссией Царства Польского².

Разработку кодекса редакция Уголовного уложения начала с того, что собрала и систематизировала правовые акты, имеющие отношение к разрабатываемому закону. Сначала было изучено российское законодательство, начиная с Соборного уложения 1649 г. до законов, изданных в 1842–1843 гг. Чиновниками редакции анализировались те или иные обстоятельства принятия актов, выявлялись пробелы, проводились консультации с министерствами и ведомствами, имеющими отношение к применению уголовного и административно-полицейского законодательства. На основании изучения истории развития русского уголовного права, действовавшего законодательства, а также через посредство его теоретической оценки было подготовлено «Историческое обозрение уголовного законодательства». Особое внимание уделили обработке замечаний юристов-практиков. Из них было сделано «систематическое извлечение», данные которого использовали в процессе кодификации. На основании отчетов Министерства юстиции и при активном

¹ См. об этом: РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 3, л. 355; Краткое обозрение... С. 57–59.

² Там же.

его содействии было подготовлено «Обозрение уголовной статистики» за 1834–1840 гг.¹

Для работы редакции были созданы достаточно хорошие условия. Ее чиновники имели возможность использовать все имеющиеся в распоряжении отделения законодательные акты, исторические обзоры, реестры и т. п. Отделение располагало лучшей в России юридической библиотекой, основу которой составила библиотека А. Н. Радищева, приобретенная в 1802 г. Комиссией составления законов. Библиотека постепенно пополнялась; сюда же после смерти Сперанского поступила и его библиотека из 4 064 томов, в числе которых было 728 юридических изданий. Отделение располагало собранием зарубежного законодательства. Для этого дипломатическими миссиями России закупались и направлялись во Второе отделение через коллегия иностранных дел законы различных стран, а также собиралась информация об изменении законов. Для нужд чиновников редакции акты иностранного законодательства и политико-правовые сочинения переводились на русский язык (например, книги француза И. Д. Мейера²).

В ходе подготовки проекта Уложения было изучено 15 действующих зарубежных уголовных уложений: шведское (1734), прусское (1798), австрийское (1803), французское (1810), баварское (1813), неаполитанское (1819), греческое (1833), саксонское (1838), вюртембергское (1839), сардинское (1839), брауншвейгское (1840), ганноверское (1840), гессен-дармштадтское (1841), Ионических островов (1841), а также уголовные законы Англии и проекты прусского (1830), баварского (1831), баденского (1839), шведского (1832) уголовных кодексов. Чиновниками редакции Уголовного уложения Второго отделения были составлены «сравнительное обозрение... уголовных законов иностранных европейских держав», а также таблицы наказаний по ним. Постепенно вырисовывалось общее представление о будущем законе³.

К концу 1840 г. были обобщены имеющиеся материалы, и редакция подготовила «Подробный план проекта Уголовного уложения Российской империи». В его основу была положена структура Свода законов уголовных, при этом учитывалась необходимость сведения в единый акт норм о дисциплинарной и полицейско-административной ответственности из других отраслей права. План представлял собой подробную структуру и определил основные направления детализации норм будущего Уголовного кодекса, включающего в себя две части (Общую и Особенную) из 13 разделов, которые в свою очередь делились на главы, отделения и параграфы.

¹ См.: Краткое обозрение... С. 53–56.

² См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1832, д. 33, л. 1–5; 1840, д. 15а; 1841, д. 30а; 1848, д. 15, л. 1–54, д. 39, оп. 4, д. 3, л. 54, оп. 10, д. 4, л. 69, 80–100, 115–161, 271–304, 306–469.

³ См. об этом: Краткое обозрение... С. 55–57; РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1842, д. 25, оп. 10, д. 334.

В Общей части формулировались общие положения о преступлениях и проступках, наказаниях за их совершение: нормы о понятии преступления и проступка, формах умысла, стадиях совершения и соучастниках преступлений; определение родов, видов и степеней наказания, порядок их применения и правовые последствия. Специальные главы Общей части должны были содержать сведения о порядке применения норм Особенной части кодекса, об определении наказания в зависимости от умысла, о соучастии, стадиях совершения преступления и обстоятельствах, увеличивающих или уменьшающих вину и наказание. Ряд пунктов определял пределы действия кодекса в отношении российских подданных, иностранцев и его действие за пределами Российской империи.

Детализировалось будущее содержание и Особенной части проекта, в 12 разделах которой были описаны родовые и видовые признаки преступлений и проступков-преступлений против веры, государства, правительства, чиновников по службе; нарушений постановления о повинностях, общественном благоустройстве; преступлений и проступков-преступлений против «жизни, здоровья, чести и свободы честных людей», законов о состояниях, прав собственности и др. План устанавливал основные виды тех или иных групп правонарушений. Он был изучен Особым комитетом по рассмотрению проекта Уложения. 2 января 1841 г. «Подробный проект Уголовного уложения Российской империи» получил высочайшее одобрение Николая I¹. Дальнейшие работы по подготовке данного проекта Уложения проводились на основе указанного плана чиновниками редакции Уголовного уложения. Подготовленные разделы редактировались Блудовым, а затем рассматривались особым комитетом. Работа продолжалась до середины 1843 г.²

27 мая 1843 г. Д. Н. Блудов представил императору «бумаги, относящиеся к составлению проектов Уложения о наказаниях уголовных и исправительных для империи и царства (Польского. – *Авт.*)». Николай I распорядился завершить работы в ноябре 1843 г. Докладывая о готовности проекта, Д. Н. Блудов одновременно предложил для рассмотрения в Государственном совете отпечатать в типографии Второго отделения «Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных для империи с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений и следующими к оному приложениями: таблицей указаний на статьи нового проекта, коим соответствуют постановления книги I тома 15 общего Свода законов; общей, но довольно подробной таблицей преступлений и наказаний, по новому проекту за оные определяемых; алфавитным указателем предметов, вошедших в проект нового Уложения, и объяснительной для Государственного совета о ходе

¹ См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1841, д. 2а, л. 1–17; 1830, д. 16, л. 1–2, 17; 1839, д. 29, л. 8–99; 1843, д. 152, л. 1, д. 156, л. 1–5.

² Там же.

работ по составлению проекта и принятых для того началах записку». 11 ноября 1843 г. император «соизволил одобрить... предложение»¹.

К концу 1843 г. подготовка проекта Уложения о наказаниях была завершена. С ноября 1843 г. началось издание материалов для Государственного совета². Блудов отдал распоряжение управляющему Вторым отделением М. А. Балугьянскому «предписать типографии... начать и продолжить без замедления печать проекта и приложений». Организация издания подготовительных документов была возложена на комитет для надзора за печатанием полного собрания законов (председатель М. Л. Яковлев) и директора типографии И. И. Граффе³.

В начале апреля 1844 г. печать проекта Уложения была завершена, и 6 апреля 1844 г. Д. Н. Блудов направил законопроект государственному секретарю. В апреле – мае завершилось издание остальных подготовительных документов. Было издано 185 комплектов, в том числе 55 «в особом переплете для членов Государственного совета». По предложению председателя Государственного совета И. В. Васильчикова до конца июня 1844 г. по одному экземпляру было разослано всем членам совета, «дабы... (они. – *Авт.*) могли заблаговременно ознакомиться со всеми подробностями столь важного и многосложного предмета»⁴.

В соответствии с законодательной процедурой в дореформенной России важнейшие законопроекты предварительно обсуждались на заседаниях департаментов Государственного совета, в комитете министров или особых комитетах. Уголовный кодекс затрагивал интересы всей политико-правовой системы страны и требовал детального изучения нового уголовного закона, согласования и учета мнений представителей различных министерств и ведомств, высшей бюрократии. Было решено заслушать вопрос о содержании проекта уголовного кодекса не на заседании департамента законов Государственного совета, а на общем собрании департаментов совета. Для предварительного рассмотрения законопроекта было решено образовать при Государственном совете специальную комиссию⁵.

30 марта 1844 г. Николай I распорядился передать материалы по разработке Уложения в Государственный совет, в составе которого «по высочайшему

¹ РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1841, д. 2а, л. 1–17; 1830, д. 16, л. 1–2, 17; 1839, д. 29, л. 8–99; 1843, д. 152, л. 1, д. 156, л. 1–5.

² См. об этом: Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1844; Общая объяснительная записка к Проекту нового уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844.

³ См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1843, д. 157, л. 1. 8–10, 29–38, 33–53; 1845, д. 45а, л. 1–10.

⁴ Там же.

⁵ См.: Краткое обозрение... С. 133–137.

повелению» учреждалась специальная комиссия для рассмотрения проектов нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Ее председателем был назначен генерал-адъютант В. В. Левашов (председатель департамента государственной экономии); членами – председатель и два члена департамента законов – действительный статский советник граф Д. Н. Блудов, тайные советники Д. В. Кочубей и М. А. Корф; председатель и член департамента гражданских и духовных дел генерал-адъютант принц П. Г. Ольденбургский, тайный советник Д. П. Бутурлин (директор Имперской публичной библиотеки), члены департамента дел Царства Польского – действительный тайный советник князь К. Ф. Друцкий-Любецкий и тайный советник И. Л. Туркуль (министр и статс-секретарь Царства Польского), а также министр юстиции тайный советник граф В. Н. Панин¹. Комиссией было проведено около 60 заседаний, в ходе которых были зачитаны статьи проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, а также проекта положений об осужденных в каторжные работы, об исправительных и арестантских ротах, разработанного Вторым отделением для приведения полицейско-тюремной системы в соответствие с уголовным кодексом. Все поступающие из правительственных учреждений и от членов Государственного совета поправки и дополнения обобщались и рассматривались комиссией.

В ходе обсуждения в проект Уложения было внесено 825 редакционных, дополняющих и изменяющих отдельные формулировки положений. Комиссия «по обозрению представленного ей труда одобрила вполне все принятые при начертании Уложения общие начала, обратив... особенное внимание на два вопроса, по сущности своей и важности почти принадлежащие к сим началам, о смертной казни и о временной ссылке в Сибирь и другие отдаленные губернии с потерю всех особенных лично и по состоянию присвоенных осужденному прав и преимуществ». По первому из вопросов было решено «рассматривать смертную казнь за отцеубийство», а также (согласно взятому за основу Манифесту Николая I от 21 апреля 1826 г.) «если... целью оногo (преступления. – *Авт.*) было нарушение общественного существования, спокойствия государственного, безопасности престола и святости величества». По второму вопросу, признав, «что установление ссылки как средней степени между поселением и временным заключением было бы полезно для прочнейшей ответственности между лестницею преступлений», комиссия не согласилась с введением в «лестницу наказаний» удаления (ссылки) в сибирские губернии на время. Это, по мнению членов комиссии, «представило бы на практике многие неудобства и особенно при возвращении на родину и к семействам таких лиц, которые запятнали себя преступлениями... важными, что за ними следовало лишение всех прав и преимущества прежнего состояния виновных. Сие возвращение было бы сопряжено с некоторыми нарушениями

¹ См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 157, л. 28; 1848, д. 68а, л. 315–328.

если не безопасности общественной, то, по крайней мере, общественных приличий». Комиссия решила «ссылку временную заменить обращением на всегдашнее житье в Сибири и других отдаленных губерниях, впрочем, также с лишением всех особенных прав и преимуществ». Расширив таким образом область применения в качестве наказания сибирской ссылки, комиссия решила и здесь реализовать принцип дифференциации системы наказаний: «...дабы и в сем виде наказания установить разные степени и меру, по возможности соответствующую важности и степени вины, она (комиссия. – *Авт.*) положила... приговариваемых к ссылке сего рода водворять, смотря по мере вины каждого, в местах более и менее отдаленных, с воспрещением оставлять сии места в течение определенного времени даже для переезда из одной сибирской губернии в другую, также сибирскую, но ближайшую к центру государства, а иногда и с временным в том месте заключением в тюрьме»¹.

В ходе рассмотрения законопроекта комиссией было внесено 85 редакционных изменений и дополнений в Общую часть (1 раздел) Уложения. Так, в понятие преступления в качестве самостоятельного объекта было введено покушение на «безопасность общества» (ст. 1). «Преступления и проступки суть умышленные или неумышленные» (ст. 5) стали иметь две степени умысла: 1) «вследствие... заранее обдуманного намерения» и 2) «по внезапному побуждению без предумышления» (ст. 6). Определялось понятие оконченного преступления (ст. 13), изменены виды и меры телесных наказаний в связи с отменой кнута (ст. 20–22, 26), детализирована степень потери правоспособности при лишении прав состояния (ст. 25, 26), запрещено наложение клейм мужчинам старше 70 лет (ст. 28), детализированы карательные элементы ссылки в Сибирь на житие (жительство) и система надзора за такими лицами (ст. 34–36), порядок объявления выговоров в присутствии суда (ст. 43), денежных взысканий и удовлетворения исков (ст. 44, 45), правовые последствия применения наказания (ст. 46, 47, 49–54, 56, 57, 59–61, 65, 70, 78–82, 90, 92, 94–97, 200). Ряд дополнений был внесен в статьи, касающиеся определения отягчающих и смягчающих обстоятельств, рецидива и т. п., а также уточнен порядок производства дел при смерти осужденного, истечении срока давности, амнистии (гл. 3 разд. 1). При определении пределов действия уголовного закона из юрисдикции к нормам Уложения о наказаниях уголовных и исправительных были изъяты «дела, подлежащие по законам церковным или по особым военным постановлениям» (ст. 172), были произведены и другие уточнения.

В целом в Особенную часть проекта было внесено 750 изменений и редакционных поправок. При редактировании составов преступлений против веры исключен признак «совершенного изобличения» или «изобличения» виновного в совершении деяния, значительно уточнено понятие «богохуление»,

¹ Краткое обозрение... С. 133–137.

введена ответственность за оскорбление святыми без всякого умысла, уточнены или усилены наказания за некоторые составы преступлений против вероисповедания (разд. 2). Ряд дополнений коснулся статей, определяющих наказания за преступления против порядка управления, по службе и др. (разд. 3–12), а также приложения к проекту Уложения.

109 дополнений и изменений были предложены по вопросам компетенции вверенных учреждений начальником Главного штаба его императорского величества, министрами внутренних дел и финансов, главноуправляющим почтовым департаментом и департаментом путей сообщения. 106 из них комиссией были приняты. 7 редакционных поправок относились к «Положению об осужденных в каторжные работы» (его название предлагалось изменить на «Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы»), 44 – к «Проекту Положения об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства». В «Проект дополнительных правил к Уставу о содержащихся под стражею» было предложено внести 10 изменений «об осужденных к заключению в рабочем доме» и 4 – «об осужденных к содержанию в тюрьмах»¹.

Таким образом, комиссией Государственного совета было предложено внести 999 дополнений и изменений в проект Уложения и связанные с ним акты по преобразованию карательной системы. В феврале 1845 г. комиссия завершила свою работу, изложив результаты в докладе «Предлагаемые по замечаниям особой комиссии изменения в проекте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». В феврале – марте типографией Второго отделения доклад был отпечатан и разослан членам Государственного совета. 22 апреля 1845 г. комиссия утвердила окончательную редакцию Уложения о наказаниях и передала ее на рассмотрение департаментов Государственного совета².

В мае – июне 1845 г. на общих собраниях департаментов Государственного совета была заслушана предложенная комиссией редакция уголовного кодекса. «Общее собрание... сделало также некоторые в иных постановлениях оно (Уложения. – *Авт.*) изменения и дополнения, но, одобрив с тем вместе все главные его основания, а равно и введенные уж в сей кодекс по заключениям комиссии перемены». По результатам обсуждения законопроекта в Государственном совете 12 статей проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было отменено, 37 заменено приложениями к отдельным статьям, 34 отнесено к Уставу уголовного судопроизводства и 13 – к другим отраслям права. Некоторые статьи были разделены на несколько. Затем законопроект был переписан и направлен в Царское Село на рассмотрение императора.

¹ Предполагаемые по замечаниям особой комиссии изменения в проекте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 1–194.

² См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1843, д. 157, л. 67–74.

Указом от 15 августа 1845 г. Николай I объявил об утверждении Уложения. На титульном листе кодекса была наложена его резолюция: «Быть по сему»¹. Этому указу отводилась важная роль в идеологической и политической жизни не только самой страны, но и за ее пределами. Николай I решил продемонстрировать «новую заботу» о подданных: «С самого вступления... на престол одним из главных предметов желаний и попечений наших было приведение в строгий порядок и ясность всех законов... империи и тех в особенности, коими ограждаются безопасность и права любезных наших верных подданных. Мы признали за благо приступить к пересмотру... законов уголовных, коих правосудное неослабное исполнение есть одно из вернейших ручательств благоустройства общественного и спокойствия частных лиц». Далее император подчеркнул, что разработка кодекса проводилась по утвержденному им плану, дал положительную оценку деятельности Второго отделения по разработке проекта, а также изложил основные принципы построения кодекса: «...чтобы в... проект составленных сообразно с системою и разделением общего Свода законов империи были без малейшего... отступления от основных начал отечественного законодательства внесены все нужные, по состоянию гражданского в России общества и нравов, дополнения к существующим узаконениям; чтобы все, как важнейшие, так и менее важные, преступления и проступки были в оном определены с большею, удовлетворительнейшею против прежнего точностью и не только означены разные их степени, но и обстоятельства». Далее Николай I предписывал: «1. Уложение привести в полную силу и действие с мая 1846 года. 2. Постановление оного заменить с означенного времени действием как постановлений книги первой тома 15 общего Свода законов империи, так все помещенные в других томах сего Свода статьи, коими определяются какие-либо наказания или взыскания, когда оные не согласны с определенными в новом Уложении за те ж преступления и проступки... 3. Статьи книги первой тома 15 Свода законов, относящиеся к правилам судопроизводства по делам о преступлениях и проступках, переместить, по принадлежности, во 2-ю книгу сего тома, дополнив и изменив как сии, так и некоторые другие статьи сей 2-й книги, для точнейшего оных соглашения с постановлениями нового Уложения...»².

Сразу же после утверждения Николаем I Уложения о наказаниях уголовных и исправительных начались работы по опубликованию кодекса. Текст уголовного закона объемом 41 печатный лист было решено издать двух видов – большого (8 экз.) и малого (1,1 тыс. экз.) форматов. Большой формат совпадал по размеру со Сводом законов Российской империи, малый

¹ См.: Краткое обозрение... С. 136.

² См. об этом: Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы. Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства. Дополнительные правила к Уставу о содержащихся под стражей. СПб., 1845; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845; С. 2–3.

составлял 1/2 большого формата. По распоряжению Д. Н. Блудова сохранили верстку проекта, которую, после внесения изменений и дополнений, предполагалось использовать для печати текста Уложения о наказаниях. Для производства работ в типографию дополнительно было нанято 18 человек. Изданием кодекса в течение нескольких месяцев занимался 81 рабочий типографии (12 словолитцев, 25 наборных учеников и 44 служащих инвалидной команды). Для напечатания закона было закуплено 768 стоп бумаги на сумму 3,7 тыс. руб. В начале октября 1845 г. печать текста Уложения была завершена, и 10 октября 1845 г. установлена цена издания: большой формат – 1 руб. 50 коп. серебром и малый – 1 руб. серебром.

19 января 1846 г. Николай I распорядился уменьшить цену до 80 и 30 коп. соответственно¹.

Издания Уложения довольно быстро раскупались, и к началу 1846 г. в наличии осталось 1 тыс. экземпляров. Блудов предложил до разбора типографского набора отпечатать еще 3 тыс. экземпляров текста закона. Николай I санкционировал это предложение в январе, и свет увидело дополнительное издание закона, выполненное в большом формате. Кодекс был разослан во все государственные учреждения, приобретен частными лицами и иностранными миссиями и консульствами в России. К середине 1846 г. Уложение было переведено чиновниками Дюгемелем, Мерцем и Бреверном на французский и немецкий языки и после издания типографией Второго отделения разослано русским европейским дипломатическим представительствам и зарубежным книготорговцам².

Самодержавие было не прочь получить идеологические и политические дивиденды и от издания подготовительных документов. По предложению Блудова, утвержденному Николаем I, с 11 мая 1846 г. и до конца июля типография Второго отделения издала 1,2 тыс. экземпляров «Краткого обозрения хода работ и предложений по составлению нового кодекса законов о наказаниях», в котором были довольно подробно освещены разработка Уложения, его «основные начала» и ход его рассмотрения в Государственном совете. С 8 июля 1846 г. издания поступили в «вольную продажу» по цене 40 коп. за экземпляр. В августе 1846 г. «Краткое обозрение» было опубликовано на немецком языке³. В качестве частного издания (типография К. Крайя) увидела свет и работа П. Дегай, посвященная анализу зарубежного уголовного законодательства⁴.

¹ См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1845, д. 45а, л. 1–104; 1846, д. 79, л. 1–17, оп. 4, д. 6, л. 320–321; д. 7, л. 1; 1845, д. 125а, л. 846; д. 110а, л. 1–5.

² Там же.

³ См.: РГИА, ф. 1261, оп. 1; 1845, д. 45а, л. 1–104; 1846, д. 79, л. 1–17, оп. 4, д. 6, л. 320–321; д. 7, л. 1; 1845, д. 125а, л. 846, д. 110а, л. 1–5.

⁴ См.: *Дегай П.* Взгляд на современное положение уголовного законодательства в Европе. СПб., 1844.

Одновременно с Уложением специальным императорским указом от 15 августа 1845 г. были утверждены рассмотренные Государственным советом три закона о приведении карательной системы в соответствие с Уложением: 1) «Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы»; 2) «Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства»; 3) «Дополнительные правила к Уставу о содержащихся под стражей». Эти акты были опубликованы одновременно с текстом Уложения о наказаниях одним изданием¹.

Кроме отдельной публикации, Уложение вошло в Полное собрание законов Российской империи. В связи с его выходом особым Продолжением были внесены дополнения в Свод законов Российской империи 1842 г., а при переиздании свода законов в 1857 г. дополнили все тома свода. Принятые в связи с опубликованием Уложения о наказаниях акты также были включены в официальные издания законодательства дореформенной России.

Представляет особый интерес анализ законодательной базы, на которой был основан новый Проект о наказаниях уголовных и исправительных. При создании Проекта было использовано более 70 законодательных актов². Составители преследовали цель устранения недостатков действовавшего уголовного законодательства: неполноты постановлений, несоразмерности в наказаниях, неясности и неопределенности многих постановлений, дававших произвол судам.

Статьи Проекта были переработаны с учетом статей свода законов уголовных, Уставов (о службе по определению от правительства, о податях, о содержащихся под стражей, рекрутского, торгового, о пошлинах, строительного, о хозяйственном управлении казенных населенных имений, пожарного, о цензуре, путей сообщения, о паспортах и беглых, о земских повинностях, лесного, о народном продовольствии, монетного, горного, о соли, таможенного, о питейном сборе и акцизе, об акцизе на табак, экспедиции Государственных кредитных билетов от 1 июня 1843 г., врачебного, о службе по выборам, духовных православных консисторий, о карантинах, Евангелическо-Лютеранской церкви, о ссыльных, Сводов (военных постановлений, законов о состояниях, законов гражданских), других законодательных актов (Общего губернского учреждения, учреждения Кавказской области, Учреждения Сената, Высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 18 октября 1842 г., Высочайшего повеления от 24 декабря 1843 г., мнений Государственного совета от 11 декабря 1839 г., 26 апреля и 3 июля 1843 г., 21 февраля 1844 г., 24 января 1844 г., Постановления

¹ См.: РГИА, ф. 1261, оп. 4, д. 6, л. 320–321; д. 7, л. 1–2.

² См.: Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 г. в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей Проект постановлений. СПб., 1871.

о благоустройстве в казенных селениях, Постановления о колониях иностранцев в империи, Положения о больнице чернорабочих в Москве от 7 июля 1843 г., Высочайше утвержденное положение 1 июля 1834 г., о домашних наставниках и учителях, указа Правительствующего сената от 27 августа 1834 г., инструкции смотрителям судоходства, Постановления о городском и сельском хозяйстве, Постановлений ремесленных, Учреждения и уставов кредитных установлений, инструкции комитета для надзора за бракованием товаров, Положения об экспедиции Государственных кредитных билетов от 1 июня 1843 г., Проекта о нарушении правил по приисканию цветных драгоценных камней, составленном в кабинете его императорского величества, Постановления о промышленности фабричной и заводской, Откупных условий для войска Донского от 4 августа 1842 г., Циркуляра Департамента мануфактур и внутренней торговли от 18 февраля 1843 г., Положения комитета министров от 1 июня 1843 г., указа Правительствующего Сената от 4 октября 1841 г., Высочайше утвержденных заключений Военного совета от 14 января и 14 ноября 1843 г., указов от 21 января 1843 г. и 23 февраля 1844 г., Высочайшего положения от 25 мая 1819 г., Учреждения властей и мест городских и местных, закона о союзе брачном в царстве Польском, изданного в 1836 г., законов межевых.

Свод законов уголовных составил 17,3 % (374 статьи) от общего числа статей Проекта (2 156 статей). Статьи Проекта разрабатывались либо в дополнение статей Свода, либо формулировались юридически более точно и полно. Новеллы Проекта составили 21,2 % (457 статей); 99 статей были созданы по примеру или на основе иностранных кодексов, остальные статьи восполнили существовавшие в законодательстве пробелы. Основным законодательным массивом являлись различные нормативные акты – 62,5 % (1326 статей).

Рассмотрим на примере первого раздела Проекта Уложения принцип создания Проекта и использования существовавшей законодательной базы. Раздел первый Проекта Уложения содержал 181 статью, из которых 116 (64 %) были разработаны на основе статей Свода законов уголовных и приняты в развитие начал Свода. Так, в ст. 5 Свода законов уголовных нечетко были разграничены разные роды вины от неосторожности, от чего происходила некоторая сбивчивость и неясность в самих постановлениях закона. В новом Проекте создатели определили 2 рода и 2 степени вины учинившего преступление без намерения. Вина должна почитаться более тяжкой, когда деяние, последствием которого было преступление, само по себе противозаконно, или же когда учинивший по званию или обстоятельствам был обязан действовать осмотрительнее, и менее тяжкой, когда виновный увлекся излишней в исполнении возложенных на него обязанностей ревностью.

В Своде законов уголовных смешаны или неточно разграничены некоторые роды участия. Для устранения этого недостатка создатели Проекта

постарались определить, в чем разница существующих родов участия в преступлении, чтобы судья мог назначить меру наказания равную степени или роду участия виновного. В Проекте различались виновные, участвовавшие в самом приведении преступления в действие, и те, которые, не принимая прямого участия в совершении преступления, заведомо допустили его совершение, или способствовали сокрытию следов преступления, или не донесли о нем (ст. 15–18 Проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных).

Статьи первого раздела Проекта, созданные в дополнение статей Свода законов уголовных, основывались на законоположениях Свода с учетом замечаний и дополнений. Например, в ст. 127 Свода сказано, что когда покушение на преступление само по себе составляло особое преступление, то виновный подлежал наказанию за то особое преступление определенному. Следовательно, здесь вовсе не говорится о наказании за само покушение, тогда как по ст. 126 и 128 Свода «всякое покушение на преступление не должно быть оставляемо без наказания». Эта неясность, доходящая до противоречия, была замечена на практике. Комитет, учрежденный при министерстве юстиции для рассмотрения замечаний на Свод законов, полагал необходимым выразить в ст. 127, что виновный подлежит в этом случае наказанию как за покушение, так и за особое преступление определенному. В соответствии с этим мнением была составлена ст. 125 Проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Новеллы раздела составили 28,7 % (52 статьи): семь новых статей были созданы с использованием иностранного законодательства (ст. 107, 108, 124, 136, 147–149). Например, создатели Проекта разработали ст. 108, являющуюся новеллой, по примеру иностранных уголовных уложений. Многие преступные деяния могли быть следствием ошибки или обмана, совершиться в силу неведения обстоятельств, по которым деяние превратилось в противозаконное. Это обстоятельство было включено в число причин, по которым содеянное не должно быть вменяемо в вину (ст. 108) именно потому, что оно имелось в иностранных кодексах.

Определяя наказание за поущение или недонесение о преступлении, составители Проекта не могли не обратить внимания на то, что о совершенном преступлении, часто бывает известно близким родственникам виновного. Требовать, чтобы они о том доносили, подвергая их за неисполнение этого тяжким наказанием, было бы несправедливо. Во всех иностранных законодательствах делались исключения на случай такого рода, и родственники виновного подвергались наказаниям только за недонесение о важных преступлениях. В Проекте также устанавливалась разность между недонесением о содеянном преступлении и об умысле на него (ст. 136 Проекта).

Количество статей в первом разделе Проекта, устранявших пробелы в законодательстве, составило 86,5 % от числа всех новелл в разделе (ст. 6, 19,

45, 49, 51-55, 70, 75, 76, 85, 86, 88-91, 117, 120, 121, 126-135, 138, 140-142, 147, 152, 159, 164). Проиллюстрируем это ст. 45 Проекта: в разных частях Свода законов уголовных определялось, куда поступали взыскиваемые с виновных денежные суммы, но не было общего постановления о том, куда они должны поступать, когда нет особых постановлений, означающих в какое ведомство их следует передавать. В Проекте для ясности было постановлено (ст. 45), что такие взыскания будут обращаться в пользу приказа общественного призрения той губернии, в которой обвиняемый был подвергнут суду.

Тринадцать статей раздела были составлены с использованием законодательных актов Общих губернских учреждений, Устава о содержащихся под стражей, Устава о предупреждении и пресечении преступлений, Устава о службе по определению от правительства, Свода законов гражданских и других законодательных актов.

Проект не основывался преимущественно на Своде законов уголовных (См. Приложение 1). Самым большим по количеству статей был раздел VIII. Доля статей Свода законов уголовных составила лишь 2,4 %, новелл – 13,3 %. Основная масса статей была разработана с использованием различных узаконений иных разделов Свода законов Российской империи и других законодательных актов.

Сводная таблица по разделам (См. Приложение 1) позволяет сделать вывод о том, что при создании Проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в большинстве своем были использованы отечественные узаконения, исправленные и дополненные. Влияние изученного кодификаторами иностранного законодательства было незначительным.

* * *

Итак, в 1833–1845 гг. была проведена кодификация уголовного законодательства дореформенной России и издан первый в истории страны уголовный кодекс, введенный в действие 1 мая 1846 г. – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Кодификация уголовного законодательства, несомненно, явилась значительным шагом в развитии российского законодательства, становлении его системы. Сам ход работы над Уложением о наказаниях уголовных и исправительных показывает аккумуляцию в этом процессе различных аспектов юридической деятельности Российского государства. На успешное осуществление Вторым отделением функций по созданию первого в истории России уголовного кодекса положительное влияние оказали ряд факторов.

Это, прежде всего, накопленный в 1800–1830-е гг. организационный и содержательный опыт систематизации законодательства, развитие законодательной техники, доступность массива изданных ранее уголовных законов (Полное собрание законов) и проведенная консолидация действующего уголовного законодательства (Своды законов уголовных 1832 и 1842 гг.). Важное

влияние также оказало развивающееся в стране правоведение. Необходимо также отметить активное привлечение к созданию Уложения 1845 г. опыта развития уголовного законодательства европейских государств, а также использование зарубежных исследований в сфере уголовного права. Все это нашло отражение в самом содержании Уложения.

3.2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных явилось значительным шагом в развитии российского законодательства. Это был первый в истории страны акт кодификации отрасли права. Вместе с тем Уложение весьма неоднозначно оценивалось как современными авторами, так и дореволюционными историками права¹.

С одной стороны, в Уложении присутствовало четкое деление закона на Общую и Особенную части, отмечался достаточно высокий для того времени уровень разработки многих институтов уголовного права (особенно институтов учения о преступлении), но в то же время прослеживалась сословность постановлений, казуистичность и наличие пробелов в законе².

Γάυφ ÷ αἰὸῦ Θεῖαί εὔ ἰ ἀεὶ αἰ εὔ ὁ ἀἰεὶ αἰ ὁ ἐ ἐπὶ δαῖε ὁ αἰεὶ ὁ ὁ
представлял его первый раздел «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще», где достаточно четко определялось действие уголовного закона во времени и пространстве. В соответствии со ст. 60 тома 1 Свода законов, Уложение не имело обратной силы: «Закон действует токмо на будущее время. Никакой закон не имеет обратного действия, и сила его не распространяется на деяния, совершенные прежде его обнародования».

Правила действия уголовного закона во времени были довольно точно были сформулированы в императорском указе от 27 марта 1846 г. о применении Уложения. «Уложение о наказаниях должно воспринять полную силу и действие с 1 мая 1846 г. С этого числа постановления нового уложения прилагать ко всем делам, не получившим до того числа окончательного решения, как в судах 1-й и 2-й степени, так и в Правительствующем Сенате, не распространяя сего лишь на те немногие случаи, где определяемые Уложением наказания строже назначаемых действовавшими доселе законами. В сих случаях приговоры о подсудимых постановлять на основании узаконений, существовавших

¹ См., например: *Архипов И. В.* К истории Уложения о наказаниях 1845 г. // Правоведение. 1990. № 6. С. 35; *Кодан С. В.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 94; *Паиш-ковская А. В.* К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Государство и право. 1995. № 11. С. 126; *Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. № 1. С. 5.

² См. об этом: *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 96, 259, 365; *Российское законодательство X–XX вв.* Законодательство первой половины XIX в. М., 1984. Т. 6. С. 163.

во время учинения преступления и проступка»¹. Таким образом, это положение ограничивало обратную силу нового уголовного закона.

Уложение исходило из закрепленной в законодательстве презумпции знания закона. В нем подчеркивалось, что «никто не может отговариваться неведением закона, если он был обнаружен в установленном порядке» (ст. 62).

Действие уголовного закона в пространстве определялось ст. 173 и 175, построенных на принципах территориальности и подданства (гражданства): «Действию постановлений сего Уложения подлежат в равной мере все российские подданные, в пределах государства», а равно «...иностранцы, в России живущие или временно пребывающие, подлежат действию уголовных законов наравне с подданными». Уложение предусматривало принцип применения его положений ко всем российским подданным в пределах государства, допуская некоторые изъятия. Эти изъятия были установлены для дел, подсудных духовному суду и военным судебным органам (ст. 174): «Действие постановлений сего Уложения не распространяется на дела, подлежащие суду по законам церковным или по особым военным постановлениям». Уложение о наказаниях не распространялось на Польшу, Финляндию и некоторые народы России: чукчей, якутов, другие сибирские народы (приложение к ст. 173). В ст. 175–178 определялся порядок привлечения к уголовной ответственности иностранцев, совершивших преступления на территории Российской империи, и тех, которые «изобличены или подозреваемы в содеянии... преступления, направленного против России и ее подданных вне пределов Российской империи». Исключение делалось для китайцев (примеч. к ст. 178): и русские, и китайцы выдавались согласно договору, заключенному между правительствами Китая и России.

Русские подданные, находившиеся вне пределов государства и «...учинившие преступления против прав... своего отечества... или же в нарушение прав одного или нескольких соотечественников», подлежали уголовной ответственности на основании ст. 179–181. В ст. 179 определялась возможность выдачи указанных лиц иностранными правительствами для суда над ними по российским законам.

Понятие преступления, как известно, является одной из основополагающих категорий уголовного права. Преступлению как правовому явлению присущи признаки, которые характеризуют все стороны данного явления. Эти признаки могут быть выяснены из определения понятия преступления².

Уложение в ст. 1, 2, 4 давало такое определение: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного и исправительного законом

¹ Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. Т. 20.

² См. об этом: *Самоквасов Д. Я.* Курс истории русского права. М., 1908. С. 98; *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. С. 135; *Чебышев-Дмитриев А.* Русское уголовное право. Лекции. СПб., 1866. Ч. 1. С. 121.

предписано» (ст. 4). Следовательно, оно, содержало наиболее полное определение уголовно наказуемого противоправного деяния, запрещенного законом¹.

Признак противоправности деяния свидетельствовал о том, что лицо, совершившее преступление, нарушило запрет, содержащийся в уголовно-правовой норме, а наличие признака общественной опасности означает, что деяние причиняло или создавало угрозу причинения вреда общественным отношениям (ст. 1, 4). Уложение, как и Свод законов уголовных, знало два понятия уголовно наказуемого деяния: преступление и проступок (ст. 1, 2).

В Уложении о наказаниях впервые нашло отражение различие преступления и проступка по объекту посягательства – в Своде законов деление деяний на преступления и проступки зависело от тяжести наказания. Также впервые в уголовном законодательстве России преступное деяние четко определялось как действие и бездействие. В Артикуле воинском Петра I была предусмотрена ответственность за бездействие, но ясного определения этого института не было. Таким образом, Уложением были разработаны и внесены в определение преступления новые для того времени критерии.

Наказания в Уложении подразделялись на уголовные и исправительные. На основании ст. 3, 4 в закон были включены как уголовные, так и административные правонарушения. Следует отметить, что необходимым признаком объективной стороны преступного деяния является не только само деяние и те последствия, которые им вызваны, но и наличие причинной связи между деянием и последствиями. Причинная связь доказывает, что именно данное преступное деяние вызывало именно эти последствия. В русском праве постановления по вопросу о причинной связи появились впервые в Воинском и Морском уставах Петра Великого². Однако в Уложении о наказаниях, также как и Своде законов уголовных, таких положений не было.

Основанием уголовной ответственности по Уложению являлась виновность и доказанность преступного деяния (ст. 5–7, 97). В ст. 97 был сформулирован один из важнейших принципов буржуазного уголовного права – доказанность преступного деяния: наказание за преступление или проступок, а также за покушение, приготовление или умысел на преступление может быть определено судом только в случае, «когда содеяние преступления или проступка, или же покушение на оные, или приготовление к ним, или существование преступного умысла, несомненно доказаны», а также, при условии, что «содеянное или умышленное должно быть вменено подсудимому в вину». В то же время Уложение допускало много отступлений от этого принципа: казуальность закона, неопределенность санкций, наличие аналогии, прямо предусмотренной законом. Например, ст. 155 позволяла судам в случае отсутствия

¹ См. об этом: *Пашковская А. В.* К 150-летию Уложения о наказаниях. С. 128; *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. С. 141.

² См.: *Ромашкин П. С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 76.

в законе определенного наказания за преступное деяние приговаривать виновного к одному из наказаний, предназначенных за преступления, по важности и роду своему наиболее с ним сходные, предусматривая тем самым аналогию закона.

Предшествующее законодательство России достаточно четко формулировало такие формы вины, как умысел и неосторожность. Например, Проект 1813 г. содержал как определение умысла, так и неосторожности, хотя и весьма несовершенные. Свод законов уголовных делал это более точно (т. 15, ст. 3–8). Уложение, также как и Свод, делило преступления и проступки на умышленные и неумышленные (ст. 5) и различало в умысле две степени.

Первая степень умышленного преступления подразумевала, что «деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла», то есть лицо, сознавая совершаемое и его результаты, сознавая факт посягательства на запрет юридической нормы, все-таки направляет свою деятельность по этому пути. Такая степень умысла наказывалась строже. В частности, в ст. 111 Уложения указывалось, что «за преступление, учиненное вследствие намерения заранее преступником обдуманного, определяется всегда высшая мера наказаний», за то преступление положенного, если в законе не определено для случаев этого рода особой ответственности. Кроме того, по п. 1 ст. 135, мера наказания увеличивалась, «чем более было умысла и обдуманности в действиях преступника». Наличие в преступлении заранее обдуманного умысла, таким образом, являлось отягчающим обстоятельством.

Вторая степень умышленного преступления предусматривалась, «когда оное (деяние. – *Авт.*) учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления». Признаком такого умысла по Уложению было наличие запальчивости и раздражения, не имеющих, однако, патологического характера, что исключило бы вменяемость. Так, ст. 1926 Уложения по этому поводу гласила: «Кто учинит убийство, хотя и без обдуманного заранее намерения или умысла, в запальчивости или раздражении, но, однако ж, и не случайно, а зная, что он посягает на жизнь другого...». Уложение признавало такой вид умысла обстоятельством, уменьшающим вину и строгость наказания (п. 5 ст. 140), в случае, «если преступление учинено... вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями или иными поступками лица, коему он (виновный. – *Авт.*) сделал или покусился сделать зло».

Неосторожность как форма вины не была отражена в Уложении в виде общего определения, в то время как Свод законов уголовных (т. 15, ст. 4) делал это достаточно четко. Ответственность за неосторожные деяния формулировалась Уложением в основном применительно к должностным лицам. Уголовная ответственность и наказание увеличивались, если виновный, в силу своих должностных обязанностей или обстоятельств, должен был действовать «особо осмотрительно» (ст. 116); «сия строгость уменьшается, когда деяние

подсудимого по существу своему было не противозаконное, а вредные оно же последствия не могли быть им легко предвидены...». Если же неосторожное деяние оправдывалось обстоятельствами, которых нельзя было ожидать или предполагать вредных последствий, то «виновному... (делалось. – *Авт.*) только приличное насчет оной внушение». В целом, неосторожная вина влекла более мягкое наказание, чем вина умышленная.

Это различие хорошо просматривается на примере сравнения лишения жизни по неосторожности и убийства. Например, «если от деяния, законом не воспрещенного и такого рода, что нельзя было с вероятностью ожидать вредных от него последствий, но, однако явно неосторожного, причинится кому-либо смерть...» (ст. 1939), то виновный подвергался одному из трех наказаний: заключению в тюрьме на время от 3 до 6 месяцев; аресту на срок от 3 дней до 3 месяцев, строгому выговору в присутствии суда. В то же время умышленное убийство (ст. 1925) влекло за собой лишение всех прав состояния и каторгу от 12 до 15 лет, а для лиц, не изъятых от телесных наказаний, дополнительно наказание плетьюми.

Уложение о наказаниях не знало деления неосторожности на виды. Как отмечал Н. С. Таганцев¹, Уложение, также как и Свод законов уголовных, содержало ряд статей об умысле и неосторожности, но нигде ясно не определяло эти институты. Кроме того, сама терминология, используемая в Уложении, была достаточно сбивчива: закон употреблял выражения «с намерением» (ст. 226), «с умыслом» (ст. 227), «злонамеренно» (ст. 320), «умышленно» (ст. 333), «заведомо» (ст. 419) и т. д.

Достаточно четко был определен случай как обстоятельство, исключающее всякую виновность и ответственность. Ненаказуемость случайных посягательств на норму признается всеми законодательствами². Уложение также содержало несколько постановлений (ст. 7, 99, 105) о случайных деяниях. На основании ст. 7 «зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего неосторожности, не считается виною». Случайность характеризовалась отсутствием неосторожности. Деяние, вызвавшее случайное правонарушение, могло быть запрещено законом и не запрещено. Так, в ст. 99 говорилось: «Зло, последовавшее случайно и не предвидимо, не вменяется содеявшему в вину. Если, однако ж, деяние, от коего последовало сие зло, было само по себе противозаконное, то он (*преступник. – Авт.*) подвергается наказанию, но лишь за то, что был намерен учинить...». Случайно учиненное зло не влекло никакой ответственности: «Кто случайно, не только без всякой с его стороны неосторожности, нанесет кому-либо увечье, рану

¹ См.: Таганцев Н. А. Русское уголовное право. С. 229.

² См. об этом: Данилович И. О ходе уголовного законодательства вообще и преимущественно в Германии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1837. Ч. 1. С. 347; Дегай П. И. Указ. соч. СПб., 1845. С. 35; Шворина Т. Уголовное законодательство Екатерины II // Ученые записки ВЮОН. М., 1940. Вып. 10. С. 216.

или иное повреждение здоровью, тот не подвергается никакому за сие наказанию» (ст. 1967), и лишь за случайное лишение жизни виновный по его желанию «...для успокоения совести... предается церковному покаянию».

К существенным признакам преступного деяния как всякого юридическо-го отношения по теории уголовного права относится не только то, на что направляется действие виновного – объект или предмет преступления, само преступное деяние с точки зрения объективной и субъективной стороны, но и виновник преступного деяния (субъект преступления). Виновником преступного деяния, исходя из теории уголовного права, может быть физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние и способное нести за это уголовную ответственность. Из содержания ст. 173, 175, 179, 180, 181 Уложения о наказаниях следует, что «действию постановлений сего Уложения» подлежат все российские подданные и «иностранцы, в России жительствующие или временно в оной пребывающие...», то есть постановления Уложения распространяются лишь на людей – физических лиц. В свою очередь, физическое лицо может быть признано виновником преступления только в случае полного осознания им преступного характера своих действий и возможности руководить ими, иначе говоря, если лицо было вменяемо. Невменяемые лица не являются субъектами преступлений¹. Кроме того, способность осознавать свои действия и руководить ими появляется у людей только по достижению определенного возраста. Таким образом, к основным признакам субъекта преступления относятся следующие: физическое лицо, достигшее определенного законом возраста, вменяемое. Впервые в уголовном праве Уложение в ст. 98 давало подробный перечень состояний, исключающих способность к вменению, относя туда: детство до 7 лет, безумие от рождения, сумасшествие, болезнь, доводящую до умоисступления и беспамятства, старость или дряхлость, лунатизм (ст. 103), глухонмоту (ст. 104). Этот перечень усложнялся еще и тем, что в статье указывались причины, устраняющие виновность, но не имеющие отношения к вменяемости (случайность причиненного вреда, ошибка); причины, устраняющие преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость).

Уложение о наказаниях в п. 2 ст. 98 определяло малолетство как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность. Закон впервые оговаривал возраст наступления уголовной ответственности – 7 лет (ст. 100), но этот вопрос не был решен до конца достаточно точно. Сопоставляя ст. 100 и 143 («дети, коим более семи, но менее десяти лет от роду и которые не имеют еще надлежащего в своих обязанностях разумения, не подвергаются определенному в законах наказанию...»), можно сделать вывод, что закон фактически

¹ См. об этом: *Кистяковский А.* Главнейшие моменты развития науки уголовного права. Оттиск из университетских известий. Б. м., 1876. С. 27; *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. СПб., 1908. С. 254.

устанавливал возраст наступления уголовной ответственности с десяти лет¹. Уложение о наказаниях выделяло три периода юношеского возраста: до 7 лет, от 7 до 14 лет, от 14 лет до 21 года. Дети с 7 до 10 лет при совершении ими преступления только отдавались родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления или наставления, то есть деяние им не вменялось. Это же правило распространялось и на детей 10–14 лет, если с достоверностью было признано, что преступление учинено ими без разума (ст. 137). Третий период юношеского возраста с 14 лет до 21 года являлся причиной уменьшения уголовной ответственности. При этом Уложение различало наказания уголовные и исправительные. Из уголовных наказаний к несовершеннолетним применялись смертная казнь и ссылка на поселение (как и к совершеннолетним), бессрочная каторга заменялась на каторгу на 20 лет, время работ сокращалось на 1/3 (ст. 145). По отношению к наказаниям исправительным Уложение заменяло ссылку на житье и отдачу в арестантские роты или рабочий дом отдачей в военную службу; наказание розгами применялись без изменения, но со смягчением на одну или две ступени. Кроме того, за преступления, совершенные по неосторожности, несовершеннолетние в возрасте от 14 лет до 21 года подвергались «домашнему исправительному наказанию по распоряжению родителей и опекунов» (ст. 148). В местах лишения свободы: смирительном доме, крепости или тюрьме – несовершеннолетние содержались отдельно от других заключенных (ст. 149). Многие русские юристы при исследовании Уложения замечали, что закон при определении возраста наступления уголовной ответственности вдавался в чрезвычайно запутанную регламентацию сроков. Эта многочисленность сроков объяснялась, очевидно, боязнью дать слишком много простора судейскому произволу².

Однако Уложение выделяло условие, когда возраст не имел значения: это были факты вторичного совершения несовершеннолетними того же самого или еще более тяжкого преступления (ст. 150). В этих случаях несовершеннолетние наказывались как совершеннолетние. Как отмечали русские юристы Н. А. Неклюдов и А. Ф. Кистяковский, самый коренной недостаток нашего уголовного законодательства заключался в том, что несовершеннолетние в возрасте от 10 лет до 21 года за совершение повторного преступления или преступлений не менее тяжких, чем те, за которые они были наказаны, подвергались

¹ См. об этом: *Таганцев Н. С.* Указ соч. С. 159; *Шаргородский М. Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М. 1940. Вып. 10. С. 198.

² См. об этом: *Богдановский А.* Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. СПб., 1871. С. 139. *Таганцев Н. С.* Исследование об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб., 1871. С. 84; *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 399.

одинаковому со взрослыми наказанию. Следовательно, 10-летний мог быть присужден к каторжным работам без срока¹.

Том 15 Свода законов 1857 г. расширил перечень наказаний для несовершеннолетних (ст. 152–155). За преступления менее тяжкие, за которые в законе определено лишение всех особенных прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь, несовершеннолетние от 14 лет до 21 года отдавались в военную службу. Те несовершеннолетние, которые не были освобождены от телесных наказаний, подлежали наказанию розгами на одну или две степени ниже, определенных в законе. Несовершеннолетние до 17 лет, не способные к военной службе или из-за увечий не способные выполнять крестьянские и иные работы, помещались в богадельни приказов общественного призрения или оставлялись в тюрьме до исполнения им 17 лет, когда их здоровье позволило бы им следовать к месту назначения (ст. 152–155).

В п. 3 ст. 98 речь шла о невменяемости, впервые достаточно четко сформулированной в уголовном праве России. Закон также в первый раз выделял критерии невменяемости – юридический, или психологический (отсутствие у лица способности осознавать общественно опасный характер своих действий): детство (ст. 100) – «не имевшие достаточного о своих деяниях понятия»; сумасшествие (ст. 101) – «не мог иметь понятия о противозаконности в самом свойстве своего деяния»; глухонмота (ст. 104) – «не получили ни через воспитание, ни через сообщество с другими никакого понятия об обязанностях и законе», и так называемый медицинский, или биологический критерий. Так, от наказания освобождались «безумные от рождения или сумасшедшие» (ст. 101), больные «в точно доказанном припадке умоисступления или совершенного беспамятства» (ст. 102), «потерявшие умственные способности и рассудок от старости или дряхлости», а также «лунатики (сонноходцы), которые в припадках своего нервного расстройства действуют без надлежащего разума» (ст. 103). Наше Уложение не знало слабоумия как обстоятельства, уничтожавшего вменяемость. По п. 4 ст. 140 оно приравнивалось к легкомыслию, глупости и крайнему невежеству и являлось лишь обстоятельством, смягчающим наказание в обыкновенных пределах, но само же Уложение делало исключение для стариков, потерявших умственные способности и рассудок от старости или дряхлости, то есть слабоумных, и не подвергало их наказанию. По мнению Н. А. Неклюдова, суду следовало бы разрешить смягчать наказание в самом его роде².

Не менее важным представлялся вопрос о мерах государственной защиты от лиц, учинивших преступные деяния в состоянии невменяемости. Если причины невменяемости устранимы, то больного должны были поместить

¹ См. об этом: *Неклюдов Н. А.* Приложения к учебнику уголовного права Бернера. СПб., 1865. С. 367–370; *Кистяковский А. Ф.* Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1878. С. 20–23.

² См.: *Неклюдов Н. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 376.

в больницу для душевнобольных. Если же такие состояния организма оказывались неизлечимыми, то таких людей следовало изолировать от общества. Так, безумные от рождения или сумасшедшие (ст. 101) в случае учинения смертоубийства либо покушения на жизнь другого, или свою собственную, или на зажигательство заключались в дом умалишенных даже тогда, когда родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотреть за ними и лечить их у себя. Больные, учинившие преступление в припадке умоисступления или беспамятыства (ст. 102), отдавались родителям, родственникам, опекунам и посторонним с обязанностью «иметь за ними тщательное непрестанное смотрение во время... болезни и лечения, предотвращая всякие дурные и опасные для других или же для него самого (больного. – *Авт.*) последствия припадков умоисступления». Если же родители, родственники, опекуны или посторонние оказывались людьми неблагонадежными, то больные помещались в больницу для лечения и присмотра за ними до полнейшего выздоровления.

Потерявшие рассудок от старости и дряхлости, а также лунатики (ст. 103) при учинении ими преступлений отдавались на попечение ближайшим родственникам или же помещались в заведения общественного призрения. Относительно глухонемых от рождения, учинивших преступления (ст. 104), делалось распоряжение о «заключении их отдельно от других, находящихся под стажей, и в строгом неослабном за ними надзоре».

Впервые в русском уголовном праве в Уложении в п. 4 ст. 98 появились постановления о безнаказанности в случаях неведения и заблуждения относительно конкретных юридических обстоятельств (о юридической ошибке): «Кто учинит что-либо противное закону единственно по совершенному от случайной ошибки или вследствие обмана происшедшему неведению тех обстоятельств, от коих именно деяние его обратилось в противозаконное, тому содеянное им не вменяется в вину. Он может, однако, в некоторых случаях, законом определяемых, быть присуждаем к церковному покаянию» (ст. 105). Помимо этого Уложение выделяло и фактическую ошибку, а также ее разновидность – ошибку в личности потерпевшего: «Кто, имея намерение нанести кому-либо смерть, вместо сего лица по ошибке или иному случаю лишит жизни другого, тот подвергается тому же наказанию, какому он долженствовал бы подвергнуться, если бы умертвил того, на жизнь коего он имел умысел» (ст. 1927).

Последние два обстоятельства, освобождавшие от уголовной ответственности, были сформулированы в п. 5, 6 ст. 98 как принуждение от превосходящей непреодолимой силы и необходимость обороны. Институт необходимой обороны был хорошо известен Соборному уложению и Артикулу воинскому. Со ссылками на эти законы институт необходимой обороны определялся

и в Своде законов¹. Уложение о наказаниях под необходимой обороной понимало насильственные действия в отношении лица, которое совершило нападение на обороняющегося или на женщину, посягнув на ее целомудрие и честь (ст. 107, 108); при этом опасности подвергались жизнь, здоровье или свобода оборонявшегося. Причинение вреда при необходимой обороне признавалось ненаказуемым, когда «застигнутый при похищении или повреждении какого-либо имущества преступник, силою противился своему задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения» (ст. 107). Уложение допускало необходимую оборону лишь при невозможности прибегнуть к защите ближайшего или местного начальства. Кроме того, по ст. 109 Уложения во всех случаях, указанных в ст. 107, 108, употребление мер необходимой обороны дозволялось не только для своей собственной защиты, но и для защиты других, находящихся в таком же положении.

Закон упоминал о пределах необходимой обороны, но информация эта была крайне неполной. Указывалось лишь на то, что употребление силы или причинение вреда было необходимо и оправдывалось действительной опасностью, а также отмечалась необходимость соответствия обороны и нападения во времени. Уложение в ст. 107 определяло: «Всякий напрасный, сделанный нападающему после уже отвращения от него грозившей опасности, вред признается злоупотреблением обороны, и виновный в том должен быть подвергаем наказанию, которое определялся по мере причиненного им вреда, по роду побуждений, коим он следовал, и другим обстоятельствам дела». Нарушение пределов необходимой обороны влекло наказание, но гораздо меньшее по сравнению с тем, что было установлено за убийство или за нанесение увечий (ст. 1938, 1964). Институт крайней необходимости или «принуждение от превосходящей непреодолимой силы» определялся Уложением следующим образом: «Учинившему противозаконное деяние вследствие непреодолимого к тому от превосходящей силы принуждения и токмо для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содеянное им не вменяется в вину». Уложение, говоря о благах, защищаемых в состоянии крайней необходимости, упоминало лишь защиту жизни. При необходимой обороне источником опасности являются общественно опасные действия человека, в то время как при крайней необходимости таким источником могут быть не только человеческие действия, но и разрушительные силы природы, нападение животных и т. п. Следует учесть, что при необходимой обороне вред причиняется нападающему, а при крайней необходимости третьим лицам, их правам. Примерами крайней необходимости могут служить ст. 1664, 1167, согласно которым не подвергались наказанию корабельщики, сбросившие в море груз, изменившие курс следования в связи с бурей или взявшие продукты питания на встречном корабле «для избежания опасности умереть с голоду» (даже, если корабельщик

¹ См.: *Долончев В.* О праве необходимой обороны // *Юридический вестник.* СПб., 1874. № 11. С. 96.

взял это продовольствие силой). Институт крайней необходимости был хорошо известен российскому законодательству со времен Артикула воинского и Свода законов (рассматривался под термином «насильственное принуждение»). Таганцев Н. С. отмечал наличие этого института и в Соборном уложении Алексея Михайловича¹.

Исключает вменение физическое и психическое принуждение, когда действующий, осознавая преступность совершаемого, не имеет возможности выполнить требование закона или воспрепятствовать их нарушению. При физическом принуждении у человека нет выбора, он действует как простое орудие какой-либо силы. Уложение о наказаниях не упоминало о физическом принуждении.

Реальную общественную опасность представляют не только сами деяния и их последствия, но и деятельность, предшествующая его совершению². Уложение о наказаниях достаточно определенно формулировало стадии совершения преступления. Различались три стадии предварительной преступной деятельности, к которым Уложение относило обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление (ст. 8) и «совершившееся преступление» (ст. 12). Так называемый «голый умысел» был давно известен российскому уголовному праву и определялся следующим образом: «Изыявление на словах, или письменно, или же иным каким-либо действием намерения учинить преступление почитается признаком умысла. К числу таких признаков принадлежат угрозы, похвальбы и предложения сделать какое-либо зло» (ст. 9). Уложение решало вопрос о наказуемости обнаружения умысла по-разному. В Общей части в ст. 116 говорилось, что за умысел, смотря по роду важности преднамеренного преступления, полагается наказание, именно означенное в законе, а в Особенной части такие специальные постановления встречались только в группе государственных преступлений. Уложение о наказаниях относило к приготовлению к преступлению (ст. 10) приискание или приобретение средств для совершения преступления. Вопрос о наказуемости приготовления рассматривался в ст. 117, где говорилось: «Виновный подвергается наказанию смотря по тому, во-первых, употребленные им до сего средства были противозаконные, во-вторых, само приобретение сих средств было соединено с опасностью для какого-либо частного лица, или многих, или всего общества». Эти случаи Уложение рассматривало как квалифицированное приготовление и прибавляло: «Наказание за одно, без сих увеличивающих вину обстоятельств, приготовление к преступлению определяется лишь в особых, именно означенных законами случаях». Покушением по Уложению 1845 г. признавалось «всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение».

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 214.

² См.: Бульмерин М. Теория исправления преступников // ЖМЮ. 1862. № 2. С. 264.

Свод законов не знал деления покушения на виды. Это впервые было сделано Уложением в ст. 120 (неоконченное покушение): «Покушение на преступление, когда оно остановлено не по собственной воле подсудимого, а по другим, не зависевшим от него обстоятельствам...»; при этом закон обращал внимание на большую или меньшую близость учиненного к окончанию. Статья 121 описывала оконченное покушение: «Подсудимым сделано все, что он мог считать нужным для приведения своего намерения в действие, и только по особенным непредвиденным обстоятельствам преднамеренное им зло не совершилось...». Уложение поставило наказуемость покушения в зависимость от его деления на виды. За неоконченное покушение наказание назначалось на 1 или 2 ступени ниже против наказания, постановленного за само совершение преступления. За оконченное покушение виновный наказывался «столь же строго, как и за совершенное вполне преступление». Уложение достаточно четко формулировало институт добровольного отказа от совершения преступления или добровольно оставленного покушения – в этих случаях виновный освобождался от уголовной ответственности. Статья 119 указывала: «Когда учинивший приготовление к преступлению или уже покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершил преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление и только за сие преступление, а не за то, которое он был прежде намерен совершить». Очевидно, что закон имел в виду только остановку по собственному желанию, безотносительно к вызвавшим ее мотивам. При этом безнаказанность покушения не устраняла ответственности за то преступное, что уже было сделано покушавшимся. Уложение не содержало никаких постановлений относительно покушения с негодными средствами и на негодный объект.

В ст. 12 Уложение определяло понятие оконченного преступления: «Преступление почитается совершившимся, когда в самом деле последовало преднамеренное виновным или иное от его действий зло». Такая формулировка создавала затруднения для практики, так как для окончания преступления по тексту закона было неважно, последовало зло преднамеренное или же иное.

Достаточно подробно Уложением регламентировался институт соучастия. Впервые в русском уголовном праве Уложение о наказаниях определило различие двух главных видов соучастия (ст. 13): «Учинено ли сие преступление по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию или без него». Кроме того, в Особенной части Уложения указывался третий вид соучастия – шайка.

При соучастии без предварительного соглашения (ст. 14) Уложение различало два основных типа соучастников: главные виновники – «распоряжавшиеся или управлявшие действиями других», а также «приступившие к действиям прежде других... или же непосредственно совершившие преступление»

и участники – «те, которые непосредственно помогали главным виновным в содеянии преступления», а также «те, которые доставляли средства для содеяния преступления или же старались устранить препятствия, к тому представлявшиеся» (ст. 14). При сговоре типы соучастников были представлены разнообразнее. Выделялись зачинщики, сообщники, подговорщики, или подстрекатели, и пособники. К зачинщикам (ст. 15) Уложение относило: 1) тех, «которые, умыслив содеянное преступление, согласили на то других», то есть тех, кто задумал и организовал преступление; 2) тех, которые непосредственно участвовали в преступлении; таких было выделено два вида: а) «которые управляли действиями при совершении преступления»; б) те, которые «первые к тому приступили». Сообщниками назывались лица, которые согласились с другими выполнить совокупными силами или действиями предумышленное преступление. К подговорщикам или подстрекателям закон причислял тех, которые «не участвуя сами в совершении преступления» при помощи просьб, убеждений, подкупа, обещаний выгод, обмана, принуждений или угроз склоняли к совершению преступления других. Пособники сами также не принимали участия в выполнении преступления, «но, из корыстных или иных личных видов», то есть, имея личный интерес в совершении преступления: 1) «помогали или обязались помогать умыслившим иное»: а) советами, указаниями и сообщением сведений; б) доставлением средств «для совершения преступления»; в) устранением препятствий; 2) «заведомо, пред совершением преступления, давали у себя убежище умыслившим иное»; 3) «обещали способствовать сокрытию преступников или преступления после содеяния оного».

В зависимости от вида соучастия статьи Общей части предусматривали различные виды наказаний (ст. 123–134). Высшей мере наказания за то преступление положенного подлежали: 1) главные виновные – «за преступление, учиненное несколькими лицами без предварительного между ними на то соглашения»; 2) зачинщики – «за преступление, содеянное несколькими лицами по предварительному между ними на то соглашению»; 3) подговорщики или подстрекатели, даже когда они не были в числе зачинщиков, «за то преступление, к которому они подговаривали или подстрекали».

Участникам и сообщникам наказание определялось «по мере оказанного каждым из них содействия в учинении преступления». Пособники в преступлении приговаривались «к наказанию наравне с учинившими оное; а все прочие к наказанию одною степенью ниже... участников». Уложение устанавливало институт добровольного отказа соучастников от совершения преступления. Наказание назначалось на одну, две или три степени ниже для сообщников, если они «добровольно уклонились от принятия участия в преступлении, но об умысле на оное не донесли своевременно надлежащему... начальству» (ст. 124, 125, 127). Статья 128 освобождала от уголовной ответственности, «если все согласившиеся учинить какое-либо преступление... сами по собственной воле отступили от своего намерения».

Уложение о наказаниях к соучастию относило различные случаи прикосновенности к преступлению: попустительство, укрывательство, недонесение. Попустителями (ст. 16) являлись те, кто имел власть или возможность предупредить преступление, но с намерением или заведомо допустил его совершение. В ст. 16 также рассматривалось укрывательство заранее не обещанное; укрывательство заранее обещанное было отнесено к пособничеству (ст. 15). Укрывателями закон назвал тех, кто, не участвуя в преступлении, помогал скрывать или истреблять следы его, скрывать самих преступников, оказывал содействие в сокрытии, продаже, сбережении или передаче другим «противозаконным образом добытые вещи». Отдельно в ст. 17 было выделено недонесение, которое определялось как возможность доведения до сведения правительства о готовящемся или совершившемся преступлении. Прикосновенные должны были действовать умышленно, понимать свойства своих поступков, желая или допуская их. Недонесение в государственных преступлениях наказывалось наравне с сообщничеством, попустительством, пособничеством, подстрекательством и укрывательством (см. ст. 265, 266, 271). Иное значение при наказуемости за недонесение имели отношения близкого родства к виновнику преступления. В Уложении о наказаниях этому вопросу посвящена ст. 134. Наказаниям за недонесение о совершившемся преступлении не подвергались близкие родственники, к которым закон относил: супругов, родителей, детей, восходящих и нисходящих родственников, братьев и сестер. Близкие же свойственники до второй степени включительно и получившие воспитание от учинившего преступное деяние или иным образом им благодетельствованные подвергались по усмотрению суда уменьшенному наказанию, а если виновный не подвергался смертной казни или ссылке на каторгу, то они вообще освобождались от наказания. Однако ст. 134 содержала одно исключение: ее положения не распространялись на виновных в недонесении и укрывательстве по государственным преступлениям.

Как уже было сказано выше, в Уложении о наказаниях (ст. 1146–1155) впервые в русском уголовном праве появились специальные постановления о шайке как разновидности соучастия. Эти постановления были указаны не в Общей, а в Особенной части в статьях о наказуемости за составление шаек, совершении преступлений в составе шаек в качестве обстоятельства, усиливающего наказание. При этом Уложение не давало четкого определения шайки. Оно говорило о шайке как о сообществе, составившемся для совершения ряда преступлений: 1) «для разбоев и зажигательств, или делания или привоза фальшивой монеты или фальшивых ассигнаций... или иных государственных бумаг»; 2) «для воровства-кражи, или воровства-мошенничества, или же для деления фальшивых... документов, кроме... государственных бумаг»; 3) «для противозаконного провоза подлежащих питейному сбору или акцизу питей, для провоза контрабанды или вообще для производства запрещенной торговли, или же запрещенной законами игры, или подкупа чиновников...». Закон

различал организаторов («тот, кто составил шайку») и простых членов шайки («вступившие в шайку сего рода, со знанием о свойстве и предназначении оной») и назначал им разное наказание. «Тот, кто составил шайку» для первого вида преступлений лишался всех прав состояния, ссылался на каторгу на срок до 6 лет и дополнительно наказывался плетьюми до 40 ударов с наложением клейм. Составившие шайку для второго и третьего вида преступлений, кроме лишения всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных прав, подвергались ссылке в Енисейскую и Иркутскую губернии с заключением на срок до 3 лет, наказанию до 90 ударов розгами и отдаче в исправительные арестантские роты на срок от 6 до 8 лет.

Вступившие в шайку, но не совершившие преступления наказывались лишением всех прав состояния и ссылкой в отдаленнейшие места Сибири, телесными наказаниями розгами до 30 ударов (за первый вид преступлений), до 70 ударов (за второй вид преступлений) и к отдаче в исправительные арестантские роты до 4 лет. Знавшие, но не донесшие о преступлении помимо лишения прав и преимуществ и ссылки наказывались отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет либо рабочий дом сроком до 1 года. Совершившие преступление (для которого была организована шайка) приговаривались к высшей мере, предусмотренной за данное преступление (ст. 1151). Подвергались наказаниям и те, кто доставал оружие или другие средства преступления. Также наравне с членами шайки несли ответственность пристанодержатели. Тот, кто занимался «скупом и перепродажею предметов, заведомо похищенных или противозаконно привезенных», помимо лишения всех прав и преимуществ и телесного наказания отдавался в исправительные арестантские роты до 4 лет. Таким образом, институт соучастия Уложением о наказаниях уголовных и исправительных был разработан достаточно полно.

Уложение устанавливало перечни обстоятельств, увеличивающих и уменьшающих вину и наказание (ст. 135–150). Вина преступника, а следовательно и мера наказания, зависела от степени умысла и обдуманности в действиях преступника, противозаконности, безнравственности побуждений, жестокости, гнусности «в действиях, коими сие преступление учинено», активности в совершении преступления и числа лиц, привлеченных преступником к деянию, «неискренности и упорства в заpiresательстве» при следствии и суде (ст. 135). Примечательно, что мера наказания увеличивалась по мере повышения социального статуса преступника, его звания и степени образованности. К отягчающим обстоятельствам Уложение относило случаи рецидива – «повторения того ж преступления или учинения другого после суда и наказания за первое» (ст. 137).

К смягчающим обстоятельствам относились: чистосердечное раскаяние виновного во время следствия и суда; помощь в расследовании преступления; совершение преступления «по легкомыслию или же слабоумию, глупости и крайнему невежеству... «вследствие сильного раздражения, произведенного

обидами, оскорблениями», а также «по крайности и совершенному неимению никаких средств к пропитанию и работе»; вовлечение «в сие преступление убеждениями, приказаниями или дурным примером людей, имевших над ним (виновным. – *Авт.*) по природе или по закону высшую сильную власть». В ст. 156 Уложение определяло понятие совокупности. Своду законов также было известно это понятие, но Уложение впервые формулировало этот институт вполне точно. При совокупности преступлений наказание назначалось по принципу поглощения меньшего наказания большим: «Суд, упомянув в своем определении о всех наказаниях, следующих за каждое из тех деяний, приговаривает его (виновного. – *Авт.*) к тягчайшему из сих наказаний и к самой высшей оного мере».

В компетенцию суда входила возможность по одному или нескольким из обозначенных в ст. 140 обстоятельств уменьшить меру наказания, «но, однако же, в определенной законами степени». Статьи 142–149 были посвящены малолетству и несовершеннолетию как обстоятельствам, уменьшающим вину и строгость наказания.

Глава четвертая Уложения рассматривала вопросы о смягчении и отмене наказаний. Статья 157 содержала перечень оснований для смягчения наказания, которое имел право дать суд. Закон предусматривал также случаи отмены наказания: вследствие смерти преступника, вследствие примирения с обиженным, вследствие давности (ст. 160). Отмена наказания вследствие смерти преступника не исключала уплаты исков и казенных взысканий, которые обращались на его имущество (ст. 161). Под давностью Уложение понимало давность привлечения к уголовной ответственности. Сроки давности определялись в зависимости от тяжести наказания: 10 лет, 8 лет, 5 лет, 3 года. Институт давности был хорошо известен русскому уголовному праву еще с законодательства XVIII в.¹ Уложение выделяло ряд преступлений (ст. 166, 167), которые изымались из под действия давности. Это государственные преступления, предусмотренные ст. 263, 266, 271 и 275 Уложения, умышленное убийство отца или матери, преступления лиц, перешедших из православной церкви в другую христианскую или иную веру, вступление в заведомо незаконный брак, незаконное присвоение сословных прав, должностей, чинов, орденов, почетных титулов или имен. В ст. 168 указывался случай погашения давности для должностных преступлений, совершенных судьями и другими чиновниками.

Как отмечали исследователи², Уложение прямо допускало аналогию наказуемости, а не аналогию преступности. В ст. 155 предусматривалась лишь аналогия наказания за «преступное деяние», однако суду в данном случае

¹ См.: *Саблер В.* О значении давности в уголовном праве. М., 1872. С. 217.

² См. например: *Есипов В. В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступления и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 57; *Будзинский С. М.* Уложение о наказаниях с комментарием в применении к Варшавскому судебному округу. Варшава, 1892. С. 38.

предписывалось «не приводя сего приговора в действие», представлять его «без замедления по установленному порядку подчиненности на рассмотрение Правительствующего сената». Однако практика пошла по пути признания аналогии преступления¹.

Система наказаний по Уложению 1845 г. была сложной и громоздкой и представляла собой так называемую лестницу наказаний. Было установлено 12 родов наказаний, разделенных на 38 степеней. Сама идея лестницы наказаний была не нова (она уже использовалась при создании Проекта уложения 1813 г.), изменилось лишь количество степеней лестницы. Уложение о наказаниях сохранило телесные наказания (были отменены кнут и рвание ноздрей). В Приложениях «под именем наказаний телесных» определялись следующие виды: наложение клейм, наказание плетьюми, наказание шпицрутенами; наказание палками, наказание розгами, заключение в оковы. При этом отдельно предусматривались наказания для лиц, изъятых от телесных наказаний, и для лиц, не изъятых от телесных наказаний, что указывало на словный характер системы. По существу, было создано две лестницы наказаний. Приложения определяли категорию лиц, изъятых от телесных наказаний. К ним относились: дворяне потомственные, личные, иностранные, духовенство Православной церкви; священнослужители других христианских вероисповеданий, высшее исламское духовенство; жены, вдовы и дети священнослужителей; почетные граждане, купцы первой и второй гильдии, их жены, вдовы и дети; вдовы потомственных и личных дворян, даже если они вышли замуж за лиц, «не пользующихся правами дворянства»; учащиеся технологического института; лица, окончившие курс при гимназиях и реальных училищах; некоторые категории лиц, получивших образование; нижние офицерские чины со знаками отличия; а также категория лиц, изъятых от телесных наказаний «только во время пребывания в должности».

Все наказания делились на общие (назначались за любые преступления), особенные (за проступки по службе) и исключительные (имелись только в Особенной части). Общие наказания подразделялись на главные, дополнительные и заменяющие. Главные могли быть уголовными (они сопровождалось лишением всех прав состояния) или исправительными (ст. 18). Самым тяжким наказанием Уложения являлось лишение всех прав состояния и смертная казнь. Лишение всех прав состояния означало поражение сословных, служебных, семейственных и имущественных прав. Поражение сословных прав сопровождалось потерей потомственного или личного дворянства, духовного сана; для почетных граждан и купцов первой и второй гильдии – потерей доброго имени, прав и чинов; для людей прочих состояний – потерей доброго имени (ст. 24). Лишение всех прав состояния также всегда влекло лишение почетных титулов, орденов и прочих знаков отличия с отображением грамот,

¹ См.: Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1873. С. 99–103.

дипломов, патентов и аттестатов (ст. 25). Статья 28 устанавливала принцип нераспространения лишения прав состояния на жену и детей осужденного. Это касалось даже тех случаев, когда они добровольно следовали за осужденным на место его ссылки. Однако статья содержала некоторые ограничения: жены и дети осужденных могли следовать за ними «лишь по необходимости в случаях особенно важных и не иначе как по усмотрению и распоряжению высшего начальства». Лишение всех прав состояния предшествовало смертной казни, ссылке на каторжные работы, на поселение в Сибирь и на Кавказ. Для лиц, не изъятых от наказаний телесных, предусматривалось публичное наказание плетьюми. Уже сама по себе принадлежность к группе не изъятых от телесных наказаний усиливала наказание. Виды смертной казни не определялись (ст. 20).

Вторым по тяжести наказанием было лишение прав состояния и ссылка в каторжные работы; для людей, не изъятых от телесных наказаний, предусматривалось публичное наказание от 30 до 100 ударов плетьюми с наложением клейм.

Уложение определяло два вида каторги – бессрочную и срочные каторжные работы (ст. 21). Бессрочная каторга назначалась очень редко (например, за отцеубийство (ст. 1920), убийство, совершенное повторно (ст. 1921) и т. д.). Бессрочная каторга назначалась в рудниках, срочные каторжные работы – в рудниках, крепостях и заводах.

Третьим по тяжести наказанием являлось лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь¹; для лиц, не изъятых от телесных наказаний, публичное наказание от 10 до 30 ударов плетьюми, но без наложения клейм. Ссылка на поселение в Сибирь имела две степени (ст. 22): 1) «ссылка на поселение в отдаленнейших местах Сибири; наказание плетьюми от 20 до 30 ударов»; 2) «ссылка на поселение в местах Сибири, не столь отдаленных; наказание плетьюми от 10 до 20 ударов».

К ссылке на Кавказ приговаривались лишь за некоторые (особые) роды преступлений²: за преступления против православной церкви – ереси и бродяжничество (ст. 19, 23).

Уложение определяло последствия осуждения в каторжные работы и в ссылку, заключающиеся в потере прежних прав семейственных и прав собственности. Кроме того, по истечении срока каторги предписывалось поселение в Сибири навсегда (ст. 29, 30). Потеря прав семейственных состояла в прекращении прав супружеских, за тем лишь исключением, когда супруга осужденного добровольно следовала за ним на место ссылки. Супруги, не последовавшие за осужденными, могли просить духовное начальство о расторжении

¹ См.: *Фойницкий И. Я.* К вопросу о ссылке в Сибирь // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. № 2. С. 114.

² См.: *Жижин В. Д.* Ссылка в России // ЖМЮ. 1900. № 1. С. 43.

брака. В случаях, если осужденные были прощены или признаны невинными и возвращены на прежнее место жительства, а супруги не просили о расторжении брака, эти браки признавались оставшимися в силе. Помимо этого, потеря прав семейственных состояла в прекращении родительской власти, а также в прекращении всех прочих прав, основанных на родственных связях (ст. 31). Вследствие потери прав собственности все прежнее имущество осужденного в каторжные работы или ссылку поступало к его законным наследникам (ст. 32). Распоряжение состоянием осужденных в каторгу или ссылку на поселение осуществлялось на основе особых постановлений (ст. 33).

Статьи 34–60 определяли исправительные наказания, которые подразделялись по тяжести на семь родов, а роды – на степени и меры. Так же, как и при определении уголовных наказаний, для непривилегированных сословий применялись телесные наказания¹. Первые два рода наказаний предусматривались для привилегированных и непривилегированных сословий. По отношению к первым закреплялись: 1) «ссылка на поселение в Сибирь, с временным, в определенном для его (осужденного. – *Авт.*) жительстве месте, заключением или без оногo»; 2) «ссылка на житье в другие, кроме сибирских, более или менее отдаленные губернии». Представители непривилегированных классов приговаривались: 1) к отдаче на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства с наказанием розгами от 50 до 100 ударов; 2) заключению в рабочем доме. Оба рода наказания сопровождалась потерей всех особенных прав и преимуществ, касающихся как личности виновного, так и его состояния.

Наказание в виде ссылки на житье в Сибирь, а также другие виды исправительных наказаний (ст. 35–41) имели несколько степеней. Лишение всех особенных прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию присвоенных, являлось дополнительным для исправительных наказаний. Оно заключалось в лишении всех прав, кроме имущественных и семейных.

В ст. 46 приводится перечень лишения почетных титулов, дворянского звания, чинов и других знаков отличия и поражения в правах после освобождения от наказания: невозможности вступать в государственную и общественную службу, записываться в гильдии и т. д. Лишение лишь некоторых особенных прав и преимуществ, лично или по состоянию присвоенных, также являлось дополнительным наказанием. Осужденный сохранял свои имущественные и семейные права, сословное звание, чины, ордена, но лишался права участия в выборах и права быть избранным; дворянин не имел более права вступать в государственную службу, священнослужители теряли свой сан.

Статья 49 Уложения указывала, что «лишение особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ также не распространяется ни на

¹ См. об этом: Свод мнений и замечаний по вопросу об отмене наказаний телесных. Б. м., б. г. С. 124; *Шишкин Р. О.* телесных наказаниях в связи с началом наказания вообще // Юридический вестник. 1860–1861. № 10. С. 53.

жену, ни на детей осужденного, прижитых прежде осуждения». Закон устанавливал особый полицейский надзор для лиц, отбывающих ссылку или освобожденных из мест заключения (ст. 46, 50, 51, 54). Остальные пять родов исправительных наказаний были общими: 1) заключение в крепости; 2) заключение в смирительном доме; 3) заключение в тюрьме; 4) кратковременный арест; 5) выговоры в присутствии суда; замечания и внушения; денежные взыскания. Заключение в крепость и смирительный дом в наиболее тяжелых случаях влекли за собой лишение некоторых прав¹.

Уложение о наказаниях определяло пять видов мест лишения свободы: заключение в крепости, заключение в тюрьме, заключение в домах рабочих и смирительных, исправительные и арестантские роты гражданского ведомства; кратковременный арест. Также Уложение предусматривало использование труда осужденных (ст. 48, 55, 56, 58). При этом многие статьи Уложения носили сословный характер. Например, ст. 58, в которой говорилось, что осужденные на заключение в тюрьме мещане и крестьяне могли привлекаться к работам по распоряжению местного начальства, в то время как осужденные всех других состояний могли заниматься работами лишь по собственному желанию. По ст. 59 «осужденные на кратковременный арест лица, изъятые по закону от наказаний телесных, содержатся в тюрьме; не изъятые же от сих наказаний – в назначенных для сего помещениях при полиции».

Кроме этого, дворяне и чиновники, присуждаемые к наказанию кратковременным арестом, могли быть подвергнуты этому аресту или в тюрьме, или на военной гауптвахте, или по месту жительства, или по месту службы (ст. 60).

Как к уголовным, так и исправительным наказаниям в качестве дополнительных наказаний присоединялось церковное покаяние, а также в определенных законом случаях предусматривалась конфискация имущества. К некоторым исправительным наказаниям добавлялись: опубликование имени осужденного в Сенатских ведомостях, воспрещение жительства в столицах, отдача под особый надзор полиции и т. п. (ст. 61). Примечание к ст. 61 разрешало применение многих исправительных наказаний без рассмотрения дела в суде.

Во втором отделении второй главы Уложения устанавливался порядок возмещения причиненных преступлением убытков, вреда и обиды. Виновные в преступлении, в результате которого были причинены вред, обида или убытки, должны были возместить этот вред, обиду или убытки из собственного имущества либо из сумм, заработанных ими в местах лишения свободы (ст. 62–66). Подробные правила о применении общих начал о вознаграждении, описываемых в ст. 62–66, решались законами гражданскими. В ст. 67–71

¹ См.: *Филиппов О.* Мотивы русских исправительных наказаний // *Эпоха.* 1865. № 1. С. 7; № 2. С. 4–10.

Уложение определяло особенные наказания за преступления и проступки по службе: а) исключение со службы; б) отрешение от должности; в) вычет из времени службы; г) удаление от должности; д) перемещение с высшей должности на низшую; е) выговор с внесением или без внесения в послужной список; ж) вычет из жалования; з) замечание (ст. 67). Исключенный из службы лишался прав вступать в какую-либо государственную службу, участвовать в выборах и быть избираемым в должности по назначению дворянства, городов и селений. Эти наказания следовали как по судебному приговору, так и по распоряжению непосредственного начальства. Примечание к ст. 71 давало дополнительное право администрации применять временный арест не более чем на семь дней.

Уложение о наказаниях также закрепляло порядок замены одних наказаний другими (ст. 72–95). Так в ст. 73 говорилось о замене смертной казни политической смертью. Свод законов выделял этот вид наказания, Уложение же не включало политическую смерть в перечень основных наказаний. Каторжные работы в рудниках могли быть заменены по распоряжению правительства каторжными работами в крепостях. Статьи 75, 76, 78 смягчали наказание для женщин, которым каторга заменялась работами на заводе, но с увеличением срока; престарелым, достигшим 70 лет, вместо каторги вменялось поселение в Сибири; для лиц, освобожденных от телесных наказаний, ссылка на поселение в Сибирь заменялась на военную службу в качестве рядовых. Такая же замена была возможна и для лиц, приговоренных к поселению на Кавказ. Если виновные были судимы военным судом, то вместо наказания плетьюми они могли подвергнуться наказанию шпицрутенами. Для лиц низших сословий Уложение предусматривало возможность замены заключения в тюрьмах или смирительных домах в случаях кратковременного ареста. Происходило это по различным основаниям: из-за отсутствия мест лишения свободы (ст. 84, 86) или когда заключение в тюрьме могло подвергнуть осужденного разорению и лишению средств к пропитанию его семейства (ст. 87).

Священнослужители и церковнослужители отбывали наказание по распоряжению своего начальства (ст. 91). Осужденные, не способные заплатить всего или части денежного взыскания, заключались в тюрьму или отдавались в общественные работы, и заработанные ими деньги шли в уплату долга (ст. 90). Преступники, одержимые неизлечимыми болезнями, не подвергались телесным наказаниям. Роды и виды этих болезней определялись Приложением II к Уложению (ст. 93). Для лиц низших сословий, состоящих на службе, предусмотренные законом наказания заменялись телесными наказаниями или отдачей в солдаты (ст. 92). Для лиц, изъятых от телесных наказаний не по сословным привилегиям, а по специальным постановлениям, телесные наказания заменялись отдачей в арестантские роты или рабочие дома, либо заключением в смирительном доме или тюрьме, либо другими наказаниями (ст. 94, 95).

В целом, Общая часть Уложения отразила прогрессивные тенденции развития уголовного права и была юридически наиболее совершенной¹. Однако уровень юридической техники всего Уложения нельзя оценить однозначно. Многие исследователи отмечали невыработанность терминологии, казуальность, не преодоленную уголовным законодательством пробельность. Указания на эти недостатки были предметом критики уже с 60-х гг. XIX в.² В то же время многие вопросы Общей части были детально разработаны, законодатель максимально использовал современные теоретические достижения науки уголовного права.

Особенная часть *Общая часть* состояла из 11 разделов и определяла систему преступлений. Девять разделов были посвящены охране общественно-политического строя. На первом месте, как и прежде, находились преступления против веры (разд. II), на втором – государственные (разд. III), на третьем – преступления и проступки против порядка управления (разд. IV), на четвертом – должностные преступления (разд. V). Далее шли преступления и проступки против постановлений о повинностях государственных и земских, преступления и проступки против имущества и доходов казны; преступления и проступки против общественно-го благоустройства и благочиния; преступления и проступки против законов о состояниях, преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц; преступления против прав семейственных; преступления и проступки против собственности частных лиц.

В разделе втором Уложения о наказаниях уголовных и исправительных содержалось 80 статей, посвященных преступлениям против веры. В нем устанавливалась уголовная ответственность за преступления чисто религиозные (богохуление и порицание веры, отвлечение и отступление от веры, оскорбление святыни, совращение) и преступления смешанного характера (убийство и оскорбление священнослужителей, святотатство, разрытие могил и лжеприсягу). Уже первые главы Уложения о преступлениях против веры требовали серьезного пересмотра³. Уложение не содержало никаких определений о том, что такое ересь, раскол, старообрядчество, приверженцам которых запрещалось публичное отправление богослужений и постройка церквей. Кроме того, в отдел преступлений против веры было помещено много преступлений, имеющих полицейский характер (например, ст. 214 предусматривала издание старопечатных книг не в Московской типографии). Сам характер наказаний, назначаемых за преступления против веры, отличался непомерной строгостью в сравнении с уголовными законами вообще. Например, кража какого бы то ни было имущества, даже последней копейки у нищего,

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1998. Т. 6. С. 310.

² См.: Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. СПб., 1880. Т. 2. С. 3.

³ Там же. С. 202.

наказывалась простой тюрьмой без ограничения прав, а за кражу церковного имущества следовало лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы.

Богохуление и порицание веры могло быть учинено в церкви, публичном месте, многолюдном собрании или при свидетелях. Богохуление проявлялось в брани, грубых высказываниях относительно религиозных представлений, перечисленных в ст. 182. Наибольшую опасность заключало в себе богохуление, совершенное в церкви в устной форме. В этом случае предусматривалось лишение всех прав состояния, каторжная работа в рудниках сроком на 12–15 лет, наказание плетью с наложением клейм (ст. 182). Такому же наказанию подлежали те, кто совершал богохуление при свидетелях. При этом большое значение имела цель преступления – «поколебать... веру или произвести соблазн» свидетелей, которые обязательно должны были быть христианами (ст. 183). Богохуление, совершенное в письменном или печатном виде, наказывалось значительно мягче: виновный лишался всех прав состояния, ссылался на поселение в отдаленнейшие места Сибири и подвергался телесным наказаниям. Это объясняется тем, что население России в основной своей массе было малограмотным. Богохуление в публичном месте влекло каторжные работы на заводах от 6 до 8 лет и телесные наказания с наложением клейм (ст. 184). Оскорбившие святыню без умысла, «а единственно по неразумению, невежеству или пьянству» наказывались заключением в смиренном доме или в тюрьме. Свидетель, который не донес о хулителе веры, подвергался заключению в тюрьму или аресту (ст. 185–186). Аналогичное наказание следовало и за кощунство или язвительные насмешки, доказывающие явное неуважение к обрядам православной церкви (ст. 188). Статья 189 запрещала распространять «писанные, гравированные, резные или отлитые в соблазнительном виде иконы». При этом учитывалось, был ли умысел поколебать уважение к святыне. Если «злого намерения» не было, преступление наказывалось значительно мягче (ст. 189). Господствующей религией в России было православие. Среди вероучений, закрепленных в Уложении, выделялись другие христианские религии (католицизм, протестантизм, армяно-грегорианское учение); ереси, расколы и нехристианские религии (мусульманство, иудейство, буддизм).

Переход из православия в нехристианскую веру считался наиболее тяжким преступлением. Виновные приговаривались к лишению всех прав состояния, ссылке в каторжные работы сроком от 8 до 10 лет, наказанию плетью с наложением клейм. Если переход сопровождался насилием, то он влек за собой каторжные работы в рудниках от 12 до 15 лет и наказание плетью с наложением клейм. Отступившие от православия или другого христианского учения отсылались к духовнику своей веры, а их имение отдавалось в опеку (ст. 190–191). Переход из православия в другие христианские религии влек за собой лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав

и преимуществ, ссылку на житье в Тобольскую или Томскую губернии, наказание розгами, отдачу в исправительные арестантские роты гражданского ведомства от 1 до 2 лет. Наряду с этим, Уложение устанавливало ответственность за воспитание детей иноверных родителей «по обрядам другого христианского исповедания» или «не в христианской вере». Родители наказывались лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение в отдаленнейших местах Сибири либо заключением в тюрьме от 1 до 2 лет (ст. 192, 198). Евреям, которые держали у себя в услужении христиан, назначалось наказание в виде штрафа (ст. 193, 194).

Священнослужители других христианских вероисповеданий за отступление от веры подвергались удалением от места до 1 года в первый раз, лишению духовного сана и отдаче под надзор полиции во второй раз; за совершение преступления по неведению следовал строгий выговор (ст. 201). Такому же наказанию подлежали священники иностранных христианских исповеданий за преподавание катехизиса малолетним православным, внушение им противных православию понятий или за обращение их в свою веру (ст. 201–205).

В начале XIX в. правительство и православная иерархия перешли к признанию старообрядческой веры, но с приходом к власти Николая I усилились гонения на представителей религиозных сект, что привело к увеличению ересей и расколов. По подсчетам П. И. Мельникова, в середине XIX в. в России было около 12 млн раскольников, а по данным В. Д. Бонч-Бруевича, в начале XX в. уже 20 млн раскольников и 6–7 млн сектантов. Правовое положение раскольников и сектантов регулировалось долгие годы не публиковавшимися постановлениями. Неизвестное широкому кругу «Собрание постановлений по части раскола», впервые опубликованное в 1875 г., насчитывало более 750 актов, не вошедших ни в Свод, ни в Полное собрание¹.

Распространение, призыв к ереси наказывались лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение. Те виновные, которые вместо поселения отдавались в рядовые, не получали ни отпусков, ни отставки – наказание было бессрочным, то есть до возвращения в православие или пожизненным (ст. 208–209). Эти статьи применялись только к распространителям ересей и раскола среди православных; соращение в ересь среди неправославных законом не преследовалось.

Уложение устанавливало уголовную ответственность за сам факт принадлежности к изуверским сектам, к которым относились проповедовавшие посягательство на свою жизнь или жизнь других, членовредительство, явно безнравственные действия. В случае, когда в результате действия этих сект совершалось убийство или покушение на убийство, виновные подвергались наказаниям, определенным за убийство с обдуманном намерением (ст. 212).

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. С. 336, 348.

Лица, перешедшие из раскола в православие, освобождались от наказания и возвращались к месту прежнего жительства. Если они затем вновь впадали в ересь, то ссылались на поселение безвозвратно (ст. 213).

Издание старопечатных духовных книг считалось распространением ереси и наказывалось в первый раз денежным штрафом, а в последующие случаи следовало тюремное заключение до 6 месяцев и изъятие книг (ст. 214). Заключение в тюрьме от 1 года до 2 лет назначалось за «заведение раскольниковых скитов... построение новых и починку старых... для службы и моления по раскольниковым обрядам зданий... церковей, часовень или молитвенных домов... за обращение крестьянских изб в публичные молельни» (ст. 215).

Родители и опекуны, допустившие участие малолетних в духовных обрядах по «жидовской ереси», подлежали лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленнейшие места Сибири, а дети отдавались в военные кантонисты (ст. 209). Если еврей добровольно возвращался в места, где была «жидовская ересь», то он приговаривался к наказанию розгами от 20 до 40 ударов и отдаче в военную службу рядовым бессрочно или ссылке на поселение на Кавказ. Давший пристанище возвратившемуся еврею подвергался денежному штрафу, затем его имение бралось в опеку. Крестьяне наказывались арестом до 3 месяцев, розгами (до 30 ударов) либо тюремным заключением сроком до 1 года (ст. 216–217).

Новообращенные в православную веру, православные, нарушавшие уставы церкви, родители, не приводившие малолетних (начиная с 7-летнего возраста) к исповеди, передавались под наблюдение духовного и местного начальства (ст. 218–220).

За сбор денег на церковные строения без разрешения духовного начальства следовал денежный штраф. Эти деньги посылались в приказ общественно-го призрения (ст. 221).

К преступлениям смешанного характера относились оскорбление святыни, духовных лиц во время священнослужения, умышленное убийство священника во время службы, нарушение благочиния в церквях. Эти преступления влекли за собой лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на рудниках на срок от 12 до 15 лет либо бессрочно с наказанием плетьюми и наложением клейм (ст. 223, 225). Нарушение богослужения умышленно, сопровождаемое побоями или другими насильственными действиями против священнослужителей, каралось лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение в отдаленнейшие места Сибири (ст. 224). За оскорбление священнослужителей во время службы следовало заключение в смирительном доме до 1 года или тюрьма до 6 месяцев.

Тюремному заключению подвергались и лица иностранных вероисповеданий, намеренно оскорбляющие православную веру (ст. 229). Денежный штраф и арест предусматривался за нарушение благочиния в церквях (появление в пьяном виде, крик, шум, хохот, занятие неположенного места

в церкви – ст. 231–236) или богослужения вне церкви (учинение игрищ, музыки, плясок, конских скачек, пение песен или попытку «причинить оному (богослужению – *Авт.*) помешательство» (ст. 237–240).

Глава четвертая раздела второго устанавливала ответственность за святотатство, разрытие могил и ограбление мертвых тел.

Уложение, так же как и Свод законов, включило святотатство в группу религиозных преступлений. Под святотатством понималось всякое похищение церковных вещей и денег из церквей, часовен, ризниц, постоянных и временных церковных хранилищ, даже если они находились вне церковных строений. Наказание увеличивалось, если преступление было совершено с оскорблением святыни, насильственными действиями, взломом. Таким образом, суть данного преступления состояла в похищении из помещений церкви церковной собственности (ст. 241). Святотатством также признавалось похищение священных предметов, не находившихся в церкви (ст. 253). На основании постановлений 1847, 1851 гг. в текст Уложения (т. 15 Свода законов 1857 г. изд.) было включено примечание, в котором перечислялись священные, освященные и неосвященные предметы католической, армяно-грегорианской церковью и освященные и неосвященные предметы протестантских церквей. За кражу священных и освященных предметов полагалась высшая мера наказания (ст. 241–255). Неклюдов Н. А. в «Руководстве к особенной части» замечает, что составители Уложения заявили свою несостоятельность относительно номенклатуры священных и освященных предметов. Указав в виде примера несколько предметов в каждой группе, составители отказались перечислить остальные и отделались от «докучливости любопытных» словами «и т. п.». Например, святая вода отнесена в римско-католической религии к предметам священным и не отнесена ни к одной из групп в религии православной, то есть взявший воду из купели православной не будет судим, а взявший воду из купели католической может быть отправлен на 8 лет в каторжную работу. Подобный абсурд объясняется только тем соображением, что составители буквально переписали в Уложение те предметы, которые в данной церкви отнесены к разряду священных.

Разрытие могил с целью ограбления или поругания над погребенными наказывалось лишением всех прав состояния, ссылкой в каторжные работы в крепостях сроком от 10 до 12 лет, наказанием плетью с наложением клейм. Каторга заменялась поселением в Сибири, если могила была разрыта для совершения суеверных действий. Если же преступление учинено без умысла («по шалости или в пьянстве»), то виновный подлежал заключению в смиренном доме до года. Во всех случаях истребивший или повредивший надгробные памятники либо могилы обязывался исправить их за свой счет. Похищение памятника или находившихся на нем украшений квалифицировалось как воровство-кража (ст. 256–257). Лжеприсяга считалась самостоятельным преступлением, если давалась с обдуманном намерением. При этом

виновный лишался всех прав состояния, ссылался в Сибирь на поселение и подвергался наказанию плетьюми. Лжеприсяга, данная с умыслом, в подтверждение своего по уголовному делу свидетельства влекла каторжные работы в крепостях от 8 до 10 лет, наказание плетьюми с наложением клейм. Различалась лжеприсяга, данная без обдуманного намерения, «по замешательству в трудных обстоятельствах», по «слабости разумения о святости присяги». Лица, учинившие лжеприсягу и не подвергшиеся наказанию, предавались церковному покаянию (ст. 258–262).

Раздел третий Уложения «О государственных преступлениях» включал в себя главы «О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома» и «О бунте против власти верховной и государственной измене». Он основывался на разделе третьем т. 15 Свода законов «О преступлениях государственных» по первым двум пунктам: 1) злоумышление против священной особы императорского величества и членов императорского дома и поношение императорского величества злыми и вредительными словами; 2) бунт и измена против государя и государства. При этом составители Уложения попытались учесть опыт политических репрессий против декабристов и участников национально-освободительного движения. Несмотря на попытки преодолеть архаизм формулировок Свода законов и сформулировать основные составы государственных преступлений юридически более точно, все-таки осталось заметным влияние на текст Уложения предыдущего законодательства: Соборного уложения 1649 г., Артикула воинского и др. Составителям Уложения не удалось объединить в один раздел все составы государственных преступлений¹.

В качестве наказания за государственные преступления Уложение применяло лишение всех прав состояния и смертную казнь; лишение всех прав состояния и каторжные работы; ссылку в отдаленнейшие места Сибири; для лиц, не изъятых от телесных наказаний – наказание плетьюми с наложением клейм. Статья 277 устанавливала в качестве наказания конфискацию всего родового и благоприобретенного имущества.

Глава первая предусматривала ответственность за преступления, направленные на жизнь, здоровье, честь императора, попытки лишить его верховной власти или ограничить ее (ст. 263), однако составы преступлений были сформулированы недостаточно четко. Нельзя не согласиться с мнением В. М. Клеандровой², что причина скрыта не в низком уровне законодательной техники, а в стремлении обеспечить в случае необходимости широту и свободу судебно-административных репрессий. По группе государственных преступлений Уложение закрепляло наказание за все стадии совершения преступления: умысел, приготовление и покушение. Статья 264 определяла ответственность за так называемый «голый умысел», который был хорошо известен

¹ См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 175.

² Цит. по: Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. С. 350.

предыдущему законодательству. Наравне с главными виновными карались все соучастники государственных преступлений: сообщники, пособники, подговорщики, подстрекатели или попустители, а также укрыватели виновных и недоносители, которые, зная и имея возможность донести о злоумышлении, не выполнили свои обязанности. Тем же наказаниям подвергались лица, совершившие деяния относительно наследника престола, супруги государя и других членов императорского дома.

Статья 267 устанавливала ответственность за новый состав преступления: составление и распространение письменных или печатных сочинений или изображений с целью возбудить неуважение к верховной власти. Все соучастники наказывались одинаково: лишением всех прав состояния и каторжной работой в крепостях сроком от 10 до 12 лет, наказанию плетьюми с наложением клейм. Виновные в составлении сочинений или изображений, но не изобличенные в их распространении, наказывались как за преступный умысел.

К группе государственных преступлений было отнесено и словесное оскорбление императора (ст. 268). Этот состав преступления был и раньше известен российскому законодательству со времен Артикула воинского. Появился и новый состав – повреждение портретов и изображений императора. Виновные подлежали лишению всех прав состояния и каторжной работе. Значительно мягче наказывался виновный, находившийся в пьяном состоянии, если он действовал без умысла. Ответственности за это преступление также подлежали попустители и недоносители (ст. 269).

Глава вторая раздела устанавливала наказание за бунт против верховной власти и за государственную измену. Статья 271 предусматривала уголовную ответственность за преступления, которые были отнесены к наиболее тяжким государственным преступлениям: восстание, заговор против государя и государства, намерение свергнуть правительство, императора, переменить образ правления и порядок наследования престола. Уложение под бунтом понимало «восстание скопом», подготовленное тайно, с использованием оружия (ст. 271). Виновные подвергались лишению всех прав состояния и смертной казни. То же наказание назначалось недоносителям. Статья 272 устанавливала смягчающие обстоятельства данных преступлений: если злоумышление было раскрыто правительством заранее и не произошло никаких вредных последствий, то виновные вместо смертной казни подлежали ссылке в каторжные работы в рудниках на срок от 12 до 15 лет или в крепостях от 10 до 12 лет.

Суровое наказание предписывалось за составление и распространение письменных или печатных объявлений, воззваний или сочинений с целью возбуждения бунта и неповиновения верховной власти. Объектом посягательства данного преступления являлся политический строй, форма правления. Статья 273 предусматривала равное наказание за письменную и устную антиправительственную пропаганду. В ст. 275, 276, 278–282 Уложение 1845 г. устанавливало ответственность за государственную измену как оказание

помощи неприятелю. Этому была посвящена важнейшая часть ст. 275. В отличие от предыдущего законодательства уголовная ответственность наступала и за изменнические действия, совершенные в мирное время. За указанные деяния, а также за шпионаж в военных условиях полагались лишение всех прав состояния и смертная казнь. Лица, виновные в передаче государственной тайны «невраждебным державам» в мирное время, приговаривались к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири (ст. 278). Также Уложение устанавливало ответственность за тайную переписку с подданными «неприятельских государств» без намерения нанести вред своей стране и ее интересам. Впервые в истории российского законодательства появился и состав преступления, предусматривавшего ответственность за действия, которые могли привести к разрыву дипломатических связей с дружественными государствами (ст. 281, 282).

Следует отметить, что государственные преступления в Уложении не получили достаточно четкого юридического определения. Наказания зачастую не соответствовали тяжести совершенного преступления и мере соучастия отдельных лиц в преступлении. Например, виновные в составлении сочинений и изображений с целью возбудить неуважение к верховной власти, но не распространявшие их, приговаривались к заключению в крепости до 4 лет с лишением некоторых особых прав и преимуществ. А имевшие у себя такие сочинения и изображения подвергались аресту от 7 дней до 3 месяцев (ст. 267).

Четвертый раздел Уложения «О преступлениях и проступках против порядка управления» содержал следующие главы: «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оною властям», «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности», «О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг», «О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков», «О взломе тюрем, уводе и побеге находящихся под стражей или надзором», «О тайных обществах и запрещенных сходбищах», «О недозволенном оставлении отечества». Раздел включал в себя разные по значимости и степени опасности составы преступлений. Свод законов не очень четко формулировал преступления против порядка управления, тогда как Уложение о наказаниях значительно улучшило их систему, но и здесь осталась масса недостатков. Например, в главе об ответственности за создание тайных обществ преступления, которые угрожали общественно-политическому строю, находились после глав о похищении бумаг, взломе тюрем, а не в самом начале раздела.

Глава первая «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оною властям» определяла наказания за массовые беспорядки, противодействие исполнению постановлений государственных

органов и должностным лицам, подстрекательство к противодействию и сопротивлению властям. Каторгой и лишением всех прав состояния наказывалось сопротивление как вооруженное, так и невооруженное, совершенное с насилием и беспорядками и без насильственных действий. Лица, не освобожденные от телесных наказаний, подвергались наказанию плетью без определения числа ударов со ссылкой на ст. 21 Общей части Уложения и наложению клейм. Наиболее строг закон был в отношении к главным виновным в преступлениях, совершенных без предварительного согласия, а также к зачинщикам и подговорщикам в заранее подготовленных преступлениях. Они приговаривались к лишению всех прав состояния и каторжным работам (ст. 283–287). Остальные участники наказывались значительно мягче: они подлежали лишению всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и ссылке на житье в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 3 лет, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты на срок от 4 до 6 лет или заключению в смирительном доме на срок от 6 месяцев до 1 года. Таким образом, разница в наказаниях была довольно значительной, а нечеткость формулировок закона и неопределенность санкций давала широкие возможности для выбора вида репрессий. К восстаниям против властей были отнесены и всякие возмущения крестьян и дворовых людей против помещиков или против волостных и общественных управлений (ст. 288). Если восстание против властей для достижения своих целей сопровождалось убийством или поджогом, то зачинщики и участники подвергались тяжкому наказанию – лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу в рудниках бессрочно. Лица, не изъятые от телесных наказаний, наказывались плетью с наложением клейм (ст. 289). Статья 290 освобождала от наказания участников восстания против властей, подчинившихся требованию прекратить волнения, но зачинщики и подговорщики не попадали под действие первой части данной статьи. Они приговаривались к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, ссылке на житье в Томскую или Тобольскую губернии, наказанию розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет (ст. 290).

Устанавливалось наказание за сопротивление исполнению судебных или иных государственных чиновников. При этом тяжесть наказания зависела от того, было ли сопротивление вооруженным или сопряжено с насилием, была ли угроза насилия реальной в отношении чиновника. Виновные могли быть подвергнуты наказанию в зависимости от степени вины – от лишения всех прав состояния до тюремного заключения на срок от 3 месяцев до 2 лет (ст. 291–293).

Уложение закрепляло ответственность за противодействие и сопротивление властям путем распространения писем, сочинений, ложных слухов или устных выступлений. В зависимости от наступивших от деяния последствий, закон назначал наказания от лишения всех прав состояния и каторжных работ до ареста или выговора в присутствии суда (ст. 296–297).

Глава вторая «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отпращивании должности» содержала статьи, свидетельствующие о возросшей (по сравнению с предыдущим законодательством) уголовно-правовой охране бюрократического аппарата России. Правительство рассматривало данные преступления «как явное восстание против порядка управления», поэтому они были помещены в раздел о преступлениях против порядка управления.

За порчу, повреждение или искажение правительственных указов в зависимости от того, было ли деяние совершено с умыслом или в пьянстве и по невежеству, полагалось наказание от лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение с наказанием плетьюми через палачей до заключения в тюрьме на срок от 3 до 6 месяцев, или ареста до 3 недель, или штрафа до 20 рублей (ст. 301). Как тяжкое преступление против порядка управления квалифицировалось повреждение, порча гербов, официальных надписей, памятников (ст. 302–303). Значительно мягче – арестом или денежным штрафом – наказывалась порча и истребление объявлений местного начальства или полиции (ст. 304).

Устанавливалось наказание за составление и распространение писем, сочинений, содержащих оскорбительные суждения относительно действий чиновников или недозволенные суждения о правительственных учреждениях (ст. 305–307). Кроме того, оскорбительные действия могли выражаться в письменной или устной форме относительно деятельности правительственного учреждения. Наказуемые деяния совершались либо умышленно, либо в пьяном виде. В качестве наказания предусматривались штраф и арест, при отягчающих обстоятельствах следовала ссылка в Сибирь на поселение с лишением всех прав состояния или ссылка в Тобольскую или Томскую губернии. Лица, не изъятые от телесных наказаний, подвергались наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты (ст. 309–316).

В главе «О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг» закреплялась ответственность за составление подложных указов, манифестов, грамот, рескриптов, исходящих от правительства и императора, их подчистку, поправку, использование в преступных целях. Виновный подлежал суровому наказанию – лишению всех прав состояния, ссылке на каторжные работы в рудниках бессрочно, наказанию плетьюми с наложением клейм. Даже если преступник не воспользовался подложным документом, он лишался всех, как лично, так и по состоянию присвоенных ему особенных прав и преимуществ. Каторга заменялась ссылкой на житье в Томскую или Тобольскую губернии, дополнительно следовало наказание розгами и отдача в исправительные арестантские роты сроком до 4 лет. Не так строго наказывались подделка, подчистка, исправление указов Сената, официальных бумаг министерств, губернских правлений, правительственных и судебных учреждений. Субъектом

преступления по всем статьям закон указывал частных лиц (ст. 319–322). Уложение посвятило подлогу более 50 статей. Такая масса законоположений не только не облегчала правосудия, а напротив, затрудняла правильное применение закона. В Уложении отсутствовало правильное определение подлога письменных актов и документов. Составители Проекта Уложения не могли дать такого определения потому, что они распространили понятие подлога не только на бумаги и письма, не имеющие юридического значения, но даже на вещи и на неверное сообщение на словах или на письме¹. Неклюдов Н. А. также отмечал чрезмерную строгость назначаемых за подлог наказаний. Достаточно привести в пример подлог именных указов, влекущий за собой каторгу без срока, и на подлоги в официальных и нотариальных актах, за которые следовали наказания, доходящие до лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение.

Попытка присвоения власти государственной или судебной, когда действие не содержало другого состава преступления, наказывалась заключением в тюрьме до 1 года или денежным штрафом. В противном случае наказание устанавливалось по правилам совокупности. Субъектом данного преступления являлись частные лица, а не государственные чиновники (ст. 317–318).

Статьи 323–325 предусматривали ответственность за подделку штемпелей и печатей правительственных учреждений. Тяжесть наказания, так же как и при подделке государственных документов, зависела от большей или меньшей значимости подделанных печатей и штемпелей (государственная печать, печать судебного или правительственного места и т. п.). Фактически эти статьи очень близки по смыслу и содержанию статьям о подделке (подлоге) документов. Если в результате составления подложного указа невинное лицо понесло уголовную ответственность, то виновный приговаривался к тяжкому наказанию – лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в крепостях от 8 до 10 лет или заводах от 6 до 8 лет. Лица, не освобожденные от телесных наказаний, подвергались наказанию плетьюми с наложением клейм (ст. 326). Отметим, что закон усматривал тяжесть содеянного не в нанесении ущерба частному лицу, а в нарушении порядка управления. Этим и объясняется суровость наказания. Наказывалась, но значительно мягче, подделка справок, свидетельств о болезни, бедности, хорошем поведении (ст. 328). Статья 329 определяла наказание за разглашение служебной тайны. В случаях с особо тяжкими последствиями ответственность устанавливалась по ст. 1311².

¹ См.: Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб., Т. 4. С. 549–553.

² В статье 1311 назначалось наказание за публикацию без дозволения цензуры сочинений, изображений, принадлежащих к тем, о которых упомянуто в ст. 267, 273, 274, 296, 305–307, то есть о преступлениях государственных или против порядка управления.

Глава четвертая «О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков» регламентировала ответственность за разные по составу преступления: похищение и истребление официальных бумаг или вещественных доказательств, которые использовались при проведении следствия (ст. 330), истребление и повреждение печатей, поставленных по распоряжению правительства или судебных учреждений. Похищение другого имущества квалифицировалось как воровство-кража (ст. 331–332). Вторая часть рассматривала повреждение или истребление пограничных знаков, межевых указателей, определявших границы губерний, уездов с целью передачи части территории иностранному государству (ст. 333) как государственную измену; уничтожение или порча маяков, ограничительных знаков пароходства расценивались как покушение на чужое имущество. При этом закон требовал возмещения убытков (ст. 334). В качестве наказания предполагалось лишение всех прав состояния, ссылка на поселение или житье в Сибирь, телесные наказания, отдача в исправительные арестантские роты на разные сроки.

Глава пятая «О взломе тюрем, уводе и побеге находящихся под стражей или надзором» устанавливала ответственность за насильственное освобождение и увод заключенных; побег, совершенный с насилием, освобождение арестантов во время пересылки из одного места в другое; освобождение арестантами себя из-под стражи; побег заключенных из-под стражи. Все эти преступления влекли за собой тяжкие наказания – лишение всех прав состояния, срочные и бессрочные каторжные работы. Дополнительно для лиц, не изъятых от телесных наказаний, было предусмотрено наказание плетью с наложением клейм¹. Наказание увеличивалось, если преступление было совершено с убийством или поджогом (ст. 335–340).

Назначалось наказание в виде ареста до 6 месяцев лицам, состоявшим под надзором полиции и нарушившим административный режим (ст. 342–343). Укрывательство беглых или активное воспрепятствование властям в поимке беглого квалифицировались как преступления против порядка управления и карались соответственно. Наказание виновного зависело от тяжести наказания, наложенного на беглого преступника. Так, за укрывательство присужденного к каторге и поселению в Сибири, следовало лишение всех прав состояния, ссылка в Сибирь на поселение и телесные наказания (ст. 345–346).

Глава «О тайных обществах и запрещенных сходбищах» была посвящена ответственности за создание и участие в разного рода тайных обществах, как имевших своей целью подрыв существовавшего политического строя, так и не ставивших таких целей. Основатели и члены тайных обществ, образованных с целью подрыва существующего общественно-политического строя, наказывались как государственные преступники. За организацию тайных

¹ См.: Краинский Д. В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. Чернигов, 1912. С. 73.

обществ, не имевших «явно преступного направления» против спокойствия или целостности государства, но, тем не менее, запрещенных правительством, полагалось лишение всех прав состояния, ссылка в отдаленнейшие места Сибири и телесные наказания (ст. 347–348). Наказанию подвергалось и недонесение об этих обществах (ст. 348, 350). Предоставившие жилища для тайных собраний и сходбищ признавались членами этих обществ. Если же было доказано, что они не знали о цели этих собраний, то наказание значительно смягчалось (ст. 351). Имущество тайных обществ, собраний, сходбищ конфисковывалось и передавалось в приказ общественного призрения (ст. 352). Наказывались и те, кто нарушал порядок образования любого общества, не воспрещенного правительством и не имевшего цели «противной порядку, спокойствию, нравственности» (ст. 353).

Глава седьмая «О недозволенном оставлении отечества» устанавливала наказания за нарушение порядка выезда за границу. Поступление на службу к иностранному правительству или переход в иностранное подданство квалифицировалось как тяжкое преступление, наказывалось лишением всех прав состояния и вечным изгнанием из пределов России (ст. 354). Наказывались и лица, не вернувшиеся в Россию по вызову правительства. При этом, если они не могли привести уважительных причин задержки за границей, то их имение отдавалось в опеку (ст. 355–356). Подстрекательство к переселению за границу влекло за собой лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку на житье в Тобольскую или Томскую губернии, телесные наказания и отдачу в исправительные арестантские роты на срок до 2 лет. Более строго наказание следовало за подстрекательство к побегу военнослужащих или рекрутов (ст. 357).

Раздел пятый «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» устанавливал ответственность за должностные преступления и проступки. Уложение о наказаниях 1845 г. в отличие от предыдущего законодательства определило субъектом должностное лицо, хотя самого понятия должностного лица Уложение не давало. Использовались термины «виновный» (ст. 360, 361, 363, 365); «чиновник» (ст. 367, 368); «лицо, состоящее на службе государственной или общественной» (ст. 375, 401).

Глава первая формулировала ответственность за неисполнение указов, предписаний и законных по службе требований. Неисполнение именных повелений и высочайших указов императора с корыстными целями квалифицировалось как преступление против порядка управления и наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы в крепостях сроком от 10 до 12 лет. Если же деяние было совершено по легкомыслию и небрежности, то виновный отрешался от должности (ст. 358). Неисполнение указов и предписаний Правительствующего сената и других присутственных мест влекло удаление от должности, исключение из службы, строгий выговор и вычет из времени службы до 1 года. Если это делалось с корыстной целью,

то виновный подвергался ссылке на житье в Сибирь с заключением до 3 лет и потере всех особенных прав и преимуществ. В особо важных случаях виновный лишался всех прав состояния и ссылался в Сибирь на поселение (ст. 359–361). Тем же наказаниям подвергались те, кто по легкомыслию, небрежности или же с намерением не объявил «надлежащим порядком поступивших к ним или рассылаемых для обнародования указов и постановлений» или не привел в исполнение «вошедших в законную силу судебных решений» (ст. 362–364). В середине XIX в. распространение указов и манифестов осуществлялось Сенатом в основном для служебного пользования. Лишь с 40-х гг. XIX в. У населения появилась возможность приобретать отдельные экземпляры законов. Манифесты и указы с пометкой «Объявляется всенародно» должны были прочитываться во время службы в церквях, на площадях. Статьи 357–364 были призваны обеспечить своевременное исполнение указов правительства. Замечанием и выговором наказывались чиновники, которые не предоставляли вовремя справок, ответов, объяснений (ст. 365). В случаях особой важности или неоднократности упущений следовало отрешение от должности. Статья 366 устанавливала ответственность начальников за слабый контроль с их стороны за подчиненными.

Понятие превышения власти было сформулировано Уложением как необоснованное расширение прав, принадлежащих должностному лицу по закону, или присвоение прав, которые ему не могли быть представлены законом, или совершение действий без надлежащего разрешения начальства. Субъектом данного преступления считалось только должностное лицо, которое обладало властью (ст. 367). Противозаконным бездействием признавалось «неупотребление чиновником... всех средств... остановить... злоупотребление... и чрез то предохранить государство... от ущерба или вреда». Следовательно, преступление бездействия власти состояло не в нерадивости выполнения своих обязанностей, а лишь в обязанности пресекать злоупотребления должностных или частных лиц, которые могли привести к ущербу или вреду (ст. 368). Уложение предусматривало наказания за превышение власти или бездействие в зависимости от «важности дела и сопровождавших оное обстоятельств» (ст. 370). Противозаконное бездействие власти и превышение власти могли быть важными, особенно важными или определялись таким образом: «не были и не могли быть важными» (ст. 370, 372). В случаях особо важных за бездействие или превышение власти виновный подлежал лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, ссылке в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 2 лет. Если превышение власти или бездействие способствовало совершению преступления, то виновный приговаривался к высшей мере наказания, за то преступление определенного (ст. 371). Впервые к преступлениям о превышении власти Уложением было отнесено употребление «истязаний и жестокостей» при отправлении должности. За это преступление виновный наказывался тюрьмой до

1 года, ссылкой на 2–3 года в Томскую или Тобольскую губернии или же приговаривался к наказанию розгами от 60 до 70 ударов и исправительным арестантским ротам сроком до 6 лет. Если вследствие «истязаний и жестоко-стей» было получено ложное признание и невинный лишился всех прав состояния, то должностное лицо, виновное в этом, подвергалось лишению всех прав состояния и каторжной работе на заводах от 6 до 8 лет и дополнительно наказанию плетьюми с наложением клейм (ст. 374). Причинение чиновником при отправлении своей должности без явной необходимости ран и увечий потерпевшему квалифицировалось по совокупности ст. 375 и ст. 1948–1955, а также ст. 1960–1963. Взятие под стражу, высылка или обыск «без всяких достойных уважения причин» наказывались по статьям раздела десятого Уложения «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц».

Впервые Уложение в ст. 379 назначало наказание за намеренное распечатывание казенной или принадлежащей частному лицу корреспонденции. Досмотр корреспонденции по положению Почтового устава разрешался только судебным органам. Небрежное, неосторожное сохранение чиновником денежных сумм или казенного либо частного имущества подлежало служебным наказаниям, но намеренное истребление или порча чужого имущества квалифицировалось как тяжкое преступление. Максимальным наказанием, предусмотренным Уложением за такое деяние, были каторжные работы в рудниках сроком до 20 лет (ст. 380–382).

Растрата и присвоение чужого имущества были известны и ранее российскому законодательству. Ответственность за эти деяния была установлена Артикулами воинскими. Уложение о наказаниях за присвоение и растрату вверенного имущества закрепляло сравнительно легкое наказание: самым суровым здесь было назначение ссылки в Тобольскую или Томскую губернии. При этом наказание за растрату зависело не от размера нанесенного ущерба, а от своевременности возмещения и обнаружения растраченного имущества.

Статья 386 была новеллой. Должностное лицо подвергалось замечанию или выговору, если при обнаруженной недостатке ценностей было выявлено, что оно могло и должно было предвидеть возможность ущерба казенному имуществу. Это преступление квалифицировалось как неосторожное. Строго наказывалась служебная растрата, соединенная с побегом с целью сокрытия преступления. Виновный подлежал возмещению нанесенного ущерба, лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь, дополнительно устанавливались телесные наказания (ст. 388). Такому же наказанию подвергался чиновник, который при отправлении должности подделывал подпись, свидетельские показания, составлял фальшивые акты и оформлял их задним числом, включал в акты вымышленные обстоятельства или заведомо ложные сведения, выдавал мнимую копию несуществующего акта или неверную копию с настоящего акта, подчищал, переправлял акты, отданные ему на сохранение (ст. 390–391).

Тяжким преступлением было и неправосудие. К лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение приговаривался тот, кто решал дело «с явным нарушением законов и вопреки положительному оных смыслу» (ст. 394). Вынесение судьей приговора высшего против того, которое определено в законах, влекло для него лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на заводах сроком от 6 до 8 лет. За избавление виновного от наказания и назначения ему наказания ниже того, что определено в законах, следовало лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылка в Сибирь с заключением до 2 лет. В случае вынесения ошибочного приговора судьи получали выговор (ст. 397–398).

Уложением впервые была введена норма об уголовной ответственности лиц прокурорского надзора. Статья подробно перечисляла лиц, «коиm вверен надзор за правильностью и законностью судебных решений и приговоров», и, если было совершено преступление, надзирающие лишались всех прав состояния и ссылались в Сибирь (ст. 399). Дореформенный суд не был отделен от администрации, поэтому ст. 400 устанавливала ответственность начальника губернии, утвердившего неправильное судебное решение. В отличие от прокуроров, губернаторы несли ответственность за неправосудие, учиненное ими «не из корыстных или иных личных видов». За принятие взятки (мздоимство) по делу, касающемуся обязанностей по службе, следовало денежное взыскание «вдвое против цены подарка» и отрешение от должности (ст. 401). Лихоимство (принятие взятки для незаконного дела) влекло потерю всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, ссылку в Сибирь до 3 лет, наказание розгами до 80 ударов, отдачу в исправительные арестантские роты до 6 лет. Полученные в качестве взятки деньги и подарки поступали в местный приказ общественного призрения (ст. 402–405). Высшей степенью лихоимства являлось вымогательство – использование должностным лицом своего служебного положения для получения прибыли притеснением или угрозами, требование подарков, не установленной законом ссуды, получение поборов деньгами, вещами или «незаконными нарядами обывателей... на работу». Виновные приговаривались к потере всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Если вымогательство сопровождалось истязаниями или насилием, то поселение в Сибири заменялось каторгой на заводах сроком от 6 до 8 лет (ст. 406–407). Содействовавшие мздоимству и лихоимству наказывались как сообщники в этих преступлениях. Тот, кто знал о преступлениях, но не донес об этом, подлежал одному из наказаний, предусмотренных ст. 132 Уложения о недонесении. Взяткодатели, склонявшие должностных лиц скрыть, истребить, изменить документы, отвечали за подлог (ст. 413).

Глава седьмая закрепляла ответственность за нарушения, установленные при вступлении в должность. Впервые Уложение назначало наказание за нарушение обряда принесения присяги на верность службе. Закон отнес это преступление к должностным, его субъектом являлось должностное, а не частное

лицо (ст. 414). Предусматривалась ответственность должностных лиц за самовольное оставление своей должности без увольнения надлежащим порядком (ст. 415–418).

Глава восьмая в ст. 419 расширила по сравнению со Сводом законов границы ответственности на все случаи нарушения правил приема на службу. Чиновники, виновные в принятии на службу лиц вопреки правилам, подлежали строгому выговору или вычету до 1 года из времени службы. Строгому замечанию или выговору подлежал начальник губернии, принявший к себе присутственное место чиновниками по особым поручениям своих родственников. Определялись наказания за нарушение правил о назначении и увольнении с должности. Статья 422 устанавливала наказания начальникам, которые уволили подчиненного незаконно. Назначались взыскания за нарушение порядка подчиненности, совершенные одним должностным лицом в отношении другого, если они находились в иерархическом подчинении. Под действие ст. 425–427 попадали все случаи оскорбления подчиненными своих начальников. Нанесение начальнику оскорбления действием наказывалось лишением всех прав состояния, ссылкой в отдаленнейшие места Сибири и дополнительно телесными наказаниями. Подчиненный, вызвавший своего начальника на поединок вследствие служебного дела или лишения за взыскания по службе, подвергался заключению в крепости сроком до 6 лет с потерей некоторых особенных прав и преимуществ. Отделение второе главы девятой устанавливало ответственность за нарушение порядка в отношении к подчиненным, но на практике эти статьи не действовали. В кассационной практике Сената за пятьдесят лет не было ни одного дела по статьям второго отделения главы девятой раздела пятого Уложения о наказаниях¹. Чиновник подлежал перемещению с высшей должности на низшую, или выговору, или вычету до 3 месяцев из времени службы за нерадение и медленность в отправлении должности. Если из-за упущений по должности произошла какая-либо ошибка или ущерб в делах, виновный удалялся от должности. Фактически его действия характеризовались небрежностью и самонадеянностью и могли квалифицироваться как халатность (ст. 441–442). Предусматривалась ответственность за прогулы без уважительных причин (ст. 443–446).

Разглашение служебной тайны в делах судебных и правительственных, вследствие чего наступили вредные последствия, наказывалось удалением от должности (ст. 447–452). К наиболее тяжким преступлениям было отнесено разглашение государственной тайны, которое по своей значимости и важности было приравнено к государственной измене. Виновный подвергался лишению всех прав состояния и смертной казни (ст. 455). Если деяние произошло без корыстной цели, а лишь по неосторожности, виновный подлежал заключению в крепости до 1 года.

¹ См. об этом: Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. С. 399; Решения кассационных департаментов Сената. СПб., 1866. С. 64.

Глава одиннадцатая устанавливала наказания за преступления и проступки чиновников по некоторым особым родам службы. Одним из недостатков Уложения являлось то, что составы преступлений и проступков, рассмотренные в данной главе, являлись разновидностями тех, которые были сформулированы в предыдущих главах раздела. Следовательно, постатейное рассмотрение составов нецелесообразно.

Раздел шестой «О преступлениях и проступках против постановлений о повинностях государственных и земских» закреплял ответственность за подлоги в отправлении рекрутской повинности и исправления в документах, определявших очередность выполнения этой повинности; укрывательство военных дезертиров и нарушения правил приема в рекруты. Отдача в рекруты чужого человека вместо своего подлогом предусматривала лишение всех особых, как лично, так и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, ссылку в Енисейскую или Иркутскую губернии с заключением до 3 лет и запрещением выезда в другие Сибирские губернии сроком до 10 лет, телесные наказания и отдачу в исправительные арестантские роты до 8 лет. Вместо отданных на службу подлогом с виновных (помещика или общества) взыскивались другие рекруты, годные к службе (ст. 534–539). Строго наказывались евреи, уличенные в подлоге свидетельства, дававшего права на свободу в рекрутской повинности. Они подвергались лишению всех особых, лично и по состоянию присвоенных им, прав и преимуществ, ссылке в Сибирь, телесным наказаниям и отдаче в исправительные арестантские роты до 2 лет. Представители сект, признанных особо вредными, за подлоги обращались в военную службу без зачета (ст. 551).

Как вид уклонения от рекрутской повинности рассматривалось самоизувечение, растравление ран, при этом виновный подвергался наказанию розгами от 90 до 100 ударов и отдаче в военную службу (ст. 552–553). Изувечивший другого отдавался в смиренный дом сроком до 3 лет, дополнительно назначалось наказание розгами до 80 ударов. Еще одним видом уклонения являлось бегство при наборе или неявке. Виновный при поимке немедленно отдавался в военную службу и наказывался розгами до 40 ударов (ст. 557–558). Укрывательство беглых солдат, матросов, рекрутов или лиц, стоящих в рекрутской очереди, было наиболее распространенным. За каждого беглого полагался штраф от 600 до 1200 рублей (ст. 559–560). Строгому наказанию подлежали евреи, «давшие военному или состоящему на рекрутской очереди из евреев способ к побегу» или укрывшие беглых военнопленных. При поимке беглые отдавались в рекруты без зачета, сверх этого с еврейского общества взыскивалось по 300 рублей за каждого (ст. 561). За подговоры военных чинов к побегу или иному уклонению от обязанностей по службе виновный подвергался заключению в смиренный дом до 1 года. Если уклонение от обязанностей службы было маловажным, следовал арест до 3 месяцев или денежный штраф от 1 до 50 рублей по усмотрению суда (ст. 566).

Штрафом до 150 рублей наказывались те, кто принял в рекруты «старше или моложе определенных законом лет» или рекрута с явными недостатками: безумного, криворукого, хромого и т. п., или с застарелой болезнью (ст. 568–571). Выговор или удаление от должности следовал за необоснованный отказ в приеме рекрута, годного в службу (ст. 572). Том 15 Свода законов 1857 г. изд. в дополнение к наказанию, предусмотренному ст. 572, назначал взыскание прогонных денег по почтовому положению и кормовых, а также суточного продовольствия рекрута (ст. 590).

Главой второй раздела устанавливалась ответственность за нарушения постановлений о повинностях земских. Обязанные к выполнению земских повинностей, но не выполнившие их в определенный законом срок, приговаривались к взысканию 1 % в месяц с суммы, составляющей цену работы. Лицо, не обеспечившее квартирами рекрутов или войска, идущих к месту назначения, подвергалось взысканию по 50 копеек за каждого рекрута и солдата (ст. 575–576). «За взятие без печатного билета очередной или наемной обывательской подводки без прогонов» виновный подлежал денежному взысканию до 30 рублей, прогонные деньги взыскивались с него вдвое (ст. 577). Самовольное занятие квартиры под военный постой без разрешения «лестного начальства» наказывалось по военным законам (ст. 578). Самовольное установление новых повинностей, замена повинностей натуральным денежным сбором, допущение сборов, подрядов или налогов, не разрешенных законом, влекли удаление со службы и возмещение убытков. Если было доказано, что виновный совершал поборы в свою пользу, то он наказывался как за вымогательство (ст. 579).

Уклонение от порядка при отправлении повинностей и нарядов, или использование людей и лошадей для других работ, или задержание их сверх определенного срока предусматривало вычет одного месяца из времени службы виновных. Если эти деяния были совершены в корыстных целях, то виновный подвергался наказаниям как за вымогательство и возмещению всех убытков (ст. 580).

Раздел седьмой «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» содержали разные по значимости составы преступлений. Похищение казенной собственности предписывало те же наказания, что и за похищение частной собственности (ст. 581). За всякий ущерб, причиненный доходам казны через похищение, утайку, растрату, сверх наказания, определяемого за само деяние, с виновных взыскивалась сумма или цена ущерба. Если виновный был не в состоянии выплатить цену ущерба, то в соответствии со ст. 90 наказывался временным, соразмерным с суммой, заключением в тюрьме (ст. 583). За самовольное производство охоты или ловли зверей и птиц в казенных лесах, жемчуга в казенных водах с виновного взыскивался денежный штраф; убитые и пойманные птицы и звери изымались. Чиновники,

допустившие охоту, рыбную ловлю в казенных лесах без особого разрешения, подлежали удалению от должности (ст. 586). Подделка актов, бумаг, печатей, клейм или штемпелей с целью присвоения казенного имущества наказывалась как за подлог по совокупности преступлений (ст. 587).

Среди преступлений против имущества и доходов казны Уложением были выделены во вторую главу нарушения уставов монетных. Наиболее важные составы преступлений о фальшивомонетничестве были перенесены Уложением из Свода законов. По-прежнему, тяжким считалась подделка «монеты золотой, серебряной, платиновой и медной Российского чекана». Виновные приговаривались к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы сроком до 10 лет, наказанию плетью с наложением клейм. Еще более сурово – на одну ступень выше – наказывалось это деяние, если оно было учинено лицом, «которое было употребляемо правительством к приготовлению монеты или к надзору за приготовлением оной» (ст. 588–589). Тем же наказаниям подвергались все, кто доставал штемпели, формы и «другие орудия для сей подделки». Донесшие о преступлении правительству освобождались от наказания, а их имена оставались в тайне. Напротив, недоносители, хотя и не участвовавшие в преступлении, подлежали лишению всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь с заключением до 3 лет, наказанием розгами и отдаче в исправительные арестантские роты до 6 лет. Привоз из-за границы российской монеты наказывался как подделка, сами монеты конфисковались (ст. 591–595). Изменение веса монеты, «посеребрение или позлащение, или натирание ртутью... какой-либо монеты, с намерением дать оной вид большей ценности» влекло лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 3 лет, наказание розгами и отдачу в исправительные арестантские роты до 6 лет (ст. 598–599).

Привоз из-за границы низкопробной иностранной монеты (биллона) наказывался конфискацией монеты и денежным взысканием «втрое против нарицательной цены оной». Биллоны, замеченные в обращении в публичных местах, конфисковались, а полицейские чиновники, допустившие эти деяния, отрешались от должности (ст. 601). Чиновники монетного двора, изобличенные в проставлении неверной пробы золота или серебра, подвергались денежному штрафу в пользу казны или лица, принесшего золото и серебро для обмена на монету, вдвое против убытка, какой мог произойти. Если при отпуске с монетного двора слитков золота или серебра на них не было выставлено казенных клейм или не было выдано свидетельства, чиновники отрешались от должности (ст. 602–603).

Н. А. Неклюдов отмечал, что Уложение причисляло к подделке такого рода деяния, которые могли быть преследуемы лишь как мошенничество, а именно: а) переплавку монеты; б) уменьшение монеты; в) изменение цвета монеты

с намерением придать ей вид большей ценности; г) выписку, скуп и торг иностранным биллоном¹. К недостаткам этой части Уложения относится отсутствие точного определения подделки монеты. В законе не содержалось указания ни на то, что предметом подделки могут быть лишь монеты, имеющие курс, ни на то, что умысел поддельщика должен заключаться в намерении выпустить монету в обращение².

Подделка государственных кредитных бумаг могла быть произведена следующим образом: 1) подделка самой бумаги и рисунков механическими средствами; 2) подделка на простой бумаге посредством рисования; 3) изменение в кредитных билетах цвета для придания им достоинства высшей ценности. Виновные подлежали лишению всех прав состояния и ссылке в каторгу до 10 лет, наказанию плетью с наложением клейм. Наказание увеличивалось на одну ступень, если деяние было учинено лицом, которое было связано с изготовлением или с надзором за изготовлением бумаг (ст. 604–605). Соучастниками такого преступления считались все, кто делал, доставлял, продавал или покупал какие-либо орудия, средства, необходимые для подделки. Тот, кто доносил, освобождался от наказания, а «имена их сохранялись в тайне», тогда как недонесшие подвергались лишению всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, и ссылке в Сибирь, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты до 2 лет (ст. 606–607). Фальшивые государственные кредитные билеты конфисковывались, а орудия, используемые при подделке, уничтожались. Подделка, привоз из-за границы и выпуск фальшивых ассигнаций наказывались так же строго, как подделка кредитных бумаг (ст. 608–610).

Законоположения о подделке кредитных и ценных бумаг имели общий с законами о подделке монет недостаток – отсутствие точного определения понятия подделки бумаг. Кроме того, по мнению Н. А. Неклюдова, закон неверно относил к подлогу изменение цвета кредитных бумаг, так как подобное деяние есть не что иное как мошенничество и должно быть наказываемо как таковое. Также он считал, что похищение бланковых листов для билетов кредитных установлений должно расцениваться как похищение. Уложение стремилось исчислить мелкие виды подделки кредитных билетов. Этот важный недостаток превращал его в Свод, «наполненный казуистическими исчислениями, и затруднял его применение»³.

Уложение устанавливало тяжкие наказания за нарушения уставов о гербовой бумаге. Виновные в подделке гербовой бумаги наказывались лишением

¹ См.: Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части. СПб., Т. 4. С. 554–557.

² См. об этом: Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 478; Колоколов Г. Е. Уголовное право. М., 1897. С. 534.

³ См. об этом: Кистяковский А. Ф. Рецензия на сочинение Сокольского о нарушениях уставов монетных // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. № 6. С. 291–292; Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 341.

всех прав состояния, каторгой до 6 лет, плетью с наложением клейм. Наказание увеличивалось на одну степень, если виновный был «употреблен правительством к приготовлению гербовой бумаги» (ст. 612–614). Денежным штрафам и взысканиям подвергались чиновники, которые употребляли простую бумагу вместо гербовой или использовали для векселей гербовую бумагу ненадлежащего достоинства (ст. 615–619).

Строгим наказаниям подлежали и нарушения уставов горных. За разработку золота, серебра, платины как на казенных, так и на частных землях без разрешения правительств и владельца виновные приговаривались к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири, наказанию плетью до 100 ударов (ст. 623). Тайная, без предварительного разрешения правительства, разработка золота, серебра и платины на своих землях наказывалась лишением всего добытого металла в пользу казны, всех орудий для разработки, а также денежного взыскания, равного цене добытых металлов (ст. 624). Тот, кто был изобличен в добывании драгоценных камней на казенных землях без разрешения гранильной фабрики, подвергался денежному штрафу до 30 рублей; пойманные во второй раз судились как за воровство-кражу. Найденные ими камни конфисковывались в пользу гранильной фабрики (ст. 628). Если заводчик, построив горный завод, не предупредил об этом горное правление, то он лишался льготных лет в отношении платежей податей, которыми пользовались все выстроенные владельческие заводы (ст. 629). Если владелец горного завода утаивал добытый или выплавленный металл, то отвечал как за подлог, а завод платил в казну двойную подать со всех обрабатываемых металлов в течение года. Однако, если утайка произошла без ведома заводчика, то он платил двойную подать, а виновные в утайке подвергались лишению всех прав состояния и ссылке в каторгу сроком до 6 лет, дополнительно наказывались плетью с наложением клейм (ст. 630). Подделка клейм и знаков для сохранения похищенного золота, серебра или платины наказывалась лишением всех прав состояния и ссылкой в каторгу до 6 лет, телесным наказанием с наложением клейм. Тому же наказанию подлежали все соучастники этого деяния (ст. 634). Похищение золота, серебра, платины, а также иных металлов с казенных и частных заводов наказывалось как за воровство-кражу (ст. 644–645). Самовольная добыча нефти и провоз ее без свидетельства о покупке с казенных промыслов влекли за собой конфискацию нефти и денежное взыскание «впятеро против продажной цены» (ст. 652).

Нарушения уставов о соли, постановлений по питейному сбору и акцизу, устава о выделке и продаже табака рассматривались Уложением, подобно Своду законов, как деяния, причинявшие материальные убытки казне, и влекли за собой денежные взыскания.

К нарушениям таможенных уставов относился тайный провоз иностранных товаров, задержанных в пределах пограничной черты. При этом виновный подвергался в первый раз конфискации товаров с выплатой денежного

штрафа; во второй раз – сверх наказания, положенного в первый раз, заключению в смирительном доме до 1 года; в третий и четвертый раз – лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение (ст. 805). Тот, кто был уже осужден и по приговору суда лишен прав состояния и сослан в Сибирь, но вновь оказался виновными за тайный ввоз товаров, подвергался ссылке в каторгу сроком до 6 лет (ст. 806). Если тайный провоз был совершен «скопищем» из людей вооруженных, то сверх денежных штрафов и конфискации товаров виновные подлежали лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке в Сибирь с заключением до 3 лет, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты до 6 лет. В случае, когда деяние было усугублено насилием или сопротивлением, следовало наказание как за преступление против властей (ст. 812). Вооруженные столкновения были особенно частыми на прусской границе, поэтому Сводом законов 1857 г. изд. была предусмотрена статья за тайный провоз товаров на прусской границе (ст. 846).

Отдельно Уложением были установлены наказания за нарушения таможенных прав по торговле азиатской, закавказской, китайской. Специальными постановлениями определялись взыскания и наказания за преступления и проступки таможенных чинов и стражи. Исключение со службы назначалось тем таможенным чинам, которые умышленно способствовали провозу контрабанды. Если было доказано, что делали они это из корысти, то подлежали наказанию как за взятки (ст. 924). В случае когда таможенные чиновники пропускали товар без ярлыка таможни и при этом были приняты подложные документы, виновные, помимо взыскания с них пошлины, подвергались лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке на жительство в Иркутскую или Енисейскую губернии без права выезда до 12 лет (ст. 930–932).

Как преступления против доходов казны Уложение квалифицировало и преступления, нарушавшие уставы о казенных лесах. При похищении казенного леса предусматривалась конфискация порубленного леса, наказание за воровство-кражу и денежный штраф, равный цене похищенного леса. Если при самовольной порубке казенного леса было оказано сопротивление, но без насилия, то виновных лишали всех особенных прав и преимуществ, ссылали на жительство в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 1 года. Дополнительно для лиц, не изъятых от телесных наказаний, устанавливалась отдача в рабочий дом сроком до 2 лет или наказание розгами с отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет. При сопровождении деяния насилием против лесников оно квалифицировалось уже как восстание против властей (ст. 941–944). Закреплялись наказания за расчищение лесных угодий под пашню без разрешения, выпас скота в казенном лесу и лесных рассадниках, добывание смолы, коры, лыка, дегтя, поташа, углей; нарушения правил порубки леса: по числу срубленных деревьев, порубку не в указанные сроки, с оставлением пней, валежника (ст. 953–975). Основными видами наказаний

по этим статьям были дисциплинарные и административные взыскания. За похищение и порубку корабельных лесов полагались уголовные наказания (ст. 976–984). Военные лесные чиновники за маловажные нарушения порядка службы и подчиненности подвергались взысканиям по правилам военной дисциплины, за уголовные преступления – наказаниям по Своду военных постановлений. Гражданским лесным чиновникам и служащим за упущения и злоупотребления в отпращивании должности предписывались наказания по общим правилам о преступлениях и проступках по службе (ст. 986–1006).

Раздел восьмой «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» содержал разные по степени значимости и опасности составы преступлений. Это был один из самых больших по объему разделов Уложения. Он включал в себя около 850 статей. Сюда были отнесены преступления и проступки против постановлений, охраняющих народное здорье; преступления против постановлений для обеспечения народного продовольствия; нарушения общественного спокойствия, порядка; преступления против общественной нравственности; нарушения постановлений о цензуре; нарушения постановлений о воспитании юношества; нарушение правил благоустройства в городах и селениях и т. д.

Наказания, установленные за эту группу преступлений, были самыми разнообразными – от денежных штрафов до смертной казни. Наиболее тяжкими считались преступления, нарушавшие карантинные уставы. Лишением всех прав состояния и смертной казнью наказывались виновные в сопротивлении силой установлению порядка, необходимого для предупреждения и распространения чумы; в насилии, причиненном карантинной страже при переходе карантинной черты; умышленном зажжении карантинных заведений; сокрытии больных чумой и тайном их погребении; в краже из домов, находящихся в карантинной зоне. К этому же наказанию приговаривались чиновники и служащие, «употребляемые по прекращению чумы», которые содействовали нарушению карантинного порядка, и лица, подделывавшие документы с целью скрыть свое пребывание в месте, «где свирепствует чума» (ст. 1007–1010). Тяжким уголовным наказанием подвергались лица, взявшие вещи, товары с судов, плывущих из зараженных мест. Значительно более легкому наказанию – аресту от трех до семи дней – подлежали лица, состоявшие под карантинным надзором и тайно общавшиеся с кем либо, а также изобличенные в торговле поношенными вещами в карантинной черте (ст. 1013–1014). Содержателям гостиниц и постоялых дворов полагалось заключение в смиренном доме до 3 лет с потерей некоторых особенных прав и преимуществ, если они впускали на ночлег людей из оцепленного места (ст. 1016). Лица, прикоснувшиеся к зачумленным вещам или людям либо вошедшие из внешней части карантина во внутреннюю часть, приговаривались к аресту сроком до 3 месяцев. Наравне с содеявшими карантинные преступления наказывались все

участники. Донесшие о готовящемся преступлении освобождались от наказания, а те, кто добровольно раскаялся в содеянном преступлении, наказывались значительно мягче (ст. 1019). Заключение в тюрьме на срок до 1 года подвергались лица, которые не донесли о карантинных преступлениях. Штраф от 10 до 100 рублей взыскивался с виновного, если он вышел из карантинного места после очищения, но без свидетельства от начальства (ст. 1021). Наказание от отрешения от должности до лишения всех прав состояния и ссылкам в Сибирь на поселение грозило чиновникам, ведущим надзор за карантинном, «за нерадение и упущения по службе» (ст. 1022–1028).

Для охраны народного здоровья Уложение установило наказания за нарушения постановлений против распространения повальных и прилипчивых болезней. Закон устанавливал, как правило, административные наказания в виде денежного штрафа для хозяев, управляющих или смотрителей казенных домов, содержателей гостиниц, постоялых дворов, харчевен, трактиров, а также врачей, которые не сообщили полиции об этих болезнях (ст. 1029–1030, 1034–1035, 1037). Тем же наказаниям подвергались лица, которые продавали или покупали поношенное платье, оставшееся после смерти больного (ст. 1031). Смирительным домом до 1 года или арестом до 3 месяцев наказывались все, кто знал о своей болезни и подверг опасности других (ст. 1032–1033). Полицейские чины, не принявшие мер для прекращения и распространения повальных и заразных болезней, подлежали вычету до 1 года из времени службы, или отрешению от должности, или заключению в смирительном доме до 2 лет с лишением некоторых особенных прав и преимуществ (ст. 1036).

Законодательно были закреплены и правила для погребения мертвых. Нарушение этих правил влекло за собой по мере вины денежный штраф, арест до 3 месяцев или исправительное наказание (ст. 1039–1046).

Закон определял наказания за нарушение правил, установленных на случай падежа скота. Денежному штрафу до 10 рублей или аресту сроком до 3 недель подвергались виновные, допустившие больной скот в здоровое стадо. За неисполнение распоряжений ветеринарного врача или начальства во время падежа скота следовал денежный штраф до 50 рублей (ст. 1047–1048). Сельские начальники и полицейские, не предпринявшие мер предосторожности по распространению заразы животных, наказывались по мере их вины либо денежным штрафом до 30 рублей, либо вычетом из времени службы до 6 месяцев, либо удалялись от должности.

Кроме этого, Уложением были формулированы наказания за нарушения правил сохранения чистоты воздуха и воды, жизненных припасов и напитков, а также наказания за нарушение правил, установленных для продажи и употребления веществ ядовитых и сильнодействующих. В основном, наказаниями, предусмотренными Уложением за нарушение порядков, были денежные штрафы. Однако, когда кто-либо без умысла причинял вред здоровью, бросал сильнодействующие или ядовитые вещества в воду, то он подвергался

тюремному заключению сроком до 6 месяцев. Это же преступление, совершенное с умыслом, квалифицировалось уже как преднамеренное убийство (ст. 1057). Лица, продавшие ядовитые и сильнодействующие вещества не в первый раз тем, кто не имел права на такую покупку, подлежали денежному штрафу до 300 рублей и заключению в тюрьме до 6 месяцев. Если данный состав преступления сопровождался чьей-то смертью, то виновным предписывалось церковное покаяние по распоряжению своего духовного начальства (ст. 1075–1077).

Для охраны народного здоровья Уложение определило постановления о нарушении уставов врачебных. Не имевшие звания доктора или лекаря, но занимавшиеся лечением болезней за деньги или для собственной выгоды подвергались аресту до 3 месяцев или денежному штрафу до 100 рублей. Осужденный после наказания отдавался на 1 год под надзор полиции, а иностранцы высылались за границу, о чем сообщалось правительству этого государства. Если было доказано, что врач, оператор, акушер или повивальная бабка делали ошибки, то им воспрещалась практика до тех пор, пока они вновь не выдерживали испытания и не получали свидетельства, подтверждающего их знания (ст. 1078–1080). Не явившиеся по вызову больного врач, оператор, акушер, фельдшер, повивальная бабка платили денежный штраф от 5 до 100 рублей и отрешались от должности (ст. 1084). Так, уездный, городской или полицейский врач, не явившийся по требованию полиции для производства судебно-медицинской экспертизы, наказывался вычетом до 3 месяцев из времени службы, а вольнопрактикующий врач – денежным штрафом от 10 до 50 рублей. Врачи и акушеры, не донесшие надлежащему начальству о злоупотреблениях фармацевтов, которые могли причинить вред больному, подвергались денежному штрафу до 25 рублей. Врачам, получающим жалование от государства, за требование платы с неимущих больных или платы, свыше определенной законом, следовал строгий выговор, а во второй раз лишение места (ст. 1084–1088). Денежный штраф до 30 рублей или арест до 6 месяцев (3 месяца по Своду законов 1857 г.) назначался повивальным бабкам, не призвавшим врача или акушера при трудных родах или не донесшим начальству о рождении «странного и необыкновенного уroda» либо о смерти роженицы до прихода врача. За произведение преждевременных родов повивальные бабки присуждались к заключению в тюрьме до 6 месяцев, а если в результате этого последовала смерть матери или ребенка, то к церковному покаянию по распоряжению духовного начальства (ст. 1089–1092).

Аптечное дело в России считалось привилегированным. Для его производства необходимо было иметь специальное фармацевтическое образование и диплом. Учредившие аптеку без специального разрешения приговаривались к закрытию этой аптеки, а вся посуда и «припасы» поступали в пользу приказа общественного призрения (ст. 1093–1094). «За недостаток и худое качество» материалов, посуды, инструментов, приборов для изготовления

лекарств, а также за несоблюдение надлежащей чистоты содержатель аптеки удалялся от ее управления сроком до 1 года, а управляющий отрешался от должности (подвергался денежному штрафу до 300 рублей по Своду законов 1857 изд. – ст. 1134). Несоблюдение должной осторожности при хранении, отпуске ядовитых и сильнодействующих веществ влекло для содержателей аптек запрет на право содержать их, а для управляющих – отрешение от службы (ст. 1098). Строгий выговор или отрешение от должности следовали за отказ от производства химико-судебных исследований по требованию медицинского начальства (ст. 1101). Управляющие аптеками, изблеченные в производстве водки, ликера и других «предметов питейной продажи» либо замеченные в нетрезвой жизни, подлежали штрафу до 500 рублей и лишались права управлять аптекой или содержать ее (ст. 1100, 1103).

Строгий выговор или денежный штраф выносился за принятие на должность аптекаря, провизора или аптекарского помощника лица, не имеющего фармацевтического образования, лишеного права заниматься аптекарским делом и т. п. (ст. 1102). Приготовление лекарств и составов не по правилам фармацевтики, составление лекарств не того качества и веса, в нечистых или вредных здоровью сосудах наказывались денежными штрафами (ст. 1105, 1107–1110). Ошибочный отпуск одного лекарства вместо другого, «хотя бы от сего не последовало никакого никому вреда» влек за собой для управляющего лишение права управлять аптекой (ст. 1111). Управляющие, взявшие плату за лекарство выше установленной таксы, платили штраф равный сумме «вдвое против излишне показанной» (ст. 1113).

Глава вторая раздела восьмого Уложения 1845 г. закрепляла ответственность за нарушения постановлений для обеспечения народного продовольствия. С этой целью в российском законодательстве были установлены правила, определявшие учреждение, наполнение, содержание запасных хлебных магазинов. Их неисполнение влекло за собой денежные штрафы, арест, выговор, удаление от должности и другие наказания, предусмотренные за преступления по службе (ст. 1114–1129). Запрещалась массовая скупка продовольствия. Это преступление наказывалось денежным штрафом или арестом до 3 месяцев. Тюремному заключению подвергались виновные в стачке, сделке или ином соглашении, ведущем к повышению цен на продовольствие (ст. 1130).

Уложение определило постановления об излишнем истреблении диких животных и рыбы. Охота и рыбная ловля были разрешены лишь в определенное время года и в определенных местах. Нарушение этих правил наказывалось денежными штрафами или тюремным заключением. При производстве рыбной ловли или охоты закон запрещал использовать капканы, самострелы, «снасти, которые препятствовали свободному ходу рыбы из моря и озер вверх по рекам», переметов и других снастей; рыть ямы вблизи селений, а также ловить тюленей специальными сетями, загоняя их посредством крика и стрельбы (ст. 1133–1141).

Особыми были постановления о составлении злонамеренных шаяк и пристанодержательств (ст. 1146–1155). Эти статьи были подробно описаны при рассмотрении институтов Уложения. Недостатком было отсутствие в Уложении всякого определения понятия шайки, что привело на практике к неестественным толкованиям этого преступления и уничтожило почти всякое различие между шайкой и учинением преступления несколькими лицами по предварительному между собой на то соглашению¹. Закон неполно разработал систему наказаний за преступления, совершенные шайкой. Так, за составление шайки для зажигательств определялась ссылка в каторжные работы, но при этом не рассматривалось зажигательство жилых или нежилых строений. Прослеживалось явное противоречие закона: за поджог леса, учиненный шайкой, назначалась только ссылка в Сибирь на поселение, а за истребление огнем садов, жатв могла быть назначена ссылка на жительство или тюремное заключение.

За распространение слухов, которые «могут возбудить беспокойство в умах или даже нарушить общественный порядок и тишину», виновные подлежали аресту до 3 месяцев или заключению в тюрьме до 6 месяцев. Наказание увеличивалось на одну или две ступени, если последствиями распространения вредных слухов были беспорядки, по которым правительство вынуждено было принять особые меры (ст. 1156–1157).

За подложное проявление чудес и других сего рода обманов «ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды» виновный приговаривался к заключению в смирительном доме до 2 лет. Сверх этого он предавался церковному покаянию (ст. 1159). Это же наказание назначалось и тем, кто по корысти или ради личной выгоды выдавал себя за колдунов либо чародеев. За приготовление, раздачу и продажу мнимо-волшебных напитков следовал в первый раз арест до 3 месяцев, во второй – заключение в смирительном доме до 1 года. В случае, когда употребление этих напитков влекло за собой вредные для здоровья последствия, виновные приговаривались к лишению некоторых особых прав и преимуществ и заключению в смирительном доме до 2 лет. Если преступление сопровождалось чьей-либо смертью, то виновный предавался церковному покаянию (ст. 1160–1161). «Кликуши», которые делали на кого-либо «изветы», наказывались за обман заключением в смирительном доме до 1 года, а лицо, выдававшее себя за «одаренное какой-либо сверхъестественной чудесной силой или святостью», старавшееся «произвести в народе тревогу, волнение, или уныние, или неповиновение установленной законами власти», подлежало лишению всех прав состояния, ссылке в отдаленнейшие места в Сибири и дополнительно наказывались плетьюми (ст. 1164).

В случае, когда лицо имело умысел на государственные преступления, предусмотренные третьим разделом Уложения, оно наказывалось по статьям,

¹ См: Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части. С. 509–511.

предусмотренным за эти преступления. Если кто-то из корыстных целей начинал явно противозаконные иски или жалобы крепостных на помещиков, то подвергался в первый раз денежному взысканию до 50 рублей, во второй раз – аресту до 3 месяцев; в третий – денежному взысканию до 200 рублей, тюремному заключению до 6 месяцев и лишению права быть ходатаем в чьих-либо делах. Если виновный был государственным служащим, то он удалялся от должности. Кто призывал подать такие прошения императору, наказывался лишением всех особенных прав и преимуществ, ссылкой на житье в Томскую или Тобольскую губернии, наказанию розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет (ст. 1165).

Лживым доносом считалось заведомо ложное обвинение невинного лица в противозаконном деянии. За это преступление виновным предусматривалось заключение в тюрьме до 1 года или лишение некоторых особенных прав и преимуществ, заключение в смирительном доме до 2 лет либо же ссылка в Сибирь, розги и отдача в исправительные арестантские роты до 4 лет. В случаях особой важности розги и исправительные арестантские роты заменялись плетью через палачей (ст. 1166). Донос не считался лживым и сделавший его не подвергался наказанию, если обвиняемый был оставлен в подозрении, или освобожден по недостатку доказательств вины, или в разных судах были вынесены обвинительные и оправдательные приговоры (ст. 1167).

Ложное свидетельское показание, данное под присягой, наказывалось как преступление о лжеприсяге. За ложное показание без присяги виновные приговаривались к аресту до 3 месяцев или тюремному заключению до 6 месяцев (ст. 1168–1169). Аресту до 7 дней подлежал виновный, давший ложное показание без присяги из желания спасти лицо, связанное с ним узами родства или супружества (ст. 1170). Несправедливые наказания при повальных обысках наказывались по мере вины арестом от 3 недель до 3 месяцев или тюремным заключением до 6 месяцев. Если посланный для повального обыска сам сочинял показания, то за это следовало отрешение от должности и заключение в тюрьме до 6 месяцев. Если в сочиненных им показаниях содержались «изветы» или преступление было совершено из корысти, то виновный нес ответственность за подлог или за взятки (ст. 1171–1172). За подговор крепостных людей к побегу от своих помещиков полагалось взыскание до 100 рублей за каждого подговоренного и тюремное заключение до 1 года. Изобличенные в этом во второй раз заключались в смирительный дом до 2 лет и лишались некоторых особенных прав и преимуществ. Подговор жителей к переходу семействами или поодиночке с одного места жительства на другое влек лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку на житье в Сибирь, розги и отдачу в исправительные арестантские роты сроком до 6 лет (ст. 1173–1175).

Устанавливалась ответственность за бродяжничество, укрывательство беглых и нарушение постановлений о паспортах и других видах на жительство.

Бродягами по Уложению признавались переходящие или переезжающие с места на место без паспорта, то есть те, кто не мог доказать свое звание или состояние либо отказывающиеся это сделать. Лохвицкий А. В. подверг критике это положение Уложения¹: по российскому законодательству имеющий паспорт, хотя бы он переезжал с места на место, не имея средств к существованию и определенного занятия, не считался бродягой; наоборот, человек с капиталом или имеющий большие промыслы в случае, если у него не было паспорта и он не мог доказать своей личности, признавался бродягой. При этом признаке бродяжничества без преследования оставалась масса действительных бродяг. Лица, признанные бродягами, отдавались в солдаты или в исправительные арестантские роты сроком до 12 лет с последующим поселением на Кавказе или в Сибири. Женщины-бродяги отдавались в рабочие дома с последующей ссылкой в Сибирь (ст. 1176–1177). Глухие, слепые, немые или совершенно дряхлые бродяги обоюго пола отдавались в приказы общественного призрения с возвращением их на прежнее место жительства (ст. 1179). Постановление о бродягах распространялось и на иностранцев, задержанных в России после вторичной высылки их за границу (ст. 1180). Бродягами также считались: иностранный выходец-колонист, который не мог документами доказать своего состояния и звания; сельские обыватели за самовольную отлучку «без надлежащего вида»; калмык Донского войска, дважды не объявивший своему начальству о времени и месте отлучки; приезжающие в Россию для поселения иностранные выходцы за непредставление своего кордонного свидетельства; жители Великого Княжества Финляндского без установленного паспорта (ст. 1182–1192).

Укрывательство беспаспортных наказывалось денежными штрафами (ст. 1193–1204). Укрывательство военных дезертиров или беглых с каторги или поселения наказывалось тюрьмой до 1 года либо лишением всех прав состояния, ссылкой в Сибирь, телесными наказаниями в виде розог, отдачей в исправительные арестантские роты на срок до 6 лет (ст. 1205). Том 15 свода законов 1857 г. изд. ввел ряд новых статей об укрывательстве киргизов Семипалатинского округа без паспорта либо с просроченным паспортом. В качестве наказания предусматривались также денежные штрафы (ст. 1245–1258).

Составление ложного паспорта, билета, пропуска или другого вида на жительство влекло за собой лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку в Сибирь, наказание розгами и отдачу в исправительные арестантские роты до 2 лет. Так же строго наказывалось изменение в паспорте, билете или пропуске сроков или местопребывания (ст. 1210–1212). Штрафу до 100 рублей подвергались те, кто, не имея законного права, выдавал паспорта, билеты, пропуска. Если же это было сделано с корыстными целями, то виновный приговаривался к лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке

¹ См.: Лохвицкий А. В. Указ. соч. С. 445.

в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 2 лет, наказанию розгами с отдачей в исправительные арестантские роты до 4 лет (ст. 1213). За выдачу паспорта или иного вида на жительство местными органами без соблюдения правил и форм предусматривалось наказание в виде денежного штрафа до 100 рублей. Совершение этого преступления с корыстными целями наказывалось значительно строже – лишением всех особенных прав и преимуществ, ссылкой в Сибирь, розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет (ст. 1214).

Уложение устанавливало наказания за нарушение правил о прощении подаяния. Арест и работы при полиции до 3 недель предписывались просившим подаяние «по лени, привычке к праздности или даже в виде ремесла». Наказание увеличивалось, если избалованный задерживался вторично. Родители и опекуны, допустившие своих детей к прошению милостыни, подвергались аресту до 7 дней. Если у просящего подаяние было найдено оружие или отмычки, то следовала потеря всех особенных прав и преимуществ, ссылка в отдаленнейшие губернии с заключением до 6 месяцев, отдача в рабочий дом до 1 года (ст. 1219–1224).

Возбуждение к ссорам, дракам, нарушению должного порядка и тишины влекло арест на разные сроки по мере вины и денежные штрафы (ст. 1225–1240).

Изготовление разных видов вооружения в России осуществлялось, в основном, государством. Уложением предусматривалась ответственность за изготовление оружия, «которое делать вовсе запрещено законом или предоставлено одной казне», а именно: готовить порох, бомбы, гранаты или снаряды к артиллерийским орудиям. Это преступление наказывалось тюрьмой до 6 месяцев или заключением в крепость до 2 лет (ст. 1241). За хранение оружия или пороха в большем против дозволенного количества назначался арест до 3 месяцев или штраф до 100 рублей, а оружие и порох отбирались (ст. 1242). Если виновный при этом имел цель, «противную государственной безопасности или спокойствию», то он подвергался наказаниям «за бунт против власти верховной», то есть смертной казни либо каторжной работе в рудниках в соответствии с разделом третьим Уложения «О государственных преступлениях» (ст. 1243).

В статьях 1248–1273 устанавливались наказания за нарушение правил об «ограждении личной безопасности». Здесь были объединены различные составы правонарушений: содержание диких зверей и опасных животных без дозволения полиции; нарушение порядка содержания собак; быстрая езда в экипаже или верхом по улицам селений; меры предосторожности при перевозке или хранении дров, камней или при строительстве заборов, построек, копании колодцев и т. п. В качестве наказания предусматривались штрафы и кратковременные аресты.

Азартные игры были запрещены Уложением, так же как и предыдущим российским законодательством. Устроившие в своем доме заведение для запрещенных игр приговаривались в первый раз денежному штрафу до 3 000 рублей; во второй раз – аресту до 3 месяцев сверх денежного взыскания; в третий – тюремному заключению до 1 года. За подлоги, обманы при игре следовало лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылка в Сибирь, или отдача в исправительные арестантские роты сроком до 2 лет, или помещение в рабочий дом сроком до 1 года (ст. 1276–1280).

К преступлениям против общественной нравственности относилось соблазнительное и развратное поведение и противоестественные пороки мужчин и женщин в публичном месте или в собственном либо нанимаемом для этого доме. Виновный наказывался денежным штрафом или тюремным заключением до 2 лет. Кроме того, он отдавался под надзор полиции на 2 года, а иностранцы высылались за границу (ст. 1281–1282). Содержатели гостиниц, ресторанов, трактиров, харчевен, погребов, бань и других публичных заведений за допущение там непотребного поведения подвергались денежным штрафам. В случае повторного преступления заведения закрывались. Заключение в тюрьме до 6 месяцев грозило лицам, имеющим надзор за малолетними и несовершеннолетними, за склонение их к непотребству или другим порокам. Помимо этого, указанные эти лица навсегда лишались права иметь за малолетними и несовершеннолетними надзор (ст. 1283–1285). Наказывались мужчины за посещение непотребных женщин и женщины, обратившие «непотребство в ремесло» (ст. 1286–1287). Аресту до 3 месяцев подлежали те, кто в общественном месте был «пьяным до беспамятства». Выделялись специальные составы скотоложества и мужеложества. По мнению Л. З. Слонимского¹, в Уложении сохранились еще некоторые виды проступков, лишенные общеуголовного характера и давно уже исчезнувшие из западно-европейских кодексов, например, противоестественные пороки и некоторые из религиозных преступлений. За безразличные, по сути, для общества ненормальные действия – мужеложество и скотоложество – Уложение угрожало почти таким же наказанием как за убийство; кровосмешение и изгнание плода наказывались как грабеж; а несчастные субъекты, причинившие себе мучительное увечье, карались более сурово, чем виновные в нанесении тяжких истязаний и мучений кому-нибудь другому. Очевидное несоответствие наказаний важности преступлений должно было вызывать особую деятельность судов, направленную к смягчению недостатков закона.

Впервые Уложением был выделен такой состав, как сводничество. Особо строго наказывались родители и мужья, если они были изобличены

¹ См.: Слонимский Л. З. Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном. СПб., 1879. С. 149.

в сводничестве своих детей или жен. Им грозило лишение всех особенных прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь с заключением до 3 лет, наказание розгами и отдача в исправительные арестантские роты до 6 лет. Так же строго наказывались учителя и опекуны, имевшие надзор за малолетними или несовершеннолетними (ст. 1296–1298).

Новеллой являлся состав «О противных нравственности и благопристойности сочинениях, изображениях, представлениях и речах». Запрещалось тайно, без цензуры печатание и распространение сочинений, «имеющих целью развращение нравов», или соблазнительных изображений. Виновные подвергались денежному штрафу до 500 рублей или аресту до 3 месяцев, а сочинения и изображения конфисковались. Учителя, наставники и опекуны, замеченные в распространении таких сочинений и изображений среди малолетних, наказывались удалением от должности и тюремным заключением до 6 месяцев. Штраф до 100 рублей или арест до 3 дней назначался лицам, допустившим в публичных выступлениях или многолюдных собраниях слова и выражения, оскорблявшие добрые нравы и благопристойность (ст. 1305).

В постановлениях «О преступлениях и проступках цензоров» устанавливалась ответственность цензоров, которые намеренно пропускали к изданию сочинения, «клонящиеся к нарушению постановлений, ограждающих святость веры или права Верховной власти, либо содержащих нечто оскорбительное для лица государя императора или членов императорского дома». В этом случае виновные наказывались по ст. 187, 197, 267, 270, 273–274 раздела Уложения о преступлениях против веры и о государственных преступлениях, за которые следовало лишение всех прав состояния, ссылка на поселение в отдаленнейшие места Сибири и наказание плетьюми до 30 ударов. Наказание увеличивалось, если преступление совершалось во второй и третий раз. Если было доказано, что преступление было совершено по ошибке, то виновный подлежал отрешению от должности (ст. 1306). Удалению с места службы подвергался и цензор, который умышленно пропускал сочинения, содержавшие оскорбления в адрес правительственных и судебных мест или лиц. Пропуск таких сочинений по нерадению или неосмотрительности предусматривал замечание или выговор. Эти же наказания следовали и за неоднократные упущения цензоров (ст. 1307–1309). Открытие без разрешения правительства типографии, литографии или другого подобного заведения влекло штраф до 100 рублей или арест до 3 месяцев (ст. 1317). За напечатание книг, эстампов, рисунков, чертежей и т. п. с присовокуплением слов, не разрешенных цензурой, виновные содержатели типографий в первые два раза наказывались денежным штрафом до 100 рублей, а в третий раз назначался денежный штраф до 500 рублей, типография закрывалась, а отпечатанная продукция конфисковывалась (ст. 1310). Отсутствие на выходящих книгах имени издателя или открытие книжной лавки, магазина без разрешения правительства наказывалось штрафом до 100 рублей (ст. 1318). Книгопродавцы, содержатели

публичных библиотек, книжных магазинов за выпуск не одобренных цензурой или запрещенных периодических сочинений, эстампов, рисунков, чертежей подвергались денежному штрафу. Запрещенная продукция конфисковывалась, а само заведение закрывалось. Это же наказание следовало и за ввоз книг, эстампов, рисунков, карт из-за границы, не представленных на рассмотрение цензуры (ст. 1314–1316). Если выпущенные в продажу книги, эстампы, ноты не получили одобрения цензуры и содержали признаки составов преступлений, предусмотренных разделами вторым, третьим и четвертым Уложения 1845 г., то виновные в этом подлежали наказаниям как за совершение преступлений против веры, государства и порядка управления, нравственности или частных лиц.

Со времен Петра I образование в России находилось под пристальным вниманием государства. Практически все учебные заведения были казенными. Частные школы допускались только с разрешения правительства. Предметы, преподаваемые в школах, расписание, преподавательский состав утверждались правительственной властью¹. В соответствии с этим Уложение закрепляло ответственность за нарушение постановлений о воспитании юношества. Учреждение и открытие учебного заведения без разрешения правительства наказывалось закрытием в назначаемый местным начальством срок, а виновные подвергались денежному штрафу. Если учебное заведение не было закрыто в указанный период времени, то виновный платил денежный штраф, при этом русский подданный отдавался под надзор полиции сроком до 3 лет, а иностранец высылался за границу (ст. 1319–1320). Лица, поступившие в учебные заведения для обучения детей без свидетельства, подвергались денежным штрафам. Это же наказание назначалось и содержателям училищ и пансионов (ст. 1321–1322).

Уложение устанавливало наказания за нарушение правил благоустройства и хозяйства в городах и селениях. Штраф и кратковременный арест предусматривался для служителей полиции за неисправное и несвоевременное освещение ночных улиц, несодержание в исправности межевых знаков. Наказание следовало для лиц за неисправные мостовые в городе, а также для хозяев за мусор перед домами (ст. 1325–1329, 1337). Если при постройке здания использовались некачественные материалы, то виновный платил штраф до 200 рублей. Когда же возведенное здание рушилось от «неправильности постройки или же от употребления материалов дурного качества», архитектор и его помощники в первый раз подлежали аресту до 3 месяцев. В другой раз им грозило тюремное заключение до 6 месяцев и лишение права брать подряды в течение определяемого судом срока (до 6 лет). Это же наказание предусматривалось и при злоупотреблениях, дополнительно об этом объявлялось в ведомостях обеих столиц и виновные отрешались от должности. Наказание

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. С. 199.

ужесточалось, если деяние было произведено с корыстными целями (ст. 1340–1342).

Строительство православной церкви без надлежащего разрешения духовного и светского начальства наказывалось денежным штрафом до 500 рублей. Если при составлении смет казенных построек были допущены отступления от правил и при этом был нанесен ущерб казне, виновный лишался всех особенных прав и преимуществ, ссылался в Сибирь с заключением до 2 лет (ст. 1350, 1353).

Впервые Уложение ввело новый состав преступления «О нарушении правил, установленных для сохранения путей сообщения». Умышленное повреждение верстовых столбов, мостов на дорогах, плотин, гатей и т. п. влекло за собой денежные штрафы или телесные наказания (ст. 1425–1426). Очень строго наказывало Уложение за умышленное повреждение железной дороги, когда виновный знал, что своими действиями он мог подвергнуть опасности следующий по этой дороге транспорт. Виновный подлежал лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в крепостях до 12 лет, наказанию плетью с наложением клейм (ст. 1442–1443).

Арест до 3 месяцев или тюремное заключение до 6 месяцев грозили надзирающему за железной дорогой, если он, заметив опасность для следующего по дороге транспорта, не предпринимал соответствующих мер. За умышленное повреждение шлюзов, плотин, водоспусков и других гидротехнических сооружений виновный подвергался лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке в отдаленнейшие места кроме Сибирских с заключением до 6 месяцев, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты до 2 лет либо заключению в рабочем доме до 1 года (ст. 1475). Несмотря на многочисленность статей о нарушении постановлений о сообщениях сухопутных, Уложение в своих статьях не предусматривало наказания за заведомо недобросовестное и опасное сооружение, строительство, изготовление железнодорожных вагонов, пароходов, кораблей, мостов, переправ, гидротехнических сооружений. Между тем неправильное строительство дома составляло уголовный проступок¹.

Лоцманы, виновные в умышленном потоплении судна, на котором находились люди, подлежали лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях сроком до 10 лет, наказанию плетью с наложением клейм. Наводнение, совершенное с целью потопления селения, наказывалось каторгой в рудниках до 20 лет (ст. 1494–1498).

Устанавливалась ответственность и за нарушение уставов почтовых. Так, похищение или утайка пакетов с деньгами либо посылок наказывались как присвоение вверенного по службе имущества. Виновные обязывались возвратить утаенное и возместить убытки. Чиновникам почтового ведомства

¹ См.: Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 3. С. 277–278.

за утрату по неосторожности пакетов с деньгами либо посылок выносился строгий выговор, или арест до 3 месяцев, или вычет из времени службы до 1 года. Удаление с должности предписывалось почтовому чиновнику за распечатывание письма, посылки (ст. 1524–1530). За провоз писем, денег, посылок на владельцев дилижансов налагался денежный штраф. Это же наказание следовало и за учреждение помимо почтового ведомства частного заведения для пересылки писем и денег (ст. 1532–1566).

Том 15 Свода законов 1857 г. изд. расширил главу и ввел новый состав преступления «О нарушении уставов телеграфических» (ст. 1625–1635). Повреждение телеграфической связи по неосторожности, без намерения, влекло денежный штраф до 30 рублей, или арест до 3 месяцев, или наказание розгами до 30 ударов. Наказание возрастало за это же преступление, совершенное умышленно. Виновный подвергался лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке на житье в Тобольскую или Томскую губернии без права выезда в другие губернии до 4 лет, наказанию розгами до 70 ударов и отдаче в исправительные арестантские роты на 6 месяцев.

Уложение 1845 г. выделило и специальные статьи «О нарушении постановлений о кредите». Тяжким преступлением считалась подделка билетов частных и общественных банков, которая предусматривала лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на заводах сроком до 8 лет, наказание плетью с наложением клейм. Так же сурово наказывался подлог при займах, а выдача ссуд и вкладов с ущербом наказывалась Уложением как трата вверенного по службе имущества. За нарушение тайны при производстве кредитных операций полагалось отрешение от должности. При подделке векселя предписывалось лишение всех прав состояния, ссылка в Сибирь на поселение и наказание плетью через палачей. Это же наказание грозило тем лицам из торгового сословия, которые были изобличены в злонамеренном банкротстве. За неосторожное банкротство виновный из лиц торгового сословия лишался прав торговли и мог быть заключен в тюрьму до 2 лет (ст. 1567–1588).

Согласно торговым уставам за производство торговли по фальшивому свидетельству либо без свидетельства виновные подлежали денежным штрафам (ст. 1591, 1594). Употребление при торговле мер и весов, не имеющих установленных клейм, помимо денежного штрафа наказывалось лишением права торговли (ст. 1595–1632). Строгое наказание предусматривалось за подделку акций торгового общества, товарищества или компании. Виновных лишали всех прав состояния, ссылали в отдаленнейшие места Сибири и наказывали плетью (ст. 1633–1634). То же наказание следовало за намерение совершить кораблекрушение либо за истребление или порчу маяков (ст. 1641–1642). За нанесение вреда или ущерба кораблю вследствие недостатка знания или нерадивости корабельщика предусматривалось возмещение убытков и запрет выходить в море до получения нового свидетельства

о приобретении новых познаний (ст. 1668–1680). Корабельные служители, подвергнувшие корабль намеренной гибели, приговаривались к лишению всех прав состояния, ссылке в каторжную работу в крепостях до 10 лет, наказанию плетью с наложением клейм (ст. 1691).

Уложение устанавливало ответственность за нарушение уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности. Учреждение завода, фабрики или мануфактуры без законного на то права наказывалось денежным штрафом до 500 рублей, и виновный обязывался передать в течение 6 месяцев свое заведение лицу, имеющему право содержать его (ст. 1780–1783). За учреждение завода или фабрики для подделки иностранных или составления искусственных вин либо для оружейного, пушечного, порохового или карточных дел следовала конфискация всех машин, инструментов, самого завода, возмещение убытков казне, а также денежный штраф (ст. 1784–1786). Если хозяин фабрики принимал к себе мастерового без паспорта, то он отвечал по статьям о «передержательстве» людей без надлежащих видов и обязывался к уплате всех убытков прежнему хозяину. Более строго наказывалось неповиновение фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом. Если виновные выступали «целой артелью или толпой», то они судились по статьям за восстание против властей, правительством установленных. Стачка работников завода или фабрики за повышение получаемой ими платы влекла за собой арест участников сроком до 3 месяцев (ст. 1791–1792). За самовольное снижение платы своим работникам содержатели фабрик, заводов и мануфактур подвергались денежному штрафу до 300 рублей с возмещением понесенных работниками убытков (ст. 1794). Подмастерья и ученики за неповиновение мастерам наказывались денежными штрафами и арестом до 3 недель или подлежали наказанию розгами (ст. 1820–1824). За злоупотребления мастер приговаривался в первый раз денежному штрафу, во второй раз его ученики передавались на 1 год другому мастеру, а в третий раз он лишался права держать учеников (ст. 1825–1831).

Раздел девятый закреплял ответственность за преступления и проступки против законов о состояниях. Тяжкое наказание следовало за похищение, уничтожение или подделку, подчистку, переправку законного акта, совершенную с намерением скрыть права состояния или звания какого-либо лица. Виновный при этом подвергался лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, наказанию плетью через палачей. Обращение свободного человека в крепостное состояние наказывалось лишением всех особых прав и преимуществ, ссылкой на житье в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 3 лет, наказанием розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 6 лет (ст. 1852–1856). Еще более строгое наказание полагалось за похищение или подмену ребенка. Виновному предписывалось лишение всех прав состояния, ссылка в каторжную работу на заводах до 6 лет, наказание плетью с наложением клейм, отдача в исправительные

арестантские роты до 2 лет, либо заключение в смирительном доме до 3 лет, либо тюремное заключение до 6 лет. Даже временное оставление такого ребенка у себя влекло денежные штрафы и тюремное заключение до 6 месяцев (ст. 1657–1659). Разбирая постановления первого отделения главы 1 раздела IX, Н. А. Неклюдов¹ пришел к заключению, что все законоположения настоящего отделения могли бы быть выведены из Уложения как особые преступления против законов о состояниях не только в интересах правильной кодификации, но и в интересах судебной практики. Соккрытие прав состояния при помощи похищения, уничтожения актов состояния (ст. 1852) составляло один из случаев общего преступления – похищения чужих актов и документов. Поскольку это преступление не только предусматривалось особо ст. 2165 Уложения, но и облагалось тем же самым наказанием, что и преступление ст. 1852, то эти два законоположения могли быть слиты воедино. То же самое следует сказать и о лишении прав состояния посредством подлога в документах (ст. 1853), так как очевидно, что подобное преступление составляло обыкновенный подлог, которому и должно быть отведено место в ряду общего учения Уложения о подлогах. Относительно похищения младенцев и удержания чужих детей (ст. 1857–1859), бесспорно, что настоящее преступление составляло только один из случаев преступного похищения людей вообще. Следовательно, было бы правильнее исключить законоположения ст. 1857–1859 Уложения из числа законоположений раздела IX и отвести им подобающее место в других группах преступлений.

Особым составом было участие в торге неграми и продажа их в рабство. Под этим подразумевалась продажа в рабство либо передача народам Средней Азии лиц, состоящих в российском подданстве, что влекло за собой лишение всех прав состояния, ссылку в каторгу до 10 лет, наказание плетью с наложением клейм. Такое же наказание следовало и за снаряжение и вооружение корабля для производства такого торга (ст. 1860–1861).

Присвоение прав состояния, звания, почетных достоинств, титулов и иных отличий наказывалось Уложением достаточно строго. Если кто-то присваивал себе не принадлежащие ему права состояния, звание, чин, титул или знак отличия посредством подложно составленных или измененных документов и при этом выдавал себя за другое лицо, то он подлежал лишению всех прав состояния, ссылке в Сибирь на поселение, наказанию плетью (ст. 1862). За выдачу себя «хотя без всякого злоумышления» за одного из членов царствующего дома полагалось лишение всех прав состояния и ссылка в каторгу на заводах до 6 лет, наказание плетью с наложением клейм (ст. 1865). Присвоение чужих орденов, знаков отличия, не принадлежащих виновному титулов, герба, короны наказывалось денежными штрафами, кратковременным арестом от 3 недель до 3 месяцев либо заключением

¹ Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 3. С. 523–524.

в смирительном доме или отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет (ст. 1863–1864, 1866–1867). Если это способствовало совершению другого преступления, виновный отвечал по правилам о совокупности преступлений (ст. 1868). Виновные в незаконном приобретении крепостных наказывались денежными штрафами, а крепостные отбирались в крепостное ведомство «без всякого вознаграждения» (ст. 1869–1877).

Уложение предусматривало наказания за злоупотребления помещичьей властью. Заключение в смирительном доме до 3 лет с потерей некоторых особенных прав и преимуществ подвергались помещики, избалованные в жестоком обращении со своими крепостными. Если помещик не исполнял свои обязанности в отношении своих крепостных и они были замечены в прощении подаяния, то за каждого пойманного владелец платил денежный штраф (ст. 1900–1906). Также выделялись преступления крепостных людей против своих господ. За возмущение против своих господ виновные подлежали наказаниям за восстание против властей, правительством установленных (ст. 1907). Всякое упорное неповиновение крепостных своим господам, «хотя и без явного восстания», или подача крепостными жалобы на своего помещика наказывались розгами до 50 ударов (ст. 1908–1909). Крепостные, сочинившие подложные отпускные или документы, дававшие им право на поступление в свободное состояние, наказывались как за подлог – лишением всех прав состояния, ссылкой в Сибирь на поселение с наказанием плетьюми или розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 4 лет, а самовольный переход крепостных к другому владельцу или на другие земли влек за собой наказание розгами до 60 ударов (ст. 1910–1911). За составление подложных актов состояния, хранение или их выдачу для виновных предусматривались наказания за подлоги по службе. Нарушения постановлений о народной переписи наказывались денежными штрафами (ст. 1912–1917).

Раздел десятый Уложения устанавливал наказания за преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц. Самым тяжким преступлением раздела было убийство. Уложение различало простое убийство, убийство без умысла, но совершенное не случайно, и убийство с заранее обдуманном умыслом, то есть квалифицированное предумышленное убийство. За квалифицированное убийство полагалось лишение всех прав состояния, бессрочная каторга в рудниках, наказание плетьюми до 100 ударов с наложением клейм. Уложение о наказаниях отнесло к квалифицированному виду убийства убийство отца или матери; убийство, совершенное во второй раз; убийство жены или мужа, сына или дочери, родных деда или бабушки, внука, родного брата или родной сестры; убийство начальника или господина, у которого убийца находился в услужении, либо был обязан воспитанием или содержанием; убийство беременной. Убийства различались и по тому, как они были совершены: через поджог или взрыв пороха или газа либо разрушение строения, плотины или иное потопление, порчу мостов или железных дорог и т. п.;

лишение жизни через истязания и жестокие мучения; убийство из засады; убийство с корыстной целью: для ограбления или получения наследства, отравление; лишение жизни другого по ошибке (ст. 1920–1924, 1927). Наказание смягчалось на три степени, даже в случае предумышленного убийства, если мать убивала своего новорожденного ребенка из страха или стыда при условии, что до этого она не была виновата в подобном преступлении. Если же преступление было непредумышленным, совершенным в первый раз, а женщина – незамужней, то она лишалась всех прав состояния и ссылалась в Сибирь на поселение с наказанием плетьюми (ст. 1922). Предумышленное убийство беременной женщины, когда убийца знал о ее положении, наказывалось лишением всех прав состояния, ссылкой в каторгу на рудники до 20 лет, плетьюми с наложением клейм (ст. 1923). Это же наказание следовало и за убийство при отягчающих обстоятельствах: через поджог, путем взрыва пороха или газа, разрушения строения, прорыв плотины, порчу мостов, железных дорог, выстрелов в толпу людей, то есть любые действия, при которых подвергались опасности несколько лиц, селение, город. Сюда же относилось убийство с истязанием, жестокими мучениями; убийство из засады, случай, когда убийца заманивал жертву в место, где он мог удобнее посягнуть на ее жизнь; убийство для ограбления, получения наследства, завладения какой-либо собственностью; убийство путем отравления (ст. 1924).

Убийство с заранее обдуманном умыслом, но без отягчающих обстоятельств наказывалось лишением всех прав состояния, ссылкой в каторгу до 15 лет, плетьюми с наложением клейм. Убийство, совершенное вместе с соучастниками, для зачинщиков наказывалось строже. Они подвергались лишению всех прав состояния, ссылке в каторгу до 20 лет, наказанию плетьюми с наложением клейм (ст. 1925). Убийство, совершенное без заранее обдуманного намерения или умысла, в запальчивости или раздражении, но не случайно, влекло лишение всех прав состояния, ссылку в каторгу до 12 лет, наказание плетьюми с наложением клейм. Наказание возрастало на одну степень, если виновный находился с убитым в родственных, брачных или служебных отношениях (ст. 1926). Тюремное заключение до 2 лет полагалось за приготовление к убийству (приобретение оружия, орудий, снарядов, яда), которое не совершилось из-за раскаяния виновного. Однако если совершению убийства помешали только внешние обстоятельства, то виновный приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение с наказанием плетьюми (ст. 1928).

Уложение уделило много внимания преступлениям против детей. Оставление новорожденного младенца без помощи, в результате чего наступила его смерть, наказывалось лишением всех особенных прав и преимуществ, ссылкой на житье в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 2 лет, розгами и отдачей в рабочий дом до 6 лет. Наказание значительно смягчалось, если ребенок родился мертвым, а мать из страха или стыда

скрыла его тело (ст. 1931). Если кто-либо без ведома и согласия беременной женщины умышленно производил изгнание плода, то он лишался всех прав состояния, ссылался в каторжные работы на заводах до 6 лет, наказывался плетьюми с наложением клейм. В случае, если при этом причинялся вред здоровью или наступала смерть женщины, то следовала ссылка в каторгу в крепостях до 10 лет. Когда это преступление совершалось с ведома женщины, виновный лишался всех прав состояния, ссылался в отдаленнейшие места Сибири на поселение и наказывался плетьюми до 30 ударов. Женщина, кроме лишения всех прав состояния, ссылалась в Сибирь на поселение и наказывалась плетьюми (ст. 1932–1933). Наказание увеличивалось на одну ступень, если в преступлении были виновны врач, акушер, повивальная бабка или аптекарь либо виновный был уличен в преступлении вторично (ст. 1934). Умерщвление младенца «чудовищного вида» наказывалось лишением всех особых прав и преимуществ, ссылкой в Томскую или Тобольскую губернии, розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет. Христиане предавались церковному покаянию (ст. 1940).

Совершение неосторожного убийства («кто, зная и предвидя, что от противозаконного действия другое лицо или несколько лиц должны подвергнуться опасности, не смотря на то, исполнит преднамеренное, и, хотя без прямого умысла, учинит убийство») наказывалось лишением всех прав состояния, ссылкой в каторгу до 12 лет, плетьюми с наложением клейм (ст. 1929). Нанесение побоев или иных насильственных действий, от которых произошла смерть, также относилось к неосторожному убийству. Смирительным домом до 2 лет с потерей некоторых особых прав и преимуществ наказывались виновные в учинении драки, в результате которой кому-либо была причинена смерть (ст. 1935–1936). Не подлежало никакому наказанию случайное убийство, на виновного лишь налагалось церковное покаяние по его желанию (ст. 1941).

Превышение пределов необходимой обороны, когда нападавшему причинялась смерть уже после отвращения грозившей опасности, наказывалось тюремным заключением до 1 года, или арестом до 7 дней, или выговором, церковным покаянием по распоряжению духовного начальства (ст. 1938). Не подлежало наказанию убийство, если оно было совершено для защиты собственной жизни, жизни другого, «целомудрия и чести женщины» без нарушения пределов необходимой обороны, оговоренных в ст. 107–109 Уложения. Сюда же относилось и убийство бежавшего из тюрьмы, если не было иного способа предупредить побег, либо бежавшего из карантина или карантинного судна, если он напал на чиновника или служителя карантинной стражи либо на охраняемые ими здания, вещи, деньги (ст. 1942).

Самоубийцы по Уложению, так же как и по Своду законов, лишались христианского погребения, их предсмертные распоряжения и духовные завещания признавались недействительными¹. Не преследовалось самоубийство, совершенное из «великодушного патриотизма» для сохранения государственной тайны, или женщиной, покушавшейся на свою жизнь «для спасения целомудрия и чести своей» (ст. 1945), а также совершенное в безумии, сумасшествии, временном болезненном припадке беспамьятства (ст. 1943). Покушение на самоубийство в отличие от Свода законов не подлежало наказанию, виновные предавались церковному покаянию (ст. 1944). Строго наказывалось склонение, доставление средств, подговоры к самоубийству, за это следовала каторжная работа. Суровость наказания объяснялась тем, что Уложение рассматривало подговорщиков к самоубийству как пособников убийства (ст. 1946). Родители, опекуны и лица, обличенные властью, побудившие подчиненное им лицо к самоубийству через злоупотребление властью, лишались некоторых особенных прав и преимуществ и заключались в смиренный дом сроком до 2 лет (ст. 1947). Составители Уложения 1845 г. сами понимали всю неуместность причисления самоубийства к преступлениям. Неклюдов Н. А. указывал², что данное законоположение должно быть исключено из Уложения. Закон предусматривал за самоубийство не уголовные, а лишь полицейско-предупредительные меры: лишение погребения и недействительность завещания, а за покушение – церковное покаяние.

Уложение выделяло пять видов телесных повреждений: увечья, раны, побои, расстройство здоровья, расстройство умственных способностей. Увечья подразделялись на два типа: более тяжкие и менее тяжкие. Тяжкое увечье состояло в лишении зрения, языка, слуха, руки, ноги или детородных частей, в неизгладимом обезображении лица. Нанесение увечья влекло лишение всех прав состояния, ссылку в каторгу до 6 лет, наказание плетьюми с наложением клейм. Более тяжкое увечье, сопровождаемое истязаниями или мучениями, увеличивало наказание: срок каторжных работ возрастал до 8 лет (ст. 1948). Менее тяжкое увечье наказывалось лишением всех особенных прав и преимуществ, ссылкой на житье в Томскую или Тобольскую губернии, розгами и отдачей в исправительные арестантские роты на срок от 1 года до 2 лет (ст. 1949–1951). За нанесение тяжелых ран с обдуманым заранее намерением или умыслом виновный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, наказанию плетьюми либо лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке на житье в Томскую или Тобольскую губернии, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты до 6 лет. Наказание облегчалось за нанесение легких ран в запальчивости или раздражении (ст. 1952–1954). Если от увечья, раны или иного повреждения

¹ См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. СПб., 1907. С. 297.

² См.: *Неклюдов Н. А.* Приложение к учебнику Бернера. Т. 1. С. 409–410.

здоровью, нанесенных с обдуманном намерением, наступала смерть, то виновный лишался всех прав состояния, ссылался в каторжные работы в крепостях до 10 лет, наказывался плетьюми с наложением клейм. Нанесение ран и увечий в драке или ссоре без обдуманного намерения влекло тюремное заключение сроком до 2 лет (ст. 1956). Постановления, касающиеся посягательств на телесную неприкосновенность, были непригодны для практики, скорее запутывали, чем разрешали недоразумения. В законе не содержалось указания на нанесение удара, так как побои предполагали многократность или целый ряд насилий. В Уложении отсутствовали точные признаки отличия одного рода повреждений от другого. Яснее всех были описаны тяжкие увечья. Однако что такое увечья легкие, как отличить их от ран, что такое раны, что подразумевается под «иным повреждением», чем оно отличается от тяжких побоев, истязаний и ран – все это Уложением не рассматривалось¹.

Причинение расстройства здоровью или умственных способностей путем примешивания ядовитых веществ в съестные припасы или напитки подвергалось наказанию по ст. 1948 Уложения как за умышленное нанесение тяжкого увечья. Если это преступление совершалось врачом, фармацевтом или повивальной бабкой, то наказание повышалось на одну ступень (ст. 1957).

Уложение выделяло побои тяжкие, подвергающие жизнь опасности; побои тяжкие без опасности для жизни; побои легкие. За нанесение тяжких побоев с умыслом, подвергающих жизнь опасности, или истязаний и мучений виновный лишался всех особенных прав и преимуществ, ссылался на жительство в Енисейскую или Иркутскую губернии до 12 лет, наказывался розгами до 100 ударов и отдавался в исправительные арестантские роты до 10 лет. Если в результате побоев были нанесены увечья или тяжкие раны либо наступало повреждение умственных способностей, то назначалось каторга от 4 до 6 лет и наказание плетьюми с наложением клейм. В случае, когда последствием побоев была смерть, следовала каторга сроком от 8 до 10 лет (ст. 1960–1961). Нанесение побоев, ран, увечий беременной женщине, вызвавших преждевременные роды и смерть ребенка, подлежало наказаниям «всегда в самой высшей оных мере» (ст. 1962). Строгость наказания увеличивалась на три степени, если побои были нанесены отцу или матери и на две степени, если они были нанесены кому-либо из родственников. Тюремным заключением, арестом или выговором наказывались телесные повреждения, причиненные при превышении необходимой обороны (ст. 1964). Случайное нанесение раны и увечья или иное повреждение здоровью не подлежало наказанию (ст. 1968). Сверх определенных наказаний за побои увечья и раны только сами потерпевшие, их родители, опекуны, родственники могли предъявлять иски для возмещения затрат на излечение (ст. 1969).

¹ См. об этом: *Латкин Н. В.* Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1909. С. 461; *Неклюдов Н. А.* Руководство к Особенной части. Т. 1. С. 245–248.

Уложение включило постановления «О поединках» в раздел о преступлениях «против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». Под поединком или дуэлью понимался заранее условленный бой «на благородном оружии» (шпаги, пистолеты), при одинаковых шансах, при свидетелях (секундантах) и с соблюдением некоторых правил, установившихся с незапамятных времен¹. Виды поединков или дуэлей различались по тяжести наказаний – от тюремного заключения в течение нескольких месяцев до 10 лет заключения в крепости и ссылки на поселение. Аресту до 7 дней подвергался виновный за вызов на дуэль. Если поединок заканчивался без кровопролития, то следовал арест от 3 недель до 3 месяцев; вторичный вызов на дуэль наказывался заключением в крепости до 6 месяцев. Наказание значительно смягчалось, если вызов на дуэль был сделан лицом, затеявшим ссору, или были оскорблены мать, отец, жена, невеста, родная сестра, дочь, невестка (ст. 1970–1972). За умышленное подстрекательство к поединку виновный заключался в крепость до 6 лет или в тюрьму до 2 лет (ст. 1973–1975). Если в результате поединка наступала смерть, то виновный подвергался заключению в крепости на срок от 6 до 10 лет, а в случае нанесения тяжелых ран и увечий – от 3 до 6 лет. Если вследствие дуэли наступала смерть обидчика, виновный подвергался заключению в крепости от 3 до 6 лет, а если был убит оскорбленный, то виновный подлежал лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь. Нанесение несмертельных ран наказывалось заключением в крепости до 3 лет (ст. 1976–1977). Вышедшие на поединок и примирившиеся освобождались от наказания (ст. 1979). Часть статей была посвящена ответственности свидетелей (секундантов) поединка. Секунданты за неупотребление всех возможных средств к прекращению поединка, в результате которого произошла смерть или были причинены смертельные раны, наказывались заключением в крепости от 6 месяцев до 1 года, во всех остальных случаях – тюрьмой от 3 до 6 месяцев (ст. 1980). Даже случайно оказавшийся на поединке, следствием которого стала смерть одного из участников, отвечал как виновный за оставление без помощи человека в опасности (ст. 1984).

Произвольное оставление человека в опасности и неоказание помощи погибающему – этот состав преступления был новеллой Уложения. Оставление без помощи ребенка до 7 лет или взрослого в таком месте или положении, когда их жизнь могла подвергнуться опасности, влекло лишение всех особых прав и преимуществ, ссылку в Сибирь до 12 лет, розги до 80 ударов и отдачу в исправительные арестантские роты до 10 лет. Самовольное оставление попутчика в месте, где его жизнь могла подвергнуться опасности, наказывалось заключением в смирительном доме до 3 лет, лишением некоторых прав и преимуществ или тюремным заключением до 1 года. Уложение

¹ См. об этом: Развитие русского права в первой половине XIX века. С. 206; Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1870–1871. Т. 1. С. 154.

квалифицировало этот вид преступления как убийство без прямого намерения. Оставление больных врачами, акушерами, фельдшерами без медицинской помощи наказывалось тюрьмой от 2 до 4 месяцев или арестом до 3 месяцев (ст. 1991–1997).

Следующая глава была посвящена оскорблениям чести. В ней рассматривались преступления против чести и целомудрия женщины – растление и изнасилование. Объектом растления были малолетние до 14 лет. За растление, сопровождавшееся насилием, виновный приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу до 12 лет, наказанию плетью с наложением клейм. Если растление было учинено без насилия, но «по употреблению во зло ее невинности и неведения», то виновный ссылался в каторгу в крепости от 8 до 10 лет или на заводы от 4 до 8 лет. В случае, когда виновный был опекуном или родственником малолетней, за преступление следовала каторга в крепостях до 12 лет, наказание плетью с наложением клейм (ст. 1998–1999). За изнасилование наказание возрастало на одну ступень, если: была изнасилована замужняя женщина или увезенная «против воли обманом»; изнасилование сопровождалось побоями и истязанием; преступление было учинено над лицом, приведенным в состояние беспамятства или неестественного сна; учинено опекуном, попечителем, наставником изнасилованной девицы или женщины, смотрителем тюрьмы, где она содержалась, или лицом, имевшим какую-либо власть, или же врачом ее лечившим; крепостным или наемным служителем самой изнасилованной или ее мужа, или родителей, или опекунов и воспитателей; если жизнь изнасилованной подвергалась опасности.

За смерть, наступившую вследствие изнасилования, виновный, помимо лишения всех прав состояния, подвергался ссылке в каторгу в крепостях до 12 лет, наказанию плетью с наложением клейм (ст. 2000–2002). Если изнасилование было соединено с растлением, виновный наказывался «в самой высшей оных мере». Если изнасилованная не имела средств к существованию, то по требованию ее родителей и опекунов, из имения виновного назначалось содержание: «до выхода ее в замужество» (ст. 2003). За похищение девицы с целью ее оболыщения или же «токмо гласностью такового происшествия повредить ее чести» следовало заключение в смирительном доме сроком от 6 месяцев до 1 года, если похищенная была девицей или вдовой, а если была замужней – от 2 до 3 лет с лишением некоторых прав и преимуществ. Оболыщение наказывалось Уложением в двух случаях: 1) за «оболыщение не состоящей в замужестве торжественным обещанием на ней жениться» полагалось лишение некоторых особенных прав и преимуществ и заключение в смирительном доме до 3 лет (ст. 2006); 2) оболыщение несовершеннолетней девицы своим опекуном, учителем или лицом, имеющим надзор за ней, предусматривало лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку на житье в Сибирь, плети до 70 ударов и отдачу в исправительные

арестантские роты до 4 лет. Наказание увеличивалось на две степени, если виновным в обольщении был слуга, крепостной или наемный, либо слуга ее родителей, опекунов, родственников (ст. 2007). Дела об изнасиловании, растлении, похищении и обольщении девиц и женщин начинались только по жалобе потерпевшей или ее родителей, родственников, опекунов или других лиц, обязанных ее опекать. Иск по изнасилованию замужней женщины начинался только по ее собственной жалобе или жалобе ее мужа (примеч. к ст. 2007).

Состав «непосредственные личные оскорбления» имел следующие виды: личные обиды, клевета, распространение ругательных или оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов, открытие секрета, угроза, самоуправство. Нанесение личной обиды по жалобе обиженного наказывалось арестом до 3 месяцев, и сверх этого виновный был обязан попросить прощение у обиженного и заплатить ему за обиду. По Уложению, так же как и по Своду законов, предусматривалась возможность выбора лицом иска двух родов: гражданского (право требовать денежного вознаграждения) и уголовного. За нанесение личной обиды с заранее обдуманном намерением или умыслом, если при этом были нанесены побои, пусть и не подвергающие жизнь обиженного опасности, назначалось тюремным заключением от 3 месяцев до 1 года с потерей некоторых особых прав и преимуществ. Наказание повышалось на одну ступень, если обиды были нанесены в церкви, во дворце, публичном месте либо многолюдном собрании или лицу женского пола с нарушением правил благопристойности (ст. 2008–2010). При нанесении личной обиды отцу, или матери, или иному родственнику по прямой восходящей линии виновный по жалобе оскорбленного приговаривался к лишению всех особых прав и преимуществ, ссылке в Сибирь, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты на срок до 2 лет (ст. 2011).

Клевета – обвинение какого-либо лица, или его жены, или членов его семьи в деянии, «противном правилам чести». В отличие от обиды, которая могла быть нанесена как словом, так и действием, клевета выражалась только в словах. Отличительными элементами клеветы были заочность и несоответствие рассказываемого действительности. «Кто дозволил себе в... бумаге, оклеветать кого-либо несправедливо, обвиняя его, или жену его, или членов его семейства в деянии, противном правилам чести», тот подвергался тюремному заключению от 3 месяцев до 1 года, обязывался испросить у обиженных прощение и по их желанию заплатить денежный штраф. Судебные приговоры о клеветнике могли публиковаться в столичных и местных губернских ведомостях за счет виновного (ст. 2017).

«Кто, для оскорбления чести какого-либо лица, или же хотя и без корыстных... видов, но с намерением препятствовать в каких-либо делах, или же иным образом вредить ему, подделал письмо или иную бумагу от имени сего лица», тот подлежал лишению прав и преимуществ или заключался в смиренный дом на срок от 6 месяцев до 1 года без лишения особых прав

и преимуществ (ст. 2021). «Когда подделка письма или иной бумаги от имени другого лица была учинена не с намерением оскорбить оное или вредить ему, но для каких-либо... не корыстных видов», виновный подвергался тюремному заключению до 1 года (ст. 2022). За клевету, составление и распространение сочинений или изображений, оскорбительных для чести опекунов, учителей и начальников, наказание повышалось на одну степень, а клевета в адрес родителей или иных родственников по прямой восходящей линии влекла наказание на три степени выше. Дела о клевете и распространении слухов начинались только по жалобе самих оскорбленных, их супругов, родителей или опекунов (примеч. к ст. 2024). Открытие секрета, тайны, то есть распространение сведений, которые были сообщены лицу «по званию его или особой к нему доверенности», предусматривало арест от 3 недель до 3 месяцев либо тюрьму от 3 до 6 месяцев. Сверх этого виновный должен был испросить прощение и уплатить оскорбленному по законам гражданским и постановлениям о благоустройстве в казенных селениях определенную сумму. Наказание возрастало на одну степень, если виновный узнал о тайне через вскрытие чужого письма, пакета, шкафа, ящика. За подделку писем или бумаг, вредящих чести оскорбленного, от имени другого лица оскорбителю полагалось заключение в смиренный дом до 3 лет, а если письмо нанесло вред, то в тюрьму до 1 года (ст. 2020–2022).

В Уложении в разделе десятом говорилось о противозаконном задержании и заключении – самоуправстве. «Того, кто, по какой бы то ни было причине и с каким бы то ни было намерением... самовольно и насильственно лишит кого-либо свободы... более трех месяцев», приговаривали к лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке в Сибирь с заключением до 2 лет, наказыванию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты до 4 лет. Если самовольное заключение или задержание продолжалось более недели, то виновный помещался в смиренный дом до 2 лет, а если не более недели, то заключался в тюрьму на срок от 3 до 6 месяцев (ст. 2025).

Угроза состояла в сообщении кому-либо устно или в письме о совершении над ним преступления: об убийстве его, членов его семьи, близких родственников или о поджоге жилища, имущества с требованием положить в означенное место деньги, вещь или письменный акт, либо принять на себя невыгодные обязательства, либо отказаться от какого-либо законного права. За это преступление виновный подвергался лишению всех прав состояния, ссылке в каторгу от 4 до 6 лет, наказанию плетьюми с наложением клейм (ст. 2035). Угроза побоями влекла арест от 7 дней до 3 недель. Наказание повышалось на одну степень, если угрозы делались в адрес начальника или лица, «коим виновный был благодетельствован», и на три степени за угрозы отцу, матери или иному родственнику по восходящей линии (ст. 2038).

Раздел одиннадцатый «О преступлениях против союза брачного» содержал следующие составы преступлений: «О преступлениях против союза брачного», «О злоупотреблении родительской властью, и о преступлениях детей против родителей», «О преступлениях против союза родственного», «О злоупотреблении властью опекунов и попечителей». По мнению Н. А. Неклюдова,¹ не существовало другого раздела, который бы расходился до такой степени с кодексами Западной Европы, как отделение 1 главы 1 раздела XI Уложения о противозаконном вступлении в брак. Уголовные уложения Европы знали только одно самостоятельное преступление многобрачия, в то время как Уложение о наказаниях заключало в себе целых 30 статей, определявших карательную ответственность вступавших в брак, свидетелей и венчающих брак священников. Это резкое отличие объясняется исключительно тем соображением, что законодательства Западной Европы успели давно отмежевать сферу правосудия уголовного от сферы правосудия гражданского и церковного.

Похищение незамужней женщины для вступления с нею в брак наказывалось по жалобе ее родителей или опекунов. Виновный лишался всех особенных прав и преимуществ, ссылался в Сибирь с заключением до 3 лет, розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 6 лет (ст. 2040). Это же наказание назначалось и за вступление в новый брак лиц христианской веры, уже состоящих в браке (ст. 2045). Лицо христианской веры, не связанное прежним супружеством, вступившее в брак с лицом, находящимся в браке, приговаривалось к лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке в Сибирь с заключением до 2 лет, розгам и отдаче в исправительные арестантские роты до 4 лет; кроме этого виновный подвергался церковному покаянию. Свидетели бракосочетания, знавшие об указанном обстоятельстве, отдавались в исправительные арестантские роты на срок от 1 года до 2 лет. Если они способствовали этому преступлению, то им назначалось наказание. Православным священникам, виновным в совершении такого бракосочетания, устанавливались взыскания и наказания по уставу духовных консисторий. Если священники других христианских вероисповеданий совершали такое бракосочетание по ошибке, то в первые два раза им выносился строгий выговор и денежный штраф до 200 рублей, а в третий раз они лишались духовного сана. Если же священники знали о противозаконности брака, то они лишались сана и заключались в тюрьму на срок до 1 года. При «способствовании» преступлению виновные судились как пособники (ст. 2046–2048).

Лица не христианской веры за вступление в новый брак при существовании прежних, когда «сие противно законам их веры или особым о смешанных между протестантами и магометанами брака постановлениям», подвергались

¹ Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 3. С. 154–155.

заклучению в смирительном доме на срок до 2 лет и лишению некоторых особенных прав и преимуществ (ст. 2049).

Одним из условий брака было отсутствие степеней родства между вступающими в брак. За вступление в брак «в такой степени родства или свойства, в которой закон не дозволяет браков», виновные приговаривались к тюремному заключению от 6 месяцев до 2 лет и церковному покаянию по определению духовного суда. Вступившим в брак в первой или второй степени родства выносилось наказание за кровосмешение. Родители и опекуны за допущение таких браков подлежали аресту на срок от 3 дней до 3 месяцев, за браки в первой и второй степени родства они отвечали как сообщники в кровосмешении (ст. 2050–2053).

Вступление в брак «прежде или позднее определенного законами церковными или государственными возраста» наказывалось тюремным заключением до 6 месяцев или арестом до 3 месяцев. Запрещалось и вступление в четвертый брак или брак с нехристианами, вступление в брак без разрешения начальства, родителей, опекунов. За эти преступления следовало тюремное заключение или прощение родителей (ст. 2064–2067). За совершение брака с нехристианами «прежде определенного законами возраста или вследствие неправильных разводов» виновные подлежали удалению от должности и заключению в тюрьме сроком до 6 месяцев. Равнины, избличенные в нарушении законов во второй раз, отдавались в рекруты без зачета либо в исправительные арестантские роты от 10 до 12 лет (ст. 2071).

Похищение замужних женщин, совершенное насильно с целью вступления с ними в брак, наказывалось по ст. 2004 и 2006. Когда же похищение было совершено по обоюдному согласию, оба заключались в тюрьму на срок от 1 года до 2 лет (ст. 2072–2074). По мнению современников, отделение 2 главы 1 раздела XI Уложения необходимо было перенести целиком в раздел преступлений против свободы в отделение или главу о похищении людей¹.

Уложение устанавливало ответственность за злоупотребление правами и нарушение обязанностей супружества. «За жестокое обращение с женой... в случае нанесения ей увечья или ран» виновный подвергался наказаниям, определенным в главе третьей раздела десятого Уложения за побои, раны, увечья с повышением наказания на две степени. Сверх этого ему полагалось церковное покаяние по распоряжению своего духовного начальства. Это же наказание назначалось и жене, избившей мужа (ст. 2075). Супруг, употребивший свою власть во зло и принудивший своего супруга к противозаконному делу, подвергался высшей мере наказания (ст. 2076). Лицо, состоящее в браке, за прелюбодеяние заключалось в монастырь или тюрьму от 6 месяцев до 1 года и предавалось церковному покаянию. Лицо, не состоящее в браке, за прелюбодеяние приговаривалось к тюремному заключению от 3 до 6 месяцев или к аресту от 3 недель до 3 месяцев (ст. 2077).

¹ См.: Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. 3. С. 175.

В главе «О злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей» закреплялась ответственность за принуждение родителями своих детей к браку или пострижению в монашество. Виновные заключались в тюрьму на срок от 6 месяцев до 2 лет и предавались церковному покаянию. Вовлечение несовершеннолетних детей в какое-либо преступление или умышленное развращение нравственности детей влекло для родителей наказания и взыскания в высшей мере (ст. 2078–2080). Присвоение и растрата родителями имущества детей наказывались как присвоение и растрата чужого имущества (ст. 2082). За нанесение ран или увечий сыном или дочерью следовали каторжные работы до 8 лет, плети до 40 ударов с наложением клейм. Наказание могло быть снижено по просьбе родителей (ст. 2083–2084). Заключение в смирительном доме до 6 месяцев грозило за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки детей (ст. 2085). К преступлениям против союза родственного относилось кровосмешение – незаконная плотская связь между родственниками по прямой восходящей или нисходящей линии, а также свойственниками. Уложение наказывало за эти преступления достаточно строго (ст. 2087–2090).

Глава «О злоупотреблении властью опекунов и попечителей» устанавливала ответственность за подлоги и обманы, совершенные опекунами в отношении «вверенных опеке их или попечительству», а также за присвоение и растрату имущества этих лиц. За это назначалось заключение в смирительный дом от 2 до 3 лет (ст. 2091). Принуждение к вступлению в брак или отдача в монастырь влекли тюремное заключение сроком до 2 лет (ст. 2078, 2092). Вовлечение в преступление лица, вверенного опеке, наказывалось «высшей мерой наказаний» (ст. 2093).

Раздел двенадцатый был посвящен преступлениям и проступкам против собственности частных лиц. Подлежало наказанию всякое нападение с насильем на чужие земли, дома или какое-либо недвижимое имущество с целью завладения им. Особое наказание предусматривалось для тех, по чьему приказанию было сделано нападение. Если нападающие не были вооружены и при этом не было учинено другого преступления, то они подвергались тюремному заключению от 1 года до 2 лет. Если же нападение было совершено людьми вооруженными и при этом были нанесены кому-либо тяжкие побои, раны, увечья или была угроза жизни, то виновные приговаривались к лишению всех прав состояний, ссылке в Сибирь на поселение, наказанию плетями и отдаче в исправительные арестантские роты на срок до 3 лет. Виновные в насильственном завладении чужой собственностью обязывались вознаградить владельца за все причиненные ему убытки (ст. 2094). За нанесение ран, увечий или тяжкое повреждение здоровья при насильственном нападении для завладения чужой недвижимой собственностью наказание выносилось по правилам совокупности преступлений (ст. 2095).

Уложение предусматривало в качестве истребления и повреждения чужого имущества поджог, взрыв газами, потопление и «все иные способы». Поджог с умыслом обитаемого здания наказывался лишением всех прав состояния, каторгой в крепостях от 8 до 10 лет, плетьюми с наложением клейм. Наказание повышалось на три степени, если была подожжена церковь, дворец, принадлежащий императору или членам его фамилии, поджог города с намерением распространить пожар по всему городу, особенно в те части, где были хранилища пороха, больницы, либо поджигатель уже был изобличен в подобном преступлении. За поджог присутственного места, государственных зданий, суда, архивов, институтов, библиотек, тюрем, театра, селения, корабля, магазинов, военных и морских снарядов, а также, когда поджог учинен шайкой злонамеренных, наказанию подвергались зачинщики, подговорщики или главные виновные (ст. 2107). За поджог безлюдных рудников следовало лишение всех прав состояния и ссылка в каторгу до 15 лет, наказание плетьюми с наложением клейм. Если же в рудниках находились люди, то каторга срочная заменялась на бессрочную (ст. 2108). За поджог нежилого строения полагалось лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь, наказание плетьюми с наложением клейм (ст. 2108–2109). Поджог считался настолько тяжким преступлением, что даже приготовление к нему влекло за собой лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку в Сибирь с заключением до 2 лет, розги и отдачу в исправительные арестантские роты до 4 лет (ст. 2111). Поджог застрахованного имущества с целью получения денежной прибыли, когда опасности не подвергались люди и другое имущество, наказывался лишением всех прав состояния, ссылкой в Сибирь и телесными наказаниями (ст. 2112).

Умышленный поджог чужого леса устанавливая ответственность в виде лишения всех прав состояния, ссылки в Сибирь и наказания плетьюми. Наказание повышалось на одну степень, если поджог был совершен шайкой злонамеренных, или вследствие засухи после сильного ветра можно было ожидать распространения пожара, или в лесу находились люди (ст. 2113).

За умышленный поджог чужого хлеба на корню, или в снопах, или в скирдах, в поле либо в гумне, овине либо другом необитаемом строении, а равно фруктовых садов, хмельников, сенокосов, складов дров, торфяников виновные подвергались лишению всех прав состояния, ссылке в Сибирь, наказанию плетьюми или розгами и отдаче в исправительные арестантские роты на срок от 1 года до 4 лет либо тюремному заключению до 2 лет (ст. 2114). За умышленное «по злобе или мщению» истребление огнем имущества виновным назначалось тюремное заключение до 1 года, или арест до 3 месяцев, или денежный штраф до 100 рублей (ст. 2115).

Потопление для разрушения, истребления или повреждения чужой собственности (лугов, полей, садов, огородов, лесов, складов хлеба) каралось лишением всех особенных прав и преимуществ, ссылкой в Сибирь, розгами

и отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет либо тюремным заключением от 1 года до 2 лет (ст. 2118). Умышленное потопление рудников, когда виновные могли и должны были предвидеть опасность для находящихся там рабочих и других людей, наказывалось лишением всех прав состояния, бессрочной каторгой, плетью с наложением клейм (ст. 2119). Потопление корабля, судна, обитаемого строения влекло каторжные работы до 10 лет, а потопление города или селения – каторгу до 20 лет (ст. 2120). За неосторожное потопление следовало тюремное заключение до 6 месяцев, или арест до 3 недель, или денежный штраф до 500 рублей (ст. 2121).

За умышленное истребление или повреждение чужого имущества любым способом (кроме поджога, взрыва порохом, газом или залития водой) виновные подлежали заключению в тюрьме до 6 месяцев, или аресту до 3 недель, или денежному штрафу до 100 рублей (ст. 2123). Это же наказание предусматривалось за умышленное истребление и повреждение чужих письменных актов и документов с целью получения противозаконной выгоды. Кто умышленно заражал чужой скот или употреблял какое-либо средство для отравления корма чужого скота, тот лишался некоторых особенных прав и преимуществ и заключался в смирительном доме на срок до 3 лет. Виновные в совершении имущественных преступлений приговаривались к вознаграждению за причиненные убытки.

Вторым видом преступлений против имущества было похищение чужого имущества, совершенное с насилием (разбой, грабеж) и совершенное без насилия (воровство-кража, воровство-мошенничество).

Уложение под разбоем понимало «...всякое на кого-либо... нападение, когда оное учинено открытой силой с оружием, или хотя и без оружия, но сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний...» (ст. 2129). За разбой в церкви предписывалась бессрочная каторга в рудниках. Подвергались наказаниям «в высшей оною мере» по правилам совокупности преступлений по ст. 156 Уложения (ст. 2130–2137) разбойное нападение на дом, обитаемое здание, селение, на улице города, селения, дороге, в открытом море, или на пристани, или озере, в уединенном месте; разбой почты, дилижанса, правительственного учреждения, если при этом были нанесены раны, увечья побои или иные истязания и мучения; разбой, совершенный шайкой; разбой, соединенный с убийством, рецидив. В случае, когда у виновных в разбое оказывалось имущество, то из него определялось вознаграждение за причиненные вред и убытки (ст. 2138).

В соответствии со ст. 2139, грабеж – это «всякое у кого-либо отнятие... имущества, с насилием или даже угрозами», открытое похищение какого-либо имущества в присутствии самого хозяина или других людей (ст. 2139). Грабеж, учиненный в церкви, или в обитаемом доме, или составившейся

для этой цели шайкой, влек за собой лишение всех прав состояния и каторгу до 12 лет (ст. 2140–2141). Грабеж во время пожара или наводнения наказывался каторгой на заводах сроком от 6 до 8 лет с лишением всех прав состояния, плетью с наложением клейм (ст. 2142). Если грабеж был совершен вооруженным лицом, хотя он не применил это оружие, то такое преступление признавалось Уложением разбоем и виновный подвергался ссылке в каторгу до 6 лет. Грабеж, соединенный с насилием или угрозами, но без отягчающих обстоятельств, не признавался разбоем, и за него устанавливалось лишение всех прав состояния и ссылка в каторгу до 6 лет, наказание плетью с наложением клейм (ст. 2144). Наказание повышалось на одну степень, если грабеж был совершен на улице, на проезжей дороге, и на две степени, если грабеж был совершен в ночное время. В случае, когда в грабеже участвовали несколько человек, не составлявших шайку, они лишались всех прав состояния, ссылались в Сибирь на поселение и наказывались плетью (ст. 2145). По мнению Д. Тальберга¹, законодателю не удалось установить различия между разбоем и грабежом на твердых и ясно определенных юридических началах. Подробный анализ состава разбоя и грабежа приводил к тому заключению, что эти преступления вполне родственны между собой, предмет преступного действия один и тот же; по способу действий разбой и грабеж в насилии и угрозах имели общий признак, резко отличающий насильственное похищение имущества от тайного или обманного; в обоих преступлениях направление злой воли выражалось в корыстном намерении, а похищение или завладение вещью признавалось за момент совершения преступного действия; и, наконец, как в разбое, так и в грабеже требовалась та же причинная связь между насилием или угрозами и похищением чужого имущества. Различие это, непонятное для человека, непосвященного в юридические тонкости, заключалось лишь в свойстве насильственных действий и угроз при наличии или отсутствии явной опасности для жизни, здоровья и свободы лица.

«Воровством-кражей признается всякое... в тайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащих к свойству грабежа и разбоя обстоятельств похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 2146). Кражи подразделялись на простые и квалифицированные. К квалифицированным относились кражи, учиненные составившейся для воровства шайкой. Организаторы и зачинщики подвергались лишению всех прав состояния, ссылке в отдаленнейшие места Сибири и телесным наказаниям. Остальные участники шайки, помимо лишения всех особенных прав и преимуществ и ссылки на жительство в Енисейскую или Иркутскую губернии без права выезда до 12 лет, подлежали отдаче в исправительные арестантские роты до 10 лет. Наказание уменьшалось на две степени, если участники шайки добровольно уклонились от совершения преступления, хотя и не донесли о нем (ст. 2147).

¹ См.: Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву. СПб., 1880. С. 197–200.

Кража, совершенная во время пожара, наводнения или при ином несчастном случае, влекла в первый раз лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку в Енисейскую или Иркутскую губернии с заключением до 3 лет и воспрещением выезда до 10 лет, наказание розгами и заключение в исправительные арестантские роты до 8 лет; во второй раз наказание повышалось на одну степень; в третий раз виновные лишались всех прав состояния и ссылались в Сибирь на поселение (ст. 2148).

Впервые была предусмотрена кража со взломом (подкоп под дом, «разбитие» ворот или наружных дверей здания, пролом стены, кровли). Виновные подвергались лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке на житье в Томскую или Тобольскую губернии с заключением до 3 лет, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты до 6 лет. За кражу со взломом, совершенную во второй или третий раз, подразумевалось усиление наказания (ст. 2149). Такое же наказание следовало за кражу сундуков, чемоданов, тюков с почтовых дилижансов; кражу, совершенную вооруженно; кражу свыше 300 рублей; кражу в маске или с изменением внешности; похищение актов, официальных бумаг для получения личной выгоды. Наказания повышались на две степени, если кража была совершена ночью; если виновные проникли в помещение через стену, забор или иную ограду; если кража была совершена в церкви, или во дворце, или в присутственном месте; кражу учинили с заранее обдуманым умыслом или намерением; кражу совершили лица, которые должны были хранить эти вещи; если была украдена вещь, необходимая для пропитания того, кому она принадлежала (ст. 2166).

К простым кражам относились кражи без рецидива, без взлома, не свыше 300 рублей, совершенные в гостиницах, постоялых домах, с дилижансов, повозок, совершенные впервые. Наказание за кражу уменьшалось на две или три степени, если виновный добровольно, до начала следствия, возвращал украденное хозяину (ст. 2170).

«Воровством-мошенничеством признается всякое, посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 2172). Мошенничество, совершенное при отягчающих обстоятельствах, то есть когда лицо выдавало себя за чье-либо уполномоченного, или поверенного, или служителя либо присвоило себе ложное имя или не принадлежащее ему звание, наказывалось лишением всех особенных прав и преимуществ, ссылкой в одну из отдаленнейших губерний, отдачей в рабочий дом или исправительные арестантские роты до 2 лет. Если же лицо, выдавая себя за действующего по поручению правительства чиновника, надевало на себя мундир или знак отличия, то наказание следовало по правилам совокупности преступлений (ст. 2173–2174). Употребление при игре запрещенных или незапрещенных поддельных карт, костей либо «передергивание» карт, костей во время игры с целью обыгрывания, обмана наказывалось, помимо лишения всех особенных прав и преимуществ и ссылки в Сибирь,

розгами и отдачей в исправительные арестантские роты до 2 лет или в рабочий дом до 1 года.

Наказание за мошенничество увеличивалось на одну степень, если оно было совершено по предварительному соглашению нескольких лиц или во второй раз, когда для обмана были приготовлены орудия или вещи; за обман малолетнего, слепого, глухонемого; когда виновный по званию своему или месту «по особым к лицу, им обманутому, отношениям», должен был внушать к себе доверие (ст. 2181). Совершение мошенничества в третий раз подлежало лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке в Сибирь с заключением до 3 лет, наказанию розгами и отдаче в исправительные арестантские роты на срок до 6 лет (ст. 2182–2183). Виновные обязывались возратить все похищенное и вознаградить потерпевших за причиненные убытки (ст. 2186).

Близкими к мошенничеству были составы присвоения и утайки чужой собственности, которые отличались от него отсутствием обмана при присвоении вещи. Особым признаком таких преступлений был подлог. Если кто-либо, намереваясь присвоить себе чужое недвижимое имение, составлял подложные крепости, межевые планы или иные какие-либо акты и документы, служащие доказательством права собственности, то он подвергался наказаниям за подлог (ст. 2188). Те же наказания следовали за подчистку или переправку документов с намерением присвоить себе либо доставить другому средства присвоить чужое недвижимое имение, или получение поправленных бумаг и передачу их в суд, или противозаконное употребление их (ст. 2189–2190). Если кто-либо, живя в чужом имении, представлял местному начальству документы, что это его собственность с целью ее присвоения, то, кроме лишения всех особенных прав и преимуществ и ссылки в Сибирь, он наказывался розгами и отдачей в исправительные арестантские роты на срок до 4 лет (ст. 2191).

Устанавливались наказания и за присвоение ученой или художественной собственности. За присвоение чужого произведения и издания его под своим именем виновный обязывался вознаградить сочинителя или художника за причиненный ему ущерб и убыток и сверх этого подвергался лишению всех особенных прав и преимуществ, ссылке в одну из отдаленных губерний с заключением на срок до 1 года и отдаче в рабочий дом на срок до 2 лет (ст. 2195). Если виновный, не выдавая себя за автора чужого сочинения, но зная, что оно есть литературная или художественная собственность другого, без уполномочия распорядился находящимся у него произведением как своим собственным, напечатав книгу, статью или ноты, размножив картины и другие произведения искусства, то он приговаривался сверх вознаграждения за причиненные им убытки к заключению в смирительном доме до 1 года. Такое же наказание ожидало тех, кто без дозволения автора решится напечатать новым тиражом книгу, статью или музыкальное сочинение, так же как и того, кто продаст рукопись или право издания произведения нескольким лицам порознь без их согласия, даже если при этом с его стороны не было никакого подлога или обмана (ст. 2196).

Заключался раздел составом преступлений и проступков по договорам и другим обстоятельствам. Так, кто силой или угрозами заставлял кого-либо подписать на себя обязательство, или истреблял акт, служащий доказательством права на собственность, или же соглашался на невыгодную сделку по имуществу, тот подвергался лишению всех прав состояния, ссылке в Сибирь на поселение и наказанию плетьюми (ст. 2198). Если это преступление сопровождалось побоями, истязаниями, жестокостью или лишением свободы, то виновный судился по статьям о разбое (ст. 2199). Подложное составление актов, умышленная переправка, подчистка и изменения в актах настоящих влекли лишение всех прав состояния, ссылку в Сибирь на поселение, наказание плетьюми. Такое же наказание следовало за составление подложного завещания или умышленное внесение в него переправок, подчисток или изменений (ст. 2203), Подделка актов и бумаг, которые в делах исковых, или тяжбных, или в торговых принимались за доказательство права на имущество, предусматривала лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылку в Сибирь, наказание розгами и отдачу в исправительные арестантские роты до 2 лет (ст. 2204).

Последнее отделение рассматривало преступления и проступки «по некоторым обстоятельствам в особенности. Например, кто имение, уже проданное, продал кому-либо другому, тот сверх возмещения причиненных убытков должен был подвергнуться лишению всех прав состояния, ссылке в Сибирь, наказанию плетьюми. Такое же наказание следовало за продажу имущества, не принадлежащего виновному, без особого на то уполномочия или права (ст. 2210). Суровое наказание полагалось и за продажу имущества, состоящего под запрещением, секвестром или под опекой (ст. 2211). Продажа заведомо украденного, через насилие или обман полученного имущества, влекла наказание по правилам совокупности преступлений. Купивший имущество у малолетнего или несовершеннолетнего без разрешения попечителей приговаривался к тюремному заключению до 6 месяцев и обязывался возвратить купленное имение без всякого вознаграждения (ст. 2214). При сдаче внаем, во временное пользование или на сохранение имущества умышленно истребивший или повредивший его отвечал по высшей мере наказаний за истребление или повреждение чужого имущества (ст. 2215–2216). Уложение устанавливало ответственность за нарушение порядка получения займа под заклад имущества (ст. 2217–2221). Поверенный, злонамеренно преступивший пределы данного ему полномочия или вошедший в сделку с противниками своего доверителя во вред ему, подлежал сверх вознаграждения за причиненные убытки наказаниям за мошенничество (ст. 2222). Поверенный, передавший или сообщивший содержание вверенных ему документов противникам своего доверителя без его согласия и не по распоряжению суда, причинив тем самым ущерб и убыток, подвергался заключению в тюрьме до 1 года, а если преступление было совершено с корыстными или противозаконными видами,

то виновный лишался всех особенных прав и преимуществ, ссылался в Сибирь, наказывался розгами и отдавался в исправительные арестантские роты на срок до 2 лет. За злонамеренное истребление или повреждение вверенных актов либо имущества, за присвоение, злонамеренную их утайку или растрату виновный приговаривался к высшей мере наказания, определенного за это преступное действие (ст. 2223–2224).

Остановимся на несовершенстве изданного кодекса. Основной недостаток Уложения, из которого следовали все остальные, заключался в том, что оно было предназначено для того розыскного, канцелярского, письменного и секретного судопроизводства, которое уже отжило. Свод законов не определял наказания в части охранительной уголовного закона, но в части определительной он давал точную теоретическую характеристику преступлений. Уложение, наоборот, определило все наказания, заключило их в весьма тесные пределы, но отказалось почти совершенно от определения преступлений. Вместо постановки общих родовых понятий оно задалось казуистикой, утомительным и бесплодным перечислением всех имеющихся случаев.

При таком подходе кодекс непомерно увеличился в объеме: Свод законов уголовных имел в издании 1832 г. всего 765 статьи, в издании 1842 г. 881 статью, тогда как Уложение содержало 2224 статьи, а Свод законов 1857 г. изд. – 2304. Это количество было столь громоздким, что человеческая память не могла с ним справиться. Казуистика в кодексе влекла за собой неизбежное последствие – запутанность и сбивчивость. Встречались случаи абсолютно тождественные, которые повторялись в тех или иных частях кодекса, но были поставлены под угрозу разных наказаний. Отвращение от теоретических определений, боязнь отвлеченности ставили Уложение во многих отношениях ниже Свода законов уголовных¹.

Особенную часть Уложения разделили на 11 разделов, заглавия которых находились в тесной связи с системой Свода законов. План, принятый редакторами, был совершенно произвольным и не выдерживал критики. Большая часть преступлений принадлежала к числу так называемых сложных, то есть таких, которые нарушали одновременно несколько прав и могли быть подведены под несколько рубрик или категорий. Так, поединок был отнесен к числу преступлений против жизни и здоровья частных лиц, между тем как главный «характеристический» признак «этого преступления заключался в том, что оно направлено против судебной власти государства и есть ничто иное, как вид самоуправства». В свою очередь, зажигательство, помещенное в ряд преступлений против частной собственности (раздел XII), представляло собой, главным образом, преступление против общественной безопасности.

¹ См. об этом: *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 50–56; *Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. № 1. С. 5–32.

Во втором случае были разъединены по частям Уложения и помещались в разных местах преступления однородные и имевшие между собой теснейшую связь. Так, в Уложении о наказаниях лжеприсяга отделена от лжесвидетельства, «плотские» преступления размещены в гл. VI разд. VIII (разврат, противоестественные пороки и сводничество), в отд. 1 гл. VI разд. X (изнасилование, растление, похищение девиц, обольщение), наконец, в гл. 1 разд. XI (прелюбодеяние, похищение замужних женщин, кровосмешение). Постановления о краже содержатся в гл. III разд. XII о преступлениях против собственности частных лиц; в разд. II о преступлениях против веры, где в гл. IV говорится о святотатстве как особом виде кражи; в разд. IV о преступлениях против порядка управления, где ведется речь о похищении вещей, отпечатанных по распоряжению правительства; в разд. VII о преступлениях против имущества и доходов казны, суть которой сводится вообще к похищению казенного имущества. Еще более «разбросанными» выглядят постановления, имеющие своим предметом различные виды подлога¹⁸⁵.

Таким образом, первый недостаток Уложения содержался в самой задаче, поставленной его редакторами: воссоединить законоположения самых различных эпох, наслоений, по самым основаниям своим противоречащих друг другу. Отсюда следовал целый ряд ошибок:

- 1) многостатейность уничтожила возможность отчетливого и ясного применения кодекса на практике;
- 2) невероятное число различных видов каждого преступления (например, упоминалась кража со взломом, взлезом, с оружием, домашняя, семейная, на пути, на пожаре, на кладбище, в церкви и т. п.);
- 3) многостатейность не ограничила судебного произвола, а наоборот, создала его в таком широком объеме, которого не знала ни одна западная практика.

Самый главный дефект лестницы наказаний состоял в том, что ее рубрики наказаний главных, дополнительных и особенных не объединяли всех карательных мер, встречающихся в Уложении. В Особенной части есть целый ряд наказаний, известных под общим именем исключительных, которые встречались только при некоторых отдельных правонарушениях. Так, отдача в монастырь на заработки имела религиозный оттенок, и этому наказанию следовало бы иметь место скорее в церковных законах, чем в Уложении; другие носили характер взысканий гражданских, например, недействительность духовных завещаний, ограничение в праве наследования; третьи были по существу своему исключительно уголовными (заключение в крепости за дуэль). Все они в общую лестницу не введены. Существование этих наказаний составляло один из практических недостатков Уложения и представляло ряд затруднений, часто не разрешимых теоретически.

¹ См.: Неклюдов Н. А. Приложение к учебнику Бернера. СПб., 1865. Т. 1. С. 274–279.

Таким образом, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как акт кодификации российского уголовного законодательства подвело определенный итог развитию одной из важнейших отраслей российского права. Уложение в Общей и Особенной частях представило довольно стройную систему основных институтов, хотя и не лишенных отмеченных выше недостатков. Вместе с тем именно Уложение о наказаниях уголовных и исправительных возвело уголовные законы на уровень кодифицированного акта, составило базу для эволюции уголовного законодательства и науки уголовного права как последующих этапов развития российского законодательства и правоведения.

* * *

Подводя итог рассмотрению вопросов, связанных с кодификацией уголовного законодательства в конце 1830-х – середине 1840-х гг., необходимо отметить следующее:

- кодификация уголовного законодательства и издание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. явились завершающим этапом в деятельности Российского государства по упорядочению уголовного законодательства дореформенной России. Создание Уложения доказало правильность и практическую значимость выработанной М. М. Сперанским программы систематизации российского законодательства, реализованной в ходе инкорпорации законодательства в рамках Полного собрания законов Российской империи и его консолидации в Своде законов Российской империи, составной и одной из важнейших частей которых явилась инкорпорация и консолидация уголовных законов. Именно эти акты систематизации законодательства Российской империи явились базой, на которой была выстроена кодификация уголовного законодательства и создание Уложения;

- ход подготовки Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. аккумулировал накопленный опыт деятельности государства по систематизации законодательства, реализовал весь имеющийся арсенал методов и приемов законодательной техники, находившийся в распоряжении чиновников Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Привлечение самого широкого круга исходных материалов для подготовки Уложения происходило благодаря учету накопленного законодательства, практики его применения, уголовной статистики и достижений развивающейся русской правовой науки и образования. Вместе с тем кодификаторы активно использовали зарубежный опыт развития уголовного законодательства, принимая во внимание действующее европейское уголовное законодательство и работы юристов;

- в качестве акта кодификации уголовного законодательства России, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. являлось юридическим документом – кодексом, отвечающим требованиям развития законодательства России. Его издание способствовало усилению законности

в юрисдикционной деятельности государства. Даже излишняя детализация общих положений и составов преступлений в Уложении в условиях достаточно низкого уровня правовой подготовки государственных служащих способствовала конкретизации квалификации преступных деяний в процессе применения права;

- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных повлекло издание к нему комментариев и учебной литературы, изменение преподаваемых курсов по уголовному праву в юридических учебных заведениях;

- издание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных способствовало развитию науки уголовного права, которая должна была решить проблемы применения нового закона, уточнить его общие теоретические положения, обратиться к предложениям по совершенствованию кодекса. Все вышперечисленные нашло отражение в подготовке новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которая состоялась в 1885 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проведенная в первой половине XIX в. систематизация уголовного законодательства России явилась наиболее результативной с точки зрения завершения законодательного оформления одной из ведущих отраслей российского права. Упорядочение уголовных законов, проходившее в контексте приведения в систему всего законодательного массива Российской империи, претерпело все перипетии, характерные для процесса развития сферы юридической деятельности Российского государства.

Прежде всего, это было связано с тем, что в конце XVIII – первой четверти XIX вв. вопросы систематизации законодательства Российской империи начали выдвигаться в число первоочередных проблем в регулировании различных направлений функционирования Российского государства. Царивший в законодательстве страны хаос и противоречия между изданными на протяжении полутора веков законодательными актами не способствовали достижению результатов в управлении страной, препятствовали нормальному разрешению судебных и административных дел, создавали простор для самых разных форм злоупотреблений и произвола. Многочисленные выписки из законов в присутственных местах, множество изданий законодательства ведомственного и частного характера еще более усугубляли положение. Работа законодательных комиссий в XVIII в. не принесла реальных, реализованных на уровне законов, результатов. Новое, XIX-е столетие, ознаменовалось повышением внимания к правовой сфере государства и закону как средству управления всеми процессами в стране. Именно поэтому в реформаторских начинаниях Александра I и М. М. Сперанского систематизация законодательства приобрела особое значение. На создание кодифицированных актов в основных отраслях российского права (гражданском, торговом и уголовном) были направлены основные усилия специальных государственных учреждений – Комиссий составления законов конца XVIII – первой четверти XIX вв.

Деятельность законодательных комиссий в первой четверти XIX в. вскрыла проблемы развития юридической сферы Российского государства. Неразработанность теоретических и организационных основ систематизации законодательства, отсутствие ясности в самом российском законодательстве, нехватка опытных чиновников-«законоведцев», недостаточный отечественный опыт правовой деятельности, стремление к неоправданно быстрому изданию новых уложений – все это не способствовало решению проблемы в целом. При этом необходимо учитывать и определенное влияние внутри- и внешнеполитической ситуации. Это сказалось на достаточно жестком противодействии реформам со стороны российской бюрократии и явном противодействии начинаниям Сперанского, олицетворявшего реформаторскую идеологию. К этому следует добавить и неприятие привлечения европейского законодательного опыта (особенно французского) в создании российских отраслевых

уложений, вызванного противостоянием, а затем и войной с Францией. В силу указанных причин деятельность Комиссии составления законов в вопросах создания Уголовного уложения (как впрочем, Гражданского и Торгового) не имела реального практического выхода. Проекты уложений после различного рода обсуждений так и не дошли до принятия, но именно деятельность законодательных комиссий первой четверти XIX в. позволила накопить столь необходимый опыт для дальнейшей работы по систематизации законодательного массива в последующие годы. Этот период «проб и ошибок» предоставил возможность выработать общие и частные подходы к систематизации российского законодательства, определить необходимые его этапы и уровни систематизации узаконений. Важной вехой и составной частью процесса систематизации уголовного законодательства первой половины XIX в. явилось создание проекта Уголовного уложения 1813 г.

Вторая четверть XIX в. стала логическим продолжением деятельности Российского государства по упорядочению законодательства. Исходя из опыта предшествующего периода были принципиально изменены организационные и теоретические основы проведения данного процесса. Предложенная М. М. Сперанским программа наведения порядка в законодательном массиве страны была построена на основе последовательной реализации трех ключевых этапов систематизации на уровне Полного собрания законов, Свода законов, а затем системы кодексов (уложений) отраслевого характера. Одобрение Николаем I программы Сперанского и создание в Собственной его императорского величества канцелярии Второго отделения специально для проведения систематизации законодательства дали новый импульс упорядочению узаконений и поставили задачу систематизации законодательства в число государственных вопросов, организационно и содержательно курируемых непосредственно императором.

Говоря о месте и роли систематизации уголовного законодательства в России в первой половине XIX в., следует обратить внимание на развитие тенденций постепенного упорядочивания уголовных законов Российской империи. При этом уголовное законодательство явилось единственной отраслью, в которой был планомерно осуществлен процесс систематизации: хронологическая инкорпорация уголовных законов в рамках Полного Собрания законов Российской империи, консолидация действующего уголовного законодательства в рамках Свода законов Российской империи, в котором был выделен специальный том (т. 15) – Свод законов уголовных. Завершающим этапом стала кодификация уголовного законодательства и издание в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

В середине 1820-х – 1830-х гг. успешно завершились первые два этапа программы систематизации законодательства, предложенной М. М. Сперанским. Было подготовлено и издано сорок томов Полного собрания законов Российской империи, а затем пятнадцать томов Свода законов Российской

империи. Эти издания явились важнейшей вехой как в систематизации российского законодательства в целом, так и в сфере уголовного законодательства. Полное собрание законов представило всю совокупность изданных с 1649 г. уголовных узаконений, Свод законов в 15 томе (Своде законов уголовных) – тематическую консолидацию действующего в России уголовного законодательства. Свод законов уголовных привел в довольно стройную систему, изложил и согласовал между собой (а также с другими частями Свода) действующее уголовное законодательство. С точки зрения законодательной техники, обеспечения доступности законодательства и гарантии законности издание Свода законов Российской империи и Свода законов уголовных было крупным прорывом в становлении системы российского законодательства, важным шагом в сторону управления жизнедеятельностью страны на основе законов. Издание Продолжений Свода законов, включавших вновь изданные узаконения, а затем переиздание Свода в 1842 г. продолжили этот процесс. Одновременно с инкорпорацией уголовных законов и консолидацией действующих уголовных узаконений Полное собрание и Свод законов уголовных создали важнейшие организационно-содержательные предпосылки для подготовки и проведения кодификации уголовного законодательства Российской империи, которая была признана Николаем I первоочередной задачей в плане создания кодифицированных актов отраслевого характера.

Подготовка и издание первого в истории России уголовного кодекса – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – стали показателем правильности подходов к созданию системы российского законодательства, явились результатом развития теории и практики деятельности государства по систематизации законодательства страны. Ход подготовки проекта Уложения аккумулировал российский и зарубежный опыт развития уголовного законодательства, показал уровень сложившейся законодательной техники и продемонстрировал способность кодификационного учреждения к достаточно быстрому созданию сложного и объемного правового акта. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. стало первым и единственным кодексом отраслевого характера в истории Российского государства XIX – начала XX вв. Оно составило основу для последующей редакции Уложения (1885 г.), а также новой кодификации и создания Уголовного уложения 1903 г.

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРОЕКТЕ УЛОЖЕНИЯ О НАКАЗАНИЯХ**

<i>Çàéíí íãàòæüü úá àéòü</i>	<i>Ëîèè- ÷ãîãî ñò àòæé</i>	<i>%-íîá íí- äãðæà</i>
Всего по проекту Уложения о наказаниях уголовных и исправительных		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи	374	17,3
Новеллы, в том числе:	457	21,2
– <i>восполнение пробелов;</i>	370	
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	87	
Всего	2156	100
По разделам проекта Уложения		
РАЗДЕЛ I		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи	116	64
(Общие губернские учреждения, Устав о содержащихся под стражей, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Указ от июня 1781 г., Устав о службе по определению от правительства, Свод законов гражданских, Высочайшее повеление от 22 января 1843 г.)	13	7,2
Новеллы, в том числе:	52	28,8
– <i>восполнение пробелов;</i>	45	
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	7	
Всего	181	100
РАЗДЕЛ II		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи	26	32,5
(Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Свод законов гражданских, постановления о благоустройстве в казенных селениях, Устав о питейном сборе и акцизе, Устав духовных консисторий)	42	52,5
Новеллы, в том числе:	12	15
– <i>восполнение пробелов;</i>	9	
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	3	
Всего	80	100

РАЗДЕЛ III		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Устав о цензуре, Устав о предупреждении и пресечении преступлений)	15	71,4
Новеллы , в том числе:	1	4,8
– <i>восполнение пробелов</i> ;	5	23,8
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	0	
Всего	21	100
РАЗДЕЛ IV		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Учреждение комиссии прощения, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, постановления о благоустройстве в казенных селениях, Устав о колониях иностранцев в империи, Свод законов о состояниях, законы межевые)	25	35,2
Новеллы , в том числе:	23	32,4
– <i>восполнение пробелов</i> ;	23	32,4
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	18	
	5	
Всего	71	100
РАЗДЕЛ V		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Учреждение Сената, Общее губернское учреждение, Устав о службе, Свод военных постановлений, Учреждение Кавказской области, Свод законов межевых, Устав о содержащихся под стражей, Устав рекрутский, Свод законов гражданских, Устав о пошлинах, Устав о податях, Устав торговый)	46	27,7
Новеллы , в том числе:	86	51,8
– <i>восполнение пробелов</i> ;	34	20,5
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	31	
	3	
Всего	166	100
РАЗДЕЛ VI		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Устав рекрутский, Свод законов о состояниях, Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 18 октября 1842 г., Высочайшее повеление от 24 декабря 1843 г., Устав о паспортах и беглых, Свод военных постановлений, постановления о благоустройстве в казенных селениях, Общее губернское учреждение, Мнение Государственного совета от 28 февраля 1844 г.)	0	
Новеллы , в том числе:	43	100
– <i>восполнение пробелов</i> ;	0	0
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	0	0
	0	0
Всего	43	100

РАЗДЕЛ VII		
Свод законов уголовных	5	1,2
Законодательство Российской империи (Постановления о городском и сельском хозяйстве, Устав монетный, Устав горный, Положения об экспедиции Государственных кредитных билетов от 1 июня 1843 г., Устав о пошлинах, Устав о соли, Устав таможенный, Устав о питейном сборе и акцизе, Откупные условия для войска Донского от 4 августа 1842 г., Устав об акцизе с табака, Устав лесной, Проект о нарушении правил по приисканию цветных драгоценных камней, составленный в кабинете его императорского величества, постановления о промышленности фабричной и заводской)	371	91,4
Новеллы, в том числе:	30	7,4
– <i>восполнение пробелов;</i>	30	
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	0	
Всего	406	100
РАЗДЕЛ VIII		
Свод законов уголовных	20	2,4
Законодательство Российской империи (Уставы врачебные, постановления о благоустройстве в казенных селениях, Устав о народном продовольствии, постановления о городском и сельском хозяйстве, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав рекрутский, Устав о паспортах и беглых, постановления о фабричной и заводской промышленности, Устав пожарный, Устав о цензуре, Устав строительный, Устав лесной, законодательные акты Общих губернских учреждений, Постановление о колониях иностранцев в империи, Свод законов о состояниях, Свод законов гражданских, Устав путей сообщения, Положение от 22 октября 1830 г., Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 11 декабря 1839 г., Инструкция от 19 ноября 1839 г., учреждения и уставы кредитных установлений, Устав торговый, Устав о службе по определению от правительства, Устав о пошлинах, Инструкции комитета для надзора за бракованием товаров от 30 июля 1828 г., 4 февраля 1838 г., 21 марта 1839 г., постановления ремесленные, Высочайшее положение от 25 мая 1819 г., Постановление от 26 апреля 1843 г.)	649	79,2
Новеллы, в том числе:	150	18,4
– <i>восполнения пробелов;</i>	103	
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	47	
Всего	819	100

РАЗДЕЛ IX		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Свод законов о состояниях, Свод законов гражданских, Устав о службе по выборам, постановления о благоустройстве в казенных селениях)	8	12,1
Новеллы , в том числе:	40	60,6
– <i>восполнение пробелов</i> ;	18	27,3
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	12	
	6	
Всего	66	100
РАЗДЕЛ X		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Устав о карантинах, Устав таможенный)	52	41,8
Новеллы , в том числе:	2	1,6
– <i>восполнение пробелов</i> ;	70	56,6
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	58	
	12	
Всего	124	100
РАЗДЕЛ XI		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Свод законов гражданских, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав духовных консисторий, Устав Евангелическо-Лютеранской церкви, постановления о благоустройстве в казенных селениях, Закон царства Польского о союзе брачном)	8	14,8
Новеллы , в том числе:	25	46,3
– <i>восполнение пробелов</i> ;	21	38,9
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	21	
	0	
Всего	54	100
РАЗДЕЛ XII		
Свод законов уголовных Законодательство Российской империи (Свод законов гражданских, Устав лесной, законы межевые, Устав о ссыльных, законы о состояниях, Устав торговый, постановления о колониях)	53	42,4
Новеллы , в том числе:	30	24
– <i>восполнение пробелов</i> ;	42	33,6
– <i>заимствования из иностранного законодательства</i>	38	
	4	
Всего	125	100

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Уголовный кодекс Российской Федерации. – Екатеринбург, 2004. – Ч. 2.
- Алексеева Р. С.* Организация кодификационных работ в России в первой половине XIX в. / Р. С. Алексеев // Актуальные проблемы общественных, естественных и технических наук. – Пермь, 1983.
- Бабичев А.* О редакционном исправлении Свода законов / А. Бабичев // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1865.
- Бартенев В.* О тюремном заключении / В. Бартенев // ЖМЮ. – 1862. – № 8.
- Брекнер А.* Вопрос о тюрьмах / А. Брекнер // ЖМЮ. – 1865. – № 1.
- Галкин М. Н.* Материалы к изучению тюремного вопроса / М. Н. Галкин. – СПб., 1868.
- Белогриц-Котляровский Л. С.* О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование / Л. С. Белогриц-Котляровский. – Киев, 1860.
- Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права / А. Ф. Бернер. – СПб., 1865–1866. – Т. 1.
- Гайдук С. П.* Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России: дис. ... канд. юрид. наук / С. П. Гайдук. – М., 1987.
- Гордеенков Г.* Разбор основных начал науки уголовного права / Г. Гордеенков. – Харьков, 1832.
- Есипов В. В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В. В. Есипов. – Варшава, 1894.
- Жбанков Д. Н.* Телесные наказания в России в настоящее время / Д. Н. Жбанков, В. И. Яковенко. – М., 1899.
- Казанцев С. М.* О юридической силе Свода законов Российской империи / С. М. Казанцев, М. В. Сидорчук // Вестник ЛГУ. – Сер. 6. – 1988. – Вып. 2.
- Каминка А. И.* Сила Свода законов / А. И. Каминка // Право. – 1908. – № 1.
- Карнович Е. Л.* О новом издании Полного собрания законов / Е. Л. Карнович // Русская старина. – 1874. – Т. X.
- Кистяковский А.* Главнейшие моменты развития науки уголовного права. Оттиск из университетских известий / А. Кистяковский. – Б. и., 1876.
- Кодан С. В.* М. М. Сперанский и систематизация законодательства / С. В. Кодан // Советское государство и право. – 1989. – № 6.
- Колесников А. И.* Систематизация законодательства в России в начале XIX в., проведенная М. М. Сперанским / А. И. Колесников // Ученые записки ВНИИ-ИСЗ. – М., 1966. – Вып. 8.
- Коркунов Н.* Значение Свода законов / Н. Коркунов // Сборник статей 1877–1897. – СПб., 1898.
- Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф. – СПб., 1861. – Т. 1.

Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. – СПб., 1846.

Липинский М. К. К истории уголовного права XVIII в. / М. К. Липинский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – № 12.

Майков П. М. О Своде законов Российской империи / П. М. Майков. – СПб., 1905.

Миненок М. Г. Наказание в русском уголовном праве. Историко-правовой очерк / М. Г. Миненок. – Калининград, 1985.

Нигматуллин Р. В. Институт смертной казни в уголовном праве России XIX в. / Р. В. Нигматуллин. – Уфа, 1997.

Орлов Н. О тюремном заключении / Н. Орлов // ЖМЮ. – 1866. – № 7.

Позднышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы / С. В. Позднышев // Учен. зап. Моск. ун-та. – 1907. – Вып. 28.

Полное собрание законов Российской империи. – 1-е собрание. – СПб., 1830.

Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. – М., 1992.

Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1994.

Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. – М., 1986.

Рыбаков Ю. А. Своды законов Российской империи первой половины XIX в. (к источниковедческой характеристике) / Ю. А. Рыбаков // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984.

Ступин М. История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени / М. Ступин. – Владикавказ, 1887.

Свод законов Российской империи. – СПб., 1832. – Т. 15.

Сидорчук М. В. Систематизация законодательства в России в 1826–1832 гг. автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Сидорчук. – Л., 1983.

Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.) / И. И. Солодкин. – Л., 1961.

Сперанский М. М. Предположения к окончательному составлению законов / М. М. Сперанский // Русская старина. – 1876. – № 2.

Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о Своде законов / М. М. Сперанский. – СПб., 1833.

Сухомлинов М. Исследование и статьи по русской литературе и просвещению / М. Сухомлинов. – СПб., 1889. – Т. 1.

Труды комиссии составления законов. – 1822. – Ч. 1.

Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн. – Ярославль, 1909.

Филлипов А. О наказании по законодательству Петра I в связи с реформами / А. Филлипов. – М., 1891.

Филлипов А. Н. К вопросу о составе Первого Полного собрания законов Российской империи / А. Н. Филлипов. – М., 1916.

Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому уголовному праву / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1871.

Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1889.

Шайкевич С. Учение о краже со взломом / С. Шайкевич // Юридический вестник. – 1867. – № 1.

Шебанов А. Ф. Из опыта создания Полного собрания законов в дореволюционной России / А. Ф. Шебанов // Правоведение. – 1967. – № 2.

Шебанов А. Ф. О роли систематических собраний законодательства (на примере Свода законов 1832 г.) / А. Ф. Шебанов // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1969. – Вып. 16.

Шебанов А. Ф. Полное собрание законов Российской империи. (Из истории систематизации законодательства в России) / А. Ф. Шебанов // Труды ВЮЗИ. – М., 1970. – Т. XIV.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. Проект Уголовного уложения Российской империи: поиски путей систематизации уголовного законодательства в первой четверти XIX века	
1.1. Попытки систематизации уголовного законодательства	5
1.2. Проект Уголовного уложения 1813 г.	15
ОЧЕРК ВТОРОЙ. Свод законов уголовных: систематизация уголовного законодательства в рамках Свода законов Российской империи 1832–1842 гг.	
2.1. Подготовка и издание Свода законов уголовных 1832 г.	22
2.2. Свод законов уголовных 1832–1842 гг.	33
ОЧЕРК ТРЕТИЙ. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: кодификация уголовного законодательства Российской империи 1839–1845 гг.	
3.1. Подготовка проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных	65
3.2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.	82
ПОСЛЕСЛОВИЕ	163
ПРИЛОЖЕНИЕ	166
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170

Ольга Владимировна Андрусенко

**Очерки по истории систематизации
уголовного законодательства
Российской империи
первой половины XIX века**

Монография

Редактор *Ю. В. Казаринова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Коркиной*

Подписано в печать 06.05.2010. Формат 60x84 1/16
Печать трафаретная. Бумага офисная
Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 12,8
Тираж 54 экз. Заказ № 32

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Копировально-множительное бюро
Уральского юридического института МВД России